

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АНДРИЧЕНКО Людмила Васильевна

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

БУХВАЛЬД Евгений Моисеевич

заместитель главного редактора, д.э.н., профессор, заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития Института экономики РАН

БУКИНА Ирина Сергеевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

ВАЛЕНТЕЙ Сергей Дмитриевич

главный редактор, д.э.н., профессор, руководитель Научно-исследовательского объединения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ГОРЕГЛЯД Валерий Павлович

д.э.н., профессор, главный аудитор Банка России

ДРУЖИНИН Александр Георгиевич

д.г.н., профессор, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета

ИЛЬИН Владимир Александрович

член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, научный руководитель Вологодского научного центра РАН

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

д.э.н., профессор РАН, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

КУРБАНОВ Рашад Афатович

д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЕКСИН Владимир Николаевич

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ЛОБАНОВ Иван Васильевич

к.ю.н., доцент, ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

ЛЫКОВА Людмила Никитична

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

академик РАН, д.э.н., профессор, заведующий Сектором теоретических и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН

МАКАРОВ Валерий Леонидович

академик РАН, д.ф.-м.н., профессор, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН

ПОЛТЕРОВИЧ Виктор Меерович

академик РАН, д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Математическая экономика» Центрального экономико-математического института РАН

ШВЕЦОВ Александр Николаевич

д.э.н., профессор, заведующий отделением ФИЦ «Информатика и управление» РАН

ШАКИРОВА Диана Фаридовна

ответственный секретарь

ОДИНЦОВА Александра Владимировна

ответственный редактор, д.э.н., доцент

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

FEDERALISM

Theory. Practices. History

1 (113), 2024, Vol. 29

EDITORIAL BOARD

ANDRICHENKO Lyudmila V.

Dr. Sc. (Law), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Center for Public Law Research
of Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation

BAKHTIZIN Albert R.

Corresponding Member of the RAS,
Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Director of
Central Economics and Mathematics Institute
of the RAS

BUKHVALD Eugeny M.

Deputy Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Center of Federal Relations
and Regional Development of Institute
of Economics of the RAS

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher of Institute of
Economics of the RAS

VALENTEY Sergey D.

Editor in Chief, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head
of the Research Association of Plekhanov Russian
University of Economics

GOREGLIAD Valeriy P.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Auditor of Bank
of Russia

DRUZHININ Alexander G.

Dr. Sc. (Geography), Professor,
Director of the North Caucasus Research Institute
of Economic and Social Problems of Southern
Federal University

ILYIN Vladimir A.

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc.
(Econ.), Professor, Honored Scientist of Russian
Federation, Scientific Director of Vologda Research
Center of the RAS

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the RAS, Chief
Researcher of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

KURBANOV Rashad A.

Dr. Sc. (Law), Professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation, Head of the Department
of Civil Law Disciplines of Plekhanov Russian
University of Economics

LEKSIN Vladimir N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

LOBANOV Ivan V.

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Rector
of Plekhanov Russian University of Economics

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher
of Institute of Economics of the RAS

MAEVSKIY Vladimir I.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of the Subcenter of Theoretical
and Applied Problems of Reproduction of Institute
of Economics of the RAS

MAKAROV Valeriy L.

Academician of the RAS,
Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor,
Scientific Adviser of Central Economics and
Mathematics Institute of the RAS

POLTEROVICH Victor M.

Academician of the RAS, Dr. Sc. (Econ.),
Professor, Head of Scientific Research
“Mathematical Economics” of Central Economics
and Mathematics Institute of the RAS

SHVETSOV Alexander N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor,
Head of Department of Federal Research Center
“Computer Science and Control” of the RAS

SHAKIROVA Diana F.

Secretary of the Board

ODINTSOVA Alexandra V.

Executive Editor, Dr. Sc. (Econ.),
Associate Professor

Founder:

Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

○ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

КИСКИН Е.В.

Системный подход к построению правотворческой стратегии (на примере стратегического планирования пространственного развития России)	5
---	---

ОРЕХОВСКИЙ П.А., КАПОГУЗОВ Е.А.

Политико-экономические дискурсы централизации и децентрализации: образование и наука в России.....	21
---	----

○ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПЕТРИКОВ А.В.

Межрегиональные различия в качестве жизни сельского населения и пути их преодоления	55
--	----

БОБКОВ В.Н., ОДИНЦОВА Е.В.

Влияние уровня заработной платы на качество занятости и экономическую устойчивость домохозяйств	77
--	----

ЛЯШЕНКО Е.А., ЖУКОВСКИЙ А.Д.

Оценка инновационного развития регионов в условиях структурной трансформации экономики	96
---	----

○ БЮДЖЕТНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

ЛЫКОВА Л.Н.

Итоги 2023 г. для региональных бюджетов. Просматривается ли реструктуризация экономики?	111
--	-----

БУКИНА И.С.

Результаты бюджетно-налоговой политики в новых условиях.....	128
--	-----

○ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ТИТОВА Е.С.

Роль биотехнологий в развитии полюсов роста в российских регионах	146
--	-----

○ МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

ЛОПАТИНА П.А.

Банкротства компаний в Российской Федерации в ковидный и постковидный периоды.....	171
---	-----

CONTENTS

○ QUESTIONS OF THEORY

KISKIN E.V.

Systematic Approach to the Construction of a Law-Making Strategy
(Using the Example of Strategic Planning of Spatial Development in Russia) 5

OREKHOVSKY P.A. KAPOGUZOV E.A.

Political and Economic Discourses of Centralization and Decentralization:
Education and Science in Russia..... 21

○ SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS

PETRIKOV A.V.

Differences in the Quality of Life of the Rural Population Between Regions and
Ways to Overcome Them 55

BOBKOV V.N., ODINTSOVA E.V.

The Impact of Wage Levels on the Quality of Employment and Economic
Sustainability of Households..... 77

LYASHENKO E.A. ZHUKOVSKII A.D.

Assessment of Innovative Development of Regions in the Context of Structural
Transformation of the Economy 96

○ FISCAL FEDERALISM

LYKOVA L.N.

Results of 2023 for Regional Budgets. Is the Restructuring of the Economy
Visible? 111

BUKINA I.S.

Results of Budget and Tax Policy in the New Conditions..... 128

○ ANALITICAL NOTES

TITOVA E.S.

The Role of Biotechnologies in Russian Regions Growth Poles Development 146

○ YOUNG SCIENTISTS

ALOPATINA P.A.

Bankruptcy of Companies in the Russian Federation in the Covid
and Post-Covid Periods 171

Е.В. КИСКИН

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ)

В настоящее время в России правотворческая деятельность осуществляется по модели тактического (ad hoc) реагирования на изменение ситуации, т.е. путем внесения множества локальных изменений в законодательство (так, в 2023 г. принято 685 федеральных и 9 федеральных конституционных законов). Вместе с тем быстрота и глубина происходящих в мире трансформаций, а также возрастающая сложность социальных взаимосвязей требуют перехода к стратегическому подходу, т.е. к целенаправленному конструированию будущего правовыми средствами. Правотворческая стратегия позволяет снизить вариативность развития правового регулирования, поэтому ее исследование весьма актуально. В статье предпринимается попытка исследования правотворческой стратегии с позиций системной методологии. Такой подход позволяет рассмотреть стратегию комплексно, охарактеризовать ее свойства, функции, состав и структуры, а также взаимосвязи с внешней средой. Теоретические выводы иллюстрируются на примере формирования стратегии пространственного развития России. Это направление стратегического планирования сейчас особенно актуально, поскольку необходимо реагировать на новые внешние (санкции, переориентация экономических связей) и внутренние (увеличение числа субъектов Федерации, перераспределение логистических потоков, необходимость обеспечения технологического суверенитета) вызовы. В заключение автор делает выводы о необходимости институционализации правотворческой стратегии и обеспечении системного подхода при ее формировании.
Ключевые слова: стратегия, правотворчество, системный подход, правотворческая стратегия, пространственное развитие, стратегия пространственного развития, регион.

JEL: E27, E61, K10, K19, O18

«Нет ничего практичнее хорошей теории». Эта максима, приписываемая психологу Курту Левину [1, с. 1], пожалуй, наиболее точно выражает потребность научного осмысления правотворческой деятельности, особенно той ее части, которая связана с определением долгосрочных

перспектив развития правового регулирования. Быстрота и глубина происходящих в мире трансформаций, а также возрастающая сложность социальных взаимосвязей требуют перехода от тактического (*ad hoc*) реагирования на изменение ситуации к *целенаправленному конструированию будущего*, в т.ч. правовыми средствами. Правотворческая стратегия выступает тем самым инструментарием, *позволяющим снизить вариативность развития правового регулирования*, придать этому процессу целенаправленность и рациональную обоснованность.

В общественных науках стратегия изучается прежде всего экономикой и в основном применительно к поведению частных коммерческих субъектов (фирм, корпораций) [2; 3]. Появляющиеся в последние годы работы, исследующие стратегический подход к государственному (шире — публичному) управлению, носят преимущественно прагматический и дидактический характер [4], а в юридической литературе рассматриваются, как правило, отдельные аспекты правовых (в т.ч. правотворческих) стратегий [5].

В то же время в современной постнеклассической науке системность сохраняет свое значение как важный методологический принцип [6]. Поэтому мы считаем необходимым предпринять попытку обосновать более широкий (универсальный) подход к правотворческой стратегии. Несмотря на имеющееся мнение о невозможности построения общей теории систем [7, с. 296–298], решение такой задачи применительно к конкретной области социальной (правовой) действительности мы полагаем реальным и эвристически продуктивным. За основу (в качестве своего рода аксиоматической системы) примем вариант упорядочения общесистемных категорий, предложенный Валерием Николаевичем Сагатовским [8], что позволит обеспечить методологическое единство исследования.

Теоретические выводы мы проиллюстрируем на примере формирования правотворческой стратегии в сфере пространственного развития России. Выбор фактического материала не случаен. Страна оказалась в беспрецедентных для современной истории обстоятельствах. Внешнее санкционное давление, смена парадигмы внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, территориальные изменения — все это повышает неопределенность дальнейшего развития государства, в т.ч. в части системы расселения, пространственной организации экономики, социальной и иных сфер общественной жизни.

В то же время именно стратегия, как мы сказали, призвана оптимизировать процессы управления будущим [9, с. 9], повысить предсказуемость результата принимаемых правотворческих решений.

Кроме того, в следующем году прекращает действие Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹. Правительство уже приступило к разработке концепции ее новой

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

версии². Поэтому теоретическое осмысление правотворческих аспектов стратегического планирования именно в сфере пространственно-го развития весьма актуально.

Правотворческая стратегия как система

Рассматривая правотворческую стратегию в качестве системы, мы характеризуем ее как целое, которое не сводимо к механической сумме составляющих его частей, т.е. обладающее *особыми интегративными характеристиками*, придающими всей совокупности новые качества.

Сложность исходного объекта ведет к тому, что в науке до настоящего времени *нет единого понимания онтологического статуса стратегии*. Она рассматривается как деятельность, процесс, набор правил, паттерн или план, а также как совокупность этих понятий [10]. Исходя из многообразия стратегий, все эти подходы имеют эвристическую ценность. С точки зрения системного метода сущность правотворческой стратегии может быть познана в различии с другими объектами. Элементы системы, различные или тождественные по отношению к элементам других систем, характеризуются как *свойства* этой системы [8, с. 176]. Понятно, что критериев сходства и различия правотворческой стратегии с другими системами может быть множество, остановимся лишь на *наиболее существенных*, с нашей точки зрения, *свойствах стратегии*.

Правотворческая стратегия — *гетерогенная система*, состоит из элементов разной природы. Соответственно, она не может быть однозначно описана как совокупность одних лишь действий, или процессов, или правил, либо же как документ (группа документов).

Учитывая, что правотворчество есть институционализированная деятельность по разработке, принятию, легитимации и трансляции общеобязательных нормативных текстов, то правотворческая стратегия должна рассматриваться как *деятельностная система*. Это означает, что ее *элементами*, т.е. первичными, далее не редуцируемыми (применительно к интегративным свойствам системы) составными частями будут субъекты, объекты и связи (отношения) между ними. Причем именно последние придают всей совокупности интегративные качества.

Человеческая деятельность предполагает социальные взаимодействия и тем самым коммуникацию. Как мы неоднократно писали ранее, правотворчество имеет коммуникативную природу и мыслится как интеракция субъектов, в ходе которой формируются социально признанные нормативные правовые тексты [11; 12]. Соответственно, с этой точки зрения правотворческая стратегия будет *коммуникативной системой*.

Исходя из специфики правотворческой коммуникации, направленной на институционализацию общеобязательных велений, необходимо обратить внимание на прескриптивный (предписывающий) характер правотворческой стратегии. И в этом плане она выступает как *норма-*

² Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии по развитию инфраструктуры. URL: <http://government.ru/news/50202/>

тивная система. При этом нормативность не означает, что правотворческая стратегия состоит только из норм (правил), мы понимаем ее в более общем смысле как абстрактно-всеобщее выражение должностования. Поэтому стратегия — это своего рода желаемый образ будущих норм.

Из свойства гетерогенности следует также, что правотворческая стратегия — это *комплексная система*, т.е. ее образуют элементы, одновременно функционирующие в других системах, причем в других по своей природе, с которыми правотворческая стратегия на этом основании связана сложными функциональными и иными зависимостями.

Правотворческая стратегия, будучи самостоятельной системой, вместе с тем является компонентом системы более высокого порядка — публичной (государственной) управленческой стратегии. Применительно к сфере пространственного развития это означает, что правотворческая стратегия в этой области должна рассматриваться как часть стратегии пространственного развития, при этом часть неотъемлемая, поскольку в современном обществе правовое регулирование выступает основным инструментом социального управления.

Сказанное также приводит нас к выводу что *стратегия пространственного развития* как система — *более широкое понятие, нежели документ с таким же названием*, принятие которого предусмотрено ст. 20 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В соответствии с п. 26 ст. 3 названного Федерального закона, стратегия пространственного развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации.

В то же время в силу ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стратегия пространственного развития Российской Федерации разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития Российской Федерации в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и стратегии национальной безопасности Российской Федерации, *определяет приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации* и меры по их достижению и решению. А согласно ч. 6 этой же статьи по поручению Президента Российской Федерации Правительство Российской Федерации разрабатывает основы государственной политики регионального развития Российской Федерации, *являющиеся основой для определения приоритетов регионального развития Российской Федерации*. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации утверждаются Президентом Российской Федерации.

Обращает на себя внимание множественность документов — основы и стратегия — *при едином предмете управления* — региональном развитии России. Причем первый из них логически предшествует второму: основы (и здесь, следуя тексту закона никак не избежать тавтологии)

задают основы для определения приоритетов, которые в свою очередь формулируются стратегией.

В юриспруденции сферу социальных взаимосвязей (общественных отношений), на которую направлено упорядочивающее воздействие права, называют предметом правового регулирования. Таким образом, с точки зрения правотворческого компонента, исходя из текста закона, оба документа — основы и стратегия — *имеют общий предмет* и логически связаны. Поэтому их можно рассматривать как составные части единой правотворческой стратегии в сфере регионального (пространственного) развития в широком системном понимании, изложенном выше.

Если сравнить содержание действующих Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года³ (далее — Основы) и Стратегии пространственного развития на период до 2025 года (далее — Стратегия) в части определения ими предмета своего регулирования, то можно заметить что Основы, как и предусмотрено Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации», оперируют термином «региональное развитие», понимаемым как политическое и социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

В то же время Стратегия, отходя от буквального смысла норм закона, заменяет понятие «региональное развитие» понятием «пространственное развитие», которое определяется как совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в т.ч. за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития. Как видим, в понимании Стратегии, пространственное развитие шире регионального, что представляется верным [13]. Поэтому подход законодателя, закрепленный в нормах Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», где, по сути, пространственное развитие сводится к региональному, видится сомнительным. С точки зрения системной методологии полагаем необходимым проработать вопрос *об унификации понятийного аппарата и устранении множественности документов с пересекающимся содержанием*. При этом определение пространственного развития, сформулированное в Стратегии, несмотря на дискуссионный характер [13], для утилитарных целей построения правотворческой стратегии в данной сфере мы полагаем вполне приемлемым, поскольку оно достаточно четко характеризует предмет регулирования (какие группы отношений надо регулировать).

Функции правотворческой стратегии

Приведенные признаки правотворческой стратегии могут быть обнаружены у множества иных систем. Чем же характеризуется ее уникальность?

³ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Поскольку система как целое не сводима к сумме составляющих ее элементов, то именно особые взаимодействия, связи и отношения между этими элементами сообщают ей интегративные свойства, которые, проявляясь в действии, рассматриваются как *функции системы* [8, с. 173].

Рассмотрим основные функции правотворческой стратегии.

Главная ее функция состоит в *оптимизации процессов управления будущим*. При этом правотворческая коммуникация выстраивается таким образом, чтобы переход к желаемому правовому регулированию представлял собой ряд последовательных шагов, в рамках которого постепенно отдельные элементы настоящего заменялись на элементы конструируемого будущего. Поэтому центральным звеном стратегии является образ желаемого будущего, который формируется через целеполагание. Подробнее о целях как компонентах правотворческой стратегии будет сказано ниже.

Еще одна функция связана со *снижением вариативности будущего правового регулирования*. Стратегия предполагает рациональный отбор правотворческих решений для достижения заданных целей, решения поставленных задач и, соответственно, включает в себя критерии такого отбора. Например, Стратегией пространственного развития на период до 2025 года предусматривается реализация дополнительных направлений социально-экономического развития исторических поселений за счет сохранения и воссоздания памятников истории и культуры и исторически ценных градоформирующих объектов. Таким образом, в качестве поддерживаемого государством, т.е. преимущественно обеспечиваемого правовыми средствами подхода, выбрана, по сути, консервация (сохранение) наследия, а не ревитализация исторической среды или популяризация туристского потенциала этих территорий. При этом какие-либо критерии (обоснования) выбора такого решения не приведены.

Функция приоритизации реализуется путем ранжирования задач и определения последовательности их решения в условиях ограниченности ресурсов. Так, Стратегией пространственного развития на период до 2025 года поставлена задача сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации. При этом Стратегией определен перечень приоритетных геостратегических территорий (приложение № 4): эксклавные субъекты, регионы Северного Кавказа, Дальний Восток и Арктическая зона Российской Федерации. Соответственно, при выравнивании регионов первостепенное внимание законодателя будет уделено созданию на этих территориях наиболее благоприятного режима развития экономики. Примерами такого первостепенного внимания могут быть принятие закона о преференциальном осуществлении предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации⁴ или распространение режима особой экономической зоны

⁴ Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

на Курильские острова⁵. В то же время режим территорий опережающего развития в моногородах продолжает оставаться менее льготным, чем таковой на Дальнем Востоке⁶.

Функция адаптации. Стратегия, формирующая образ будущего правового регулирования и пути его достижения, обеспечивает устойчивость правотворческой коммуникации в изменяющихся условиях. Недаром, в социальных науках данный термин появился в 50-е гг. XX в., когда существенное значение приобрела проблема реакции на неожиданные изменения во внешней среде [2, с. 68]. Кроме того, стратегия существует не просто в меняющейся, а в конфликтной (конкурентной) среде. Как пишет Лоуренс Фридман, «там, где цели и так легко достижимы, где задействованы неодоушевленные предметы, а не другие люди, где ставки не велики, стратегия не так уж и необходима. В широком смысле, стратегия вступает в действие там, где имеется открытый или потенциальный конфликт, столкновение интересов, требующее какого-то разрешения» [14, с. 9].

Право же всегда действует в остро конфликтной среде. Поэтому правотворческая стратегия выполняет также *функцию преодоления сопротивления среды*. Так, решение задачи по ускоренному социально-экономическому развитию Дальнего Востока сдерживается продолжающимся миграционным оттоком населения⁷. Для того чтобы преодолеть этот негативный фактор, принимаются правотворческие решения, направленные на закрепление постоянного населения и миграционный приток (например, льготное предоставление земельных участков (программа «Дальневосточный гектар»)⁸, субсидирование ставки по ипотеке (проект «Дальневосточная ипотека»)⁹ и др.).

⁵ Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении на территории Калининградской области эксперимента по созданию условий для упорядоченной электронной торговли товарами».

⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации».

⁷ См.: Материалы парламентских слушаний на тему «О ходе реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://region.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/150940/>

⁸ Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 г. № 1609 «Об утверждении условий программы “Дальневосточная и арктическая ипотека”, Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу “ДОМ.РФ” в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам, предоставленным гражданам Российской Федерации на приобретение или строительство жилых помещений на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а также на сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации, и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 1713-р».

Предусматривая рациональный выбор и обоснование правотворческих решений в процессе коммуникации, правотворческая стратегия выполняет *функцию дополнительной легитимации* правотворческих решений. Как мы отмечали, правотворческая стратегия нормативна, поскольку предопределяет поведение как законодателя, так и участников регулируемых отношений, обуславливает принятие правотворческих решений, *ограничивает усмотрение законодателя*. Таким образом, стратегия обеспечивает обоснование и оправдание правотворческих решений.

Ни действующая Стратегия пространственного развития на период до 2025 года, ни большинство других документов стратегического планирования не предусматривают мотивы принятия содержащихся в них решений. При этом, как мы писали выше, стратегия как система не сводима к одноименному документу. Поэтому мотивы принятия решений могут быть опубликованы отдельно. Важно отметить, что п. 7 Положения о содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации (утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2015 г. № 870) предусмотрено, что при подготовке стратегии пространственного развития *разрабатываются обосновывающие материалы*, включающие в себя статистические, аналитические, картографические и иные материалы, определяющие и иллюстрирующие основные решения и положения стратегии. Указанные материалы не входят в состав документа, утверждаемого распоряжением Правительства Российской Федерации.

При этом названным Положением обнародование данных материалов не предусмотрено, хотя это является весьма значимым с точки зрения легитимации (оправдания) принимаемых решений.

Логическая структура правотворческой стратегии

Теоретики системного подхода различают категории состава и структуры системы. Если первая (состав) характеризует лишь набор (множество) элементов, входящих в систему, то вторая (структура) акцентирует внимание на отношениях между элементами, их упорядоченности. В зависимости от того, какой элемент будет выбран в качестве отправной точки, мы можем увидеть разные варианты построения отношений между элементами, т.е. разные структуры [8, с. 187–188]. Сказанное приводит к мысли о полиструктурности правотворческой стратегии как сис-темы.

Применительно к разным правовым явлениям В.Н. Карташов рассматривает логическую (логику-философскую), пространственную, генетическую, временную, стохастическую и иные структуры [15, с. 161–162]. В рамках настоящей работы мы обратим внимание на *логическую структуру* правотворческой стратегии.

Внутренняя логика стратегии, как мы уже говорили (и здесь мы согласны с Г.Г. Почепцовым), состоит в накоплении элементов будущего в настоящем, притом таких элементов, которые позволяют осуществить наиболее оптимальный переход к этому будущему. Специфика стратегии состоит в том, что она видит как будущее, так и настоящее одновременно. Поэтому, исходя из нее, можно понять потребности будущего в настоящем, что именно будет нужно для того, чтобы сблизить эти две точки (будущего и настоящего) наименее болезненно [9, с. 40]. С этой точки зрения *главным и неотъемлемым компонентом* правотворческой стратегии будут **цели**, поскольку, именно они характеризуют идеальный образ предполагаемого результата, т.е. желаемое состояние будущего правового регулирования.

Цели правотворческой стратегии могут быть подразделены на внутренние, обусловленные спецификой юридического типа социальной регуляции и более или менее стабильные в условиях данного общества, а также внешние, характеризующие желаемое состояние сферы социальной действительности (общественных отношений), составляющих предмет моделируемого правового регулирования.

К числу внутренних и постоянных целей правотворческой стратегии относится прежде всего формирование эффективного и легитимного нормативного правового текста. А внешние цели специфичны для каждой конкретной стратегии. Применительно к правотворческой стратегии в исследуемой нами сфере внешние цели будут зависть от целей стратегии пространственного развития в целом, т.е. от моделируемых результатов ее реализации — идеального состояния пространственной структуры экономики и системы расселения, которого планируется достичь.

Следует отметить, что в действующей Стратегии пространственного развития на период до 2025 года определена одна цель: обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны. Как видим, такая цель не моделирует конечный результат, а характеризует процесс, т.е. ее достижение невозможно оценить. С точки зрения правотворчества, исходя из такой цели, мы не сможем определить, что и как надлежит регулировать. Общепринято, что цели должны быть выполнимы и измеримы, т.е. снабжены индикаторами, позволяющими оценить степень их достижения.

Следующий компонент логической структуры стратегии — это **задачи**. Они чаще всего определяются как *направления или пути достижения целей*. Они описывают, что нужно сделать, чтобы обеспечить переход к конструируемому будущему. В Стратегии пространственного развития на период до 2025 года одна из задач сформулирована следующим образом: «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в со-

циально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий:

- за счет повышения устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий;
- за счет повышения конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации путем обеспечения условий для развития производства товаров и услуг в отраслях перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации, приведенных по перечню согласно приложению № 1;
- за счет улучшения транспортной доступности сельских территорий;
- за счет совершенствования территориальной системы организации оказания услуг социальной сферы, обеспечивающей ее оптимальную доступность с учетом современных технологий предоставления услуг;
- за счет усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в рамках макрорегионов Российской Федерации, состав которых приведен согласно приложению № 2;
- за счет формирования и развития минерально-сырьевых центров».

Обращает на себя внимание, что первая часть («сокращение уровня межрегиональной дифференциации...») этой формулировки больше подходит под понятие цели, т.к. характеризует конечный результат и может быть измерена.

Применительно к правотворчеству соотношение цели и задачи может выглядеть, например, следующим образом (это лишь пример логического соотношения, абстрагируемся от целесообразности):

- внешняя цель — повышение вклада малых и средних городов в экономический рост;
- задача — установление в малых и средних городах более льготного режима ведения предпринимательской деятельности по сравнению с крупными агломерациями.

Приоритеты также выступают в качестве компонента логической структуры правотворческой стратегии, поскольку они объективируют интересы общества, позволяют ранжировать задачи и определить очередность их решения, т.е. в конечном счете — рационально распределить ресурсы.

В числе приоритетов пространственного развития до 2025 г. действующая Стратегия называет развитие приграничных муниципальных образований с учетом их стратегического значения, существующего уровня и потенциала социально-экономического развития. Это означает, что применительно к сформулированной выше гипотетической задаче более льготный режим ведения предпринимательской деятельности прежде всего должен быть обеспечен именно в приграничных муниципалитетах.

Формирование правотворческой стратегии невозможно без определения *вариантов достижения целей и решения задач, а также критериев отбора таких вариантов*. Вариативность стратегии — важное свойство, обеспечивающее ее гибкость и в то же время устойчивость в сопротивляющейся (конкурентной) среде. При этом выбор вариантов правотворческих решений должен быть рационально обоснован, мотивирован, что обеспечит эффективность и легитимность будущего регулирования. Например, задача формирования и развития минерально-сырьевых центров в Арктической зоне может быть решена как за счет преимущественного использования вахтового метода освоения месторождений, так и за счет обустройства и развития постоянных поселений в Арктической зоне. С точки зрения правового регулирования выбор такого метода может потребовать, в частности, следующих мер:

- совершенствования положений гл. 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом» Трудового кодекса Российской Федерации;
- законодательного закрепления понятия «вахтовый поселок» и его статуса;
- дополнения Градостроительного кодекса Российской Федерации нормами, устанавливающими требования к проектированию вахтовых поселков [16, с. 105].

Рациональные основания выбора такого решения понятны — повышение рентабельности, снижение себестоимости и улучшение результатов финансово-хозяйственной деятельности предприятия, а также экономия средств государства на развитие социальной инфраструктуры.

Выбор в сторону обустройства Арктики, постоянным населением может обеспечиваться теми же мерами привлечения населения, что и на Дальнем Востоке («арктический гектар» и «арктическая ипотека»), а также совершенствованием пенсионного обеспечения лиц, работающих в Арктической зоне. Здесь основания выбора будут преимущественно социального и геополитического характера.

Прогнозы как компонент логической структуры правотворческой стратегии позволяют оценить последствия проектируемых решений, возможные варианты развития моделируемых общественных отношений. Д.А. Керимов акцентировал внимание на соотношении прогнозов и целей. Прогнозирование, с его точки зрения, является необходимым этапом становления правовой цели, которая всегда включает в себя те моменты предвидения, которые наиболее достоверны, строго, основаны на объективных закономерностях действительности, ее реальных возможностях [17, с. 281].

Планы как компонент завершают логическую структуру правотворческой стратегии, поскольку обеспечивают последовательное, поэтапное достижение целей, т.е. постепенную замену элементов настоящего элементами конструируемого будущего. При этом с точки зрения внешней формы совершенно не принципиально, будет ли это отдельный документ, совокупность документов или отдельные положения в разных

документах. Так, план реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹⁰ включает в себя, в частности, и меры правотворческого характера.

Некоторые направления формирования правотворческой стратегии в сфере пространственного развития

Проведенное исследование, основанное на системной методологии, приводит как минимум, к двум важным выводам.

Во-первых, правотворческая стратегия в сфере пространственного развития *требует институционализации*. Мы не настаиваем на принятии отдельного документа и даже на выделении в проектируемой стратегии пространственного развития отдельного раздела, но считаем нужным подумать о более четком описании предполагаемого правового регулирования, включая обоснование выбранного варианта такого регулирования. Последнее не вполне в духе российской традиции, которой свойственно оставлять за рамками правового акта мотивы его принятия, однако опубликование оснований выбора правового регулирования способно повысить степень его легитимации. Эта задача может быть решена *обнародованием части обосновывающих материалов к стратегии*, что, кстати, практиковалось в законопроектной работе в предреволюционный период. Так, проект Гражданского уложения Российской империи, подготовленный в 1892–1899 гг., был опубликован в двенадцати томах, с подробными постатейными пояснениями, описывающими логику рассуждений авторов проекта [18].

Во-вторых, при разработке новой редакции стратегии пространственного развития России важно обеспечить *системность* ее формирования. Это требует решения трех задач.

Первая – согласование положения Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и подзаконных актов в части устранения двойственности понятий «региональное развитие» и «пространственное развитие», описывающих предмет стратегии.

Вторая – оценка целесообразности формирования двух документов стратегического планирования по одному (с точки зрения закона) предмету – основ государственной политики регионального развития и стратегии пространственного развития. Если принятие основ необходимо, например, с целью повышения статуса и юридической силы документа (утверждается Президентом Российской Федерации), то, учитывая важность сферы пространственного развития, можно рассмотреть вопрос о повышении статуса объединенного документа.

Третья – проектирование логически целостной структуры стратегии с учетом формулирования целей, задач, приоритетов, исходя из разработанного наукой разграничения этих понятий, а также с учетом новых территориальных и геополитических реалий.

¹⁰ План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 3227-р.

Список литературы

1. McCain K.W. “Nothing as Practical as a Good Theory”. Does Lewin’s Maxim Still Have Salience in the Applied Social Sciences? // *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. 2015. N 52 (1). P. 1–4.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 520 с.
3. Стратегия: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2022. 288 с. (Серия «Harvard Business Review: 10 лучших статей»).
4. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 472 с.
5. Юридическая техника: Ежегодник. 2015. № 9: материалы XVI Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему: «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)» (Н. Новгород, 25–27 сентября 2014 г.) / гл. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: Кириллица, 2015. 851 с.
6. Толтыкин В.Е. Системность как методологический принцип современной постнеклассической науки // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 7. С. 27–30.
7. Дубровский В.Я. Очерки по общей теории деятельности. М.: ННФ «Институт развития им. Г.П. Шедровицкого», 2011. 576 с.
8. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск: Издательство Томского университета, 1973. 432 с.
9. Почепцов Г.Г. Стратегия. Инструментарий по управлению будущим. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2005. 384 с.
10. Наумова Е.А. Анализ определений стратегии и ее место в системе функционирования предприятия. Разнообразие взглядов и подходов к стратегии // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент*. 2011. № 8 (225). С. 111–114.
11. Кискин Е.В. Стратегия как компонент правотворческой технологии: коммуникативный подход // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 292–298.
12. Кискин Е.В. Принципы как компонент правотворческой стратегии (на примере законодательства о выборах и референдумах) // *Избирательное законодательство и практика*. 2021. № 4. С. 11–14.
13. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовые проблемы пространственного развития Российской Федерации: вопросы стратегического планирования // *Юрист*. 2020. № 5. С. 56–61.
14. Фридман Л. Стратегия: война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018. 767 с.
15. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // *Юридическая техника*. 2020. № 14. С. 158–166.
16. Попова О.В. Социальные аспекты нормативно-правового регулирования вахтового труда в северных регионах // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 12. С. 104–109.
17. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: СГА, 2003. 521 с.
18. Проект книги первой Гражданского уложения с объяснительною запискою. СПб.: Государственная типография, 1893. 263 с.

References

1. McCain K.W. “Nothing as Practical as a Good Theory”. Does Lewin’s Maxim Still Have Salience in the Applied Social Sciences? *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 2015, No. 52 (1), pp. 1–4.
2. Ansoff I. Strategicheskoe upravlenie [Strategic Management]. Moscow, Ekonomika, 1989, 520 p. (In Russ.).
3. Strategiiia (Seriia “Harvard Business Review: 10 luchshikh statei”) [Strategy (Harvard Business Review Series: Top 10 Articles)]. Translated from English. Moscow, Al’pina Publisher, 2022, 288 p. (In Russ.).
4. Malgan Dzh. Iskustvo gosudarstvennoi strategii: mobilizatsiia vlasti i znaniia vo imia vseobshchego blaga [The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good]. Moscow, Izdatel’svo Instituta Gaidara, 2020, 472 p. (In Russ.).
5. Yuridicheskaya tekhnika: Ezhegodnik. 2015. N 9: materialy XVI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma “Yurtekhnetika” na temu: “Strategiya, taktika, tekhnika zakonotvorchestva (vzaimosvyaz’, innovatsionnye dostizheniya, oshibki)” (Nizhnii Novgorod, 25–27 sentyabrya 2014 g.) [Legal Technique: Yearbook. 2015. No. 9: materials of the XVI International Scientific and Practical Forum “Yurtekhnetics” on the topic: “Strategy, Tactics, Technique of Lawmaking (Interrelation, Innovative Achievements, Mistakes)” (Nizhniy Novgorod, September 25–27, 2014)], chief editor V.M. Baranov. Nizhniy Novgorod, Kirillitsa, 2015, 851 p. (In Russ.).
6. Tolpykin V.E. Sistemnost’ kak metodologicheskii printsip sovremennoi postneklassicheskoi nauki [Systematicity as a Methodological Principle of Modern Post-Non-Classical Science], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2011, No. 7, pp. 27–30. (In Russ.).
7. Dubrovskii V.Ia. Ocherki po obshchei teorii deiatel’nosti [Essays on the General Theory of Activity]. Moscow, NNF “Institut razvitiia im. G.P. Shchedrovitskogo”, 2011, 576 p. (In Russ.).
8. Sagatovskii V.N. Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategorii [Fundamentals of Systematization of Universal Categories]. Tomsk: Izdatel’svo Tomskogo universiteta, 1973, 432 p. (In Russ.).
9. Pocheptsov G.G. Strategiiia. Instrumentarii po upravleniiu budushchim [Toolkit for Managing the Future]. Moscow, Refl-buk, Kiev, Vakler, 2005, 384 p. (In Russ.).
10. Naumova E.A. Analiz opredelenii strategii i ee mesto v sisteme funktsionirovaniia predpriiatiia. Raznoobrazie vzgliadov i podkhodov k strategii [Analysis of Definitions of Strategy and Its Place in the System of Enterprise Functioning. Diversity of Views and Approaches to Strategy], *Vestnik IuUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management], 2011, No. 8 (225), pp. 111–114. (In Russ.).
11. Kiskin E.V. Strategiiia kak komponent pravotvorcheskoi tekhnologii: kommunikativnyi podkhod [Strategy as a Component of Law-Making Technology: a Communicative Approach], *Iuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2015, No. 9, pp. 292–298. (In Russ.).
12. Kiskin E.V. Printsipy kak komponent pravotvorcheskoi strategii (na primere zakonodatel’sтва o vyborakh i referendumakh) [Principles as a Component of Law-Making Strategy (Using the Example of Legislation on Elections and Referendums)], *Izbitatel’noe zakonodatel’svo i praktika* [Electoral Legislation and Practice], 2021, No. 4, pp. 11–14. (In Russ.).
13. Zhavoronkova N.G., Shpakovskii Iu.G. Pravovye problemy prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii: voprosy strategicheskogo planirovaniia [Legal Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Issues of Strategic Planning], *Iurist* [Lawyer], 2020, No. 5, pp. 56–61. (In Russ.).

14. Fridman L. Strategii: voina, revoliutsiia, biznes [Strategy: War, Revolution, Business]. Moscow, Kuchkovo pole, 2018, 767 p. (In Russ.).
15. Kartashov V.N. Printsipy prava: ponyatie, struktury, funktsii [Principles of Law: Concept, Structures, Functions], *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2020, No. 14, pp. 158–166. (In Russ.).
16. Popova O.V. Sotsial'nye aspekty normativno-pravovogo regulirovaniia vakhtovogo truda v severnykh regionakh [Social Aspects of Legal Regulation of Rotational Work in the Northern Regions], *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2021, No. 12, pp. 104–109. (In Russ.).
17. Kerimov D.A. Metodologiya prava: Predmet, funktsii, problemy filosofii prava [Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law]. Moscow, SGA, 2003, 521 p. (In Russ.).
18. Proekt knigi pervoi Grazhdanskogo ulozheniia s ob"iasnitel'noi zapiskoiu [Draft Book of the First Civil Code with an Explanatory Note]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia, 1893, 263 p. (In Russ.).

SYSTEMATIC APPROACH TO THE CONSTRUCTION OF A LAW-MAKING STRATEGY (USING THE EXAMPLE OF STRATEGIC PLANNING OF SPATIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA)

Currently in Russia, lawmaking is carried out according to the model of tactical (ad hoc) response to changing situations, i.e. by introducing many local changes to legislation (for example, in 2023, 685 federal and 9 federal constitutional laws were adopted). At the same time, the speed and depth of transformations taking place in the world, as well as the increasing complexity of social relationships, require a transition to a strategic approach, i.e. to the purposeful construction of the future by legal means. The law-making strategy allows us to reduce the variability in the development of legal regulation, so its study is a matter of current interest. The article attempts to study the law-making strategy from the perspective of systemic methodology. This approach allows us to consider the strategy comprehensively, characterize its properties, functions, composition and structure, as well as relationships with the external environment. The theoretical conclusions are illustrated using the example of the formation of a spatial development strategy for Russia. This area of strategic planning is now especially relevant, since it is necessary to respond to new external (sanctions, reorientation of economic relations) and internal (increasing the number of subjects of the Federation, redistribution of logistics flows, the need to ensure technological sovereignty) challenges. In conclusion, the author draws conclusions about the need to institutionalize the law-making strategy and to ensure a systematic approach in its formation.

Keywords: strategy, lawmaking, systemic approach, lawmaking strategy, spatial development, spatial development strategy, region.

JEL: K10, K19, E61

Дата поступления — 05.02.2024 г.

КИСКИН Евгений Владимирович

заместитель руководителя аппарата Комитета;
Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / ул. Большая Дмитровка, д. 26, г. Москва, 103426.
e-mail: evkiskin@yandex.ru

KISKIN Evgeny V.

Deputy Head of a Committee Staff;
Executive Office of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation / 26, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, 103426.
e-mail: evkiskin@yandex.ru

Для цитирования:

Кискин Е.В. Системный подход к построению правотворческой стратегии (на примере стратегического планирования пространственного развития России) // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 5–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-5-20>

П.А. ОРЕХОВСКИЙ, Е.А. КАПОГУЗОВ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В РОССИИ

В России все чаще случаются эксцессы в школах, ответственность за которые возлагают на муниципалитеты. Бизнес предъявляет претензии к уровню подготовки выпускников вузов, что является проблемой координации деятельности руководства субъектов Федерации с классическими и техническими университетами. По мнению авторов, это следствие функционирования неформальных институтов, сложившиеся в постсоветской России в сфере образования и науки. Демонстрируется, что под одними и теми же названиями — школа, университет — действуют различные социально неоднородные организации. Различия обуславливаются разными неформальными институтами, складывающимися в этих организациях. Такие институты идентифицируют инсайдеры — работники и потребители услуг (родители учеников и студентов, сами студенты), различающие типы школ и университетов. Но их знание остается неявным и не включается в общественное обсуждение. С точки зрения чиновников, отвечающих за функционирование средней и высшей школ, некоторых типов организаций, выделенных в работе, не существует. Оценка научной деятельности стала производиться на основе библиометрических показателей. Но в этой сфере действует международный легальный картель, позволяющий максимизировать доходы крупных издательских домов. На оплату услуг последних российские ученые потратили в 2020 г. около 10 млн долл. Сложившаяся система отвечает запросам представителей элитарных вузов и школ, что является обычным для периферийного капитализма. В то же время муниципалитеты и субъекты Федерации весьма заинтересованы в изменении ситуации — минимизации сферы «негативных» неформальных институтов в школах, развитии передовых научно-образовательных центров в регионах.

Ключевые слова: политико-экономические дискурсы, легальный картель, централизация и децентрализация, государственная служба, типы школ, типы университетов, рынок научных публикаций.

JEL: I20, I28, Z13

Введение

Образование и наука — сферы человеческой деятельности, которые вплоть до последней трети XX в. не обсуждались в категориях экономики. Предполагалось, что научная деятельность была направлена на познание Бога и/или истины. Результаты такой деятельности нельзя было сводить к доходам и издержкам. Еще в первой половине XX в. сциентистская убежденность в том, что с помощью науки можно решить все проблемы человеческого общества, включая и *собственно экономические проблемы*, не позволяла рассматривать науку как отрасль, затратами которой является зарплата, материалы и эксплуатационные расходы оборудования, а продукцией — тексты с рисунками и формулами и юридические документы, фиксирующие права собственности на открытия и изобретения.

Образование — непосредственно связанная с наукой деятельность по сохранению и трансляции знаний. Образование обеспечивает воспроизводство научного сообщества. Без реализации этой функции наука быстро перестанет существовать. Но, кроме этой прямой связи с учеными, образовательная деятельность направлена на решение большого количества других задач, включая воспитание и социализацию молодых людей, функционирование фильтров для рекрутирования элиты. В этом отношении образование является частью намного более старых, чем наука, социальных институтов. Образование — это часть *культуры*.

Большая часть культуры — от архитектурных ансамблей до гастрономии и народного фольклора — является *локальной*, децентрализованной. Таким было и образование: вплоть до победы большевиков в России главную роль играли церковно-приходские и земские школы. Наряду с этим функционировали элитные для того времени гимназии и реальные училища, финансируемые из бюджета Министерства народного просвещения Российской империи; они играли существенную, но не главную роль в деле народного просвещения.

В отличие от школ научные учреждения, в рамках которых по большей части велись научные исследования, почти всегда находились в столицах (добавим, что и в качестве меценатов чаще всего выступали либо царские особы, либо богатые вельможи). Это различие является существенным, мы вернемся к нему в третьей части нашей работы.

Приведенные выше три абзаца представляют собой не что иное, как *дирижистский дискурс*, в рамках которого мы начали обсуждать науку и образование. Центральными концептами этого дискурса являются концепты службы, будь то Богу или истине, государю или народу; власти авторитета; опыта и заслуг. Связанными с этими концептами являются и экономические категории жалованья, сметы (бюджета). Можно говорить о дирижистской модели науки и образования: в этом случае она отождествляется с гражданской службой,

в основных своих чертах (но, конечно, не в содержании) совпадая со службой военной.

Критика сложившихся образовательных практик не с позиций их целей и содержания, но именно в экономическом дискурсе, предполагающем анализ затрат и результатов, начинается в 1960-е — 1970-е гг. Как писали в своей знаменитой работе (переведенной на русский язык) М. и Р. Фридманы: «В 1920 г. 83% ассигнования на государственные школы осуществлялись из местных фондов, федеральные субсидии составляли менее 1%. В 1940 г. доля местных фондов сократилась до 68%. В настоящее время [1970-е гг.] она составляет меньше половины. Правительства штатов обеспечивали большую часть остального финансирования: 16% — в 1920 г., 30% — в 1940-м, а в настоящее время — более 40%. Доля федерального правительства все еще невелика, но быстро увеличивается: от менее 2% в 1940-м г. до почти 8% в настоящее время.

По мере того, как профессиональные работники образования получали все большую власть, контроль со стороны родителей ослабевал. <...>

Является ли снижение производства на единицу затрат следствием увеличения бюрократизации и централизации организации? Что касается фактов, за период с 1970/1971 по 1977/1978 учебный год число школьных округов сократилось на 17%, что явилось продолжением долговременной тенденции к увеличению централизации. Что касается бюрократизации, в более раннем пятилетнем периоде, за который у нас имеются данные, с 1968/1969 по 1973/1974 г. число учащихся возросло на 1%, а общая численность педагогического состава — на 15%, и при этом число учителей выросло на 14%, а *руководителей* на 44%. <...>

Дело не в отличии образования от других видов деятельности, а в разнице между системой, в которой потребитель имеет свободу выбора, и системой, в которой производитель находится на коне, а потребитель не имеет права голоса»¹ [1, с. 179–180].

Примерно о том же, но с продолжением тренда в 1980-е — 1990-е гг. пишет известный либертарианец Д. Боуз. На приводимом в его работе графике изображены две кривые. Первая — с положительным наклоном — показывает расходы на образование на одного ученика, вторая — с отрицательным — результаты тестирования (*SAT*). В 1973 г., когда расходы достигают примерно 4 200 долл. на ученика, а результаты тестирования снижаются с 980 (1962 г.) до 930 баллов, эти

¹ Существенной чертой американского народного образования был очень высокий уровень децентрализации. Состояние школ и жалование учителей напрямую зависело от объемов собираемого на местах налога на имущество физических лиц. В свою очередь основной единицей самоуправления в этой сфере является школьный округ. Последний — одна из немногих оставшихся внутри США юрисдикций, где можно напрямую проследить связь уровня собираемых на местах финансовых средств с уровнем затрат на соответствующие цели. Но и здесь постепенно увеличивается роль бюджетов штатов и центрального правительства.

кривые пересекаются. Впоследствии расходы продолжают плавно расти до 6 500 долл. в 1994 г., но результаты тестирования не улучшаются, а к 1994 г. снижаются до 900 баллов [2, с. 285].

Огромное влияние на способ обсуждения проблем образования и науки оказали работы нобелевского лауреата по экономике Г. Беккера. Повидимому, именно после его работ выражение «человеческий капитал» стало общеупотребительным, а подход и к детям, и к их образованию как к «долгосрочным инвестициям» стал широко использоваться журналистами и политиками [3].

Приведенные выше пассажи М. и Р. Фридманов, упомянутый график Д. Боуза и плодотворная метафора Г. Беккера являются примерами *либертарианского дискурса*. Здесь центральными концептами являются следующие: свобода выбора, будь то потребителя или производителя; обмен и цена (ценность) товаров и услуг, неразрывно связанные с этим концепты дохода (включая цену труда — зарплату) и издержек; конкуренция. Можно говорить о либертарианской модели науки и образования. Аналогами обычного рынка здесь будут рынки: а) образовательных услуг; б) интеллектуальной собственности. Закономерности функционирования (но, конечно, не потребительная ценность) в основном будут схожи.

Либертарианский способ обсуждения проблем науки и образования, сформировавшийся сравнительно недавно и воспринимаемый как экономический империализм в науках об обществе, многими критиковался. Приведем, например, мнение известного французского социолога и антрополога П. Бурдьё: «...Гэри Беккер, который недавно получил, как это ни удивительно, Нобелевскую премию по экономике, давно уже старается объяснять этой моделью такие виды поведения, как брак; не ведая страха и ровным счетом ничего не зная о работах антропологов, теоретиков родства и т.д., он предложил теорию брака, выписанную в категориях издержек и потерь. Он первым заявил о намерении применить этот образ экономической мысли, основанный на только что указанной мной антропологической теории, ко всем видам человеческого поведения. В моделях такого рода экономика представляется как общая наука человеческих практик, и она ставит проблему перед всеми остальными науками, поскольку захватывает разные территории...» [4, с. 15].

В свою очередь дирижизм и либертарианство в целом представляют собой не что иное, как способ идеологического позиционирования ученого в поле экономической науки. Периодически между приверженцами различного видения экономических процессов возникали (и возникают) острые дискуссии, которые во многом предопределяют содержание текущей политики. Предлагаемые дирижистами и либертарианцами модели являются своего рода чистыми, идеальными типами формальных институтов по М. Веберу [5]. Однако в любом государстве, в любой исторический период экономика является смесью различных институтов. При этом оценка того, какие из институтов доминируют, —

весьма дискуссионна, даже для таких внешне однозначных политических режимов, как США и СССР.

Напротив, оценить уровень централизации и/или децентрализации сравнительно легко. Так, если в общем объеме доходов, которые получают организации образования, более 50% составляют средства федерального бюджета, это централизованная система, если меньше, можно определить ее как децентрализованную. Отметим, что переход к обсуждению финансовых институтов и объемов средств, которые через них проходят, сразу же уводит нас от идеальных типов к реальным, которые и являются основным предметом исследования в данной работе.

Казалось бы, централизованные практики финансирования, управления, набора кадров, контроля качества должны однозначно ложиться в дирижистский дискурс, в то время как децентрализованная система исследований и предоставления образовательных услуг — в либертарианский идеал. Если бы это было так, никакого дополнительного институционального анализа бы не требовалось. По нашему мнению, система образования и науки, сложившаяся в России к настоящему времени, *является высоко централизованной, но сочетается с целым рядом либеральных, рыночных институтов*. Описывать последние можно только с помощью соответствующих экономических концептов — нечестная конкуренция, легальный картель и т.д. Политико-экономический анализ этих сложных, неоднородных централизованных и децентрализованных институтов, включая неформальные, а заодно — риторики, с помощью которой они легитимируются в общественном сознании, определяет содержание нашей работы.

Тем не менее мы постарались удержаться от нормативных выводов, включая стандартные в таких случаях рекомендации по совершенствованию и/или реформированию российской системы науки и образования. Мы придерживаемся дескриптивного подхода: идеальные типы, дирижизм и либертарианство, представляют собой границы того поля, в рамках которого сообщество ученых, педагогов и преподавателей признает реальным то, как функционирует указанная система, а заодно формирует свои представления о должном.

Советская модель науки и образования: краткий очерк

Советская система науки и образования характеризуется *полным огосударствлением* и вертикалью. Учителя, профессора, научные сотрудники имели здесь, по сути, статус государственных служащих. В учебных планах и образовательных программах предусматривались различные виды учебной и научной работы, нормировались как аудиторные, так и внеаудиторные нагрузки. Последние были связаны с проверкой домашних заданий учеников, выполненных студентами лабораторных работ и т.д. Такая стандартизованная система в условиях строящегося

индустриального общества обеспечивала неплохое качество образования и заслужила уважительные оценки даже у идеологических противников СССР².

Тем не менее основы советской системы образования *закладывались еще в царской России*. Так, в империи с конца XIX в. резко увеличились расходы на образование. С начала XX в. до 1917 г. общее количество школ в России увеличилось примерно в 17,5 раз, а число учащихся в них — в 2,5 раза, достигнув к 1915 г. более 9,5 млн чел. [6, с. 112]. При этом основной рост достигался за счет создания все новых земских школ, финансирувавшихся из местных бюджетов, Министерство народного просвещения Российской империи контролировало программы и помогло с учебниками³.

Это же касается и числа студентов: если в 1895 г. в России на 100 тыс. чел. населения приходилось 16 студентов, а в Германии примерно в 3 раза больше, то уже к 1908 г. данный показатель вырос в России до 66, а в Германии до 114 [8].

После гражданской войны имел место разгром старой буржуазной интеллигенции. Наиболее известными иллюстрациями этого разгрома остаются знаменитые «философские пароходы». Однако, кроме идеологического понуждения к эмиграции, существенную роль играла и классовая политика, применявшаяся к ученым и специалистам. Так, «...профессор МВТУ, единственный в России специалист по легким двигателям, получал в 5 раз меньше, чем шофер ВСНХ, который его возил. Еще сохранялись пережитки “военного коммунизма” с харак-

² «Многим из нас до сих пор трудно поверить, что у русских есть университет лучше, чем у нас. Мы полагали, что наше превосходное богатство даст нашим детям лучшее образование. Но нам не удалось выделить на эти цели более ничтожной доли — самое большее 3% — нашего национального дохода, в отличие от советских 10%. <...> Мы ошиблись насчет их предполагаемого невежества. И мы совершенно не поняли решающей важности интеллектуальных достижений в гонке за безопасность и выживание... Наше отставание в образовательных достижениях дорого обходится и с точки зрения научного оружия...». (Выступление сенатора Джона Ф. Кеннеди на ежегодном банкете выпускников колледжа Лойола, Балтимор, Мэриленд, 18 февраля 1958 г. (фрагменты). URL: https://zen.ru/a/ZE0bJ7_hlyYE7elv?experiment=942751).

Схожая позиция была представлена в 1959 г. доктором C.R.S. (Congressional Research Service — Исследовательская Служба Конгресса США) Мэндэрсом, который подготовил для комитета по вопросам науки НАТО доклад на тему «Научно-техническое образование и кадровые резервы в СССР». (Советская система образования: достоинства и недостатки образования в СССР. URL: <https://inance.ru/2018/09/obrazovanie-v-sssr/>).

³ Любопытно, что в отношении финансирования школ децентрализованные нормы сохранялись все это время. Так, бюджетные затраты на начальное и среднее (общее) образование в СССР осуществлялись из местных бюджетов. В постсоветской России образование стало «совместным мандатом»: ремонт и содержание зданий, закупка оборудования остается за муниципалитетами, в то время как зарплата учителей осуществляется из федерального бюджета и бюджетов регионов. Какое-то время в СССР допускалась определенная автономия и в педагогике, и в распоряжении финансовыми средствами образовательных учреждений [7]. Однако в послевоенной советской системе образования даже эксперименты осуществлялись исключительно сверху, централизованно. Конечно, рядом с этой жестко регламентированной централизованной системой полулегально работали репетиторы, но объем предоставлявшихся платных уроков крайне трудно оценить; во всяком случае, он был относительно незначительным.

терной для него недооценкой интеллектуального труда. Тогда ученые получали в 6 раз меньше грузчиков, в 4 раза меньше низшего и среднего канцелярского персонала» [9, с. 72]. «Царские» профессора, решившие остаться в России, были вынуждены работать в нескольких местах, чтобы как-то обеспечить себя.

В годы первой пятилетки большевики стали широко использовать политику выдвиженчества. В период с 1928 по 1931 г. партия мобилизовала около 10 тыс. чел. в инженерные и другие вузы, и еще 8 тыс. чел. — в военные. Одновременно в 1920-х гг. проводилась демократизация приема в вузы, сопровождавшаяся отменой вступительных экзаменов. Следствием такой демократизации стали последующие массовые отчисления. Например, в 1925 г. доля окончивших составила лишь 10% от поступивших [10, с. 67]. Так появились рабфаки, где шла подготовка к обучению в вузе. В 1933 г. число учащихся рабфаков составляло 352 700 чел. Вводились и квоты для поступающих, а также осуществлялись чистки среди студентов на основе их происхождения. Большевики добивались роста удельного веса рабочих и крестьян в вузах.

В 1930 г. выходит знаменитое «Положение о штатно-окладной системе оплаты преподавательского персонала высших учебных заведений Союза ССР», которое было утверждено постановлением СНК СССР. В соответствии с этим вводились штатные должности (с 1937 г.) — профессор — заведующий кафедрой, профессор кафедры, доцент, старший преподаватель, преподаватель — ассистент. В это время преподаватели и ученые вновь занимают потерянное ранее привилегированное положение в структуре советского общества. Однако к 1970 г. ситуация опять сильно меняется (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Соотношение между стипендией аспиранта и среднемесячной оплатой труда по экономике, %

1931	1937	1950	1965	1971	1989	1996	2003	2016
219	192	101	63	61	50	29	18	8

Источник: [10, с. 516].

Среднее и высшее образование в СССР было бесплатным, за исключением периода 1940—1956 гг. Платность в этом периоде была фрагментированной (исключения по оплате делались для отдельных категорий в военное время, а также для отдельных республик) и вызывала протесты. На конституционном уровне право на бесплатное образование от начального до высшего было закреплено только в статье 45 Конституции 1977 г.

Общим результатом всей этой государственной политики стал стремительный рост образования в СССР. Так, после 1945 г. численность граждан с образованием выше среднего удваивалась примерно

каждые 10 лет, и к середине 1970-х гг. она превысила 22 млн чел. Если в 1913 г. доля лиц, принадлежащих к данной категории, исчислялась десятками долями процента, а в 1930-е гг. не превышала 1,5%, то в 1975 г. высшее или среднее специальное образование имел почти каждый десятый гражданин СССР. Среди экономически активного населения доля лиц с образованием не ниже среднего составляла примерно 77%.

Таким образом, когда Дж.Ф. Кеннеди хвалил советскую систему образования и науки, это было время, когда советская дирижистская система обеспечивала высокую горизонтальную и вертикальную социальную мобильность, сочетающуюся с высокой степенью эгалитарности. Последняя обеспечивалась жестким государственным контролем, включавшим в себя как регулирование зарплаты и нагрузки, так и предметное содержание всех изучавшихся в школах и вузах дисциплин.

При этом между эгалитарностью и качеством в среднем образовании существует объективное противоречие. Такая система будет либо притормаживать лучших (которые, впрочем, впоследствии смогут проявить себя в высшей школе), либо портить общее качество, либо то и другое одновременно. Подобно другим таким же практикам, возникшим во время индустриализации (система Семашко в здравоохранении, рационализация и научная организация труда в промышленности), советская школа показывала хорошие результаты в условиях дефицита образования, который в основном уже был преодолен к периоду, отождествляемому с научно-технической революцией. Так, уже в 1960-е гг. получают распространение физико-математические школы (в т.ч. школы-интернаты), школы с углубленным изучением иностранных языков, развивается олимпиадное движение (победители, как и медалисты, зачисляются в вузы без вступительных экзаменов). Меняется (по сути, просто деградирует на общем фоне) система оплаты учительского труда. Сюжет популярного рассказа В. Распутина «Уроки французского» (впоследствии экранизированного в СССР) постепенно становился все более фантастическим. Даже в обычных школах к концу 1970-х гг. *складывается практика скрытой сегрегации*, когда наиболее способные дети попадают в «А» и «Б» классы, а класс «Г» становится своего рода «отстойником».

Постоянное расширение высшего образования привело к диспропорции между местами в вузах и желающими получить соответствующий диплом. В результате упал конкурс среди абитуриентов (стоит отметить, что последнее происходило еще и на фоне демографической ямы, связанной с эхом войны). В 1985 г. по всем группам вузов в среднем конкурс был почти в 1,5 раза меньше, чем в 1966 г. [11, с. 64]. Удельный вес абитуриентов, получивших положительные оценки, по отношению к плану приема все время падал. В 1960-е гг. он держался на уровне 200%, а в 1985 г. составлял только 112%, т.е. почти все (за исключением 12%) абитуриенты, получившие положительные оценки, были зачислены в вузы. Естественно, падал и проходной балл во все группы вузов [12, с. 146].

Перепроизводство специалистов вызвало снижение ожидаемого денежного вознаграждения для обладателей дипломов. Следствием стал добровольный переход из инженеров в рабочие, что предоставляло выигрыш в зарплате. В 1960-х гг. это было исключением, но в 1970-х гг. такая практика стала массовой. За полтора десятилетия (1970–1987 гг.) количество инженеров-рабочих в СССР возросло с 2,4 до 211 тыс., т.е. почти в 100 (!) раз [12, с. 147].

Похожие процессы имели место и в сфере советской науки. Численность научных работников быстро росла (см. рис. 1, 2)⁴.

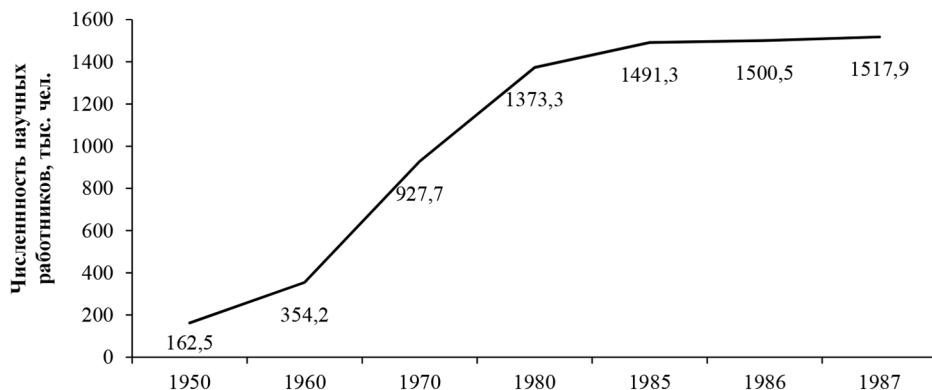

Рис. 1. Численность научных работников в СССР

Источник: составлено авторами по данным ЦСУ СССР.

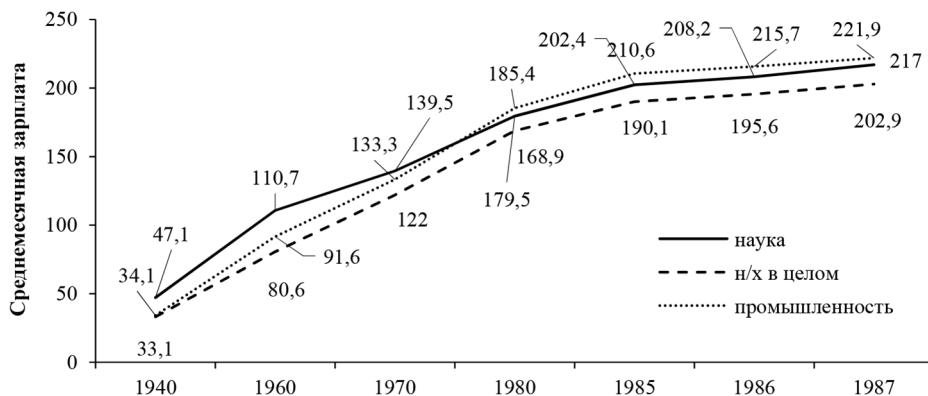

Рис. 2. Среднемесячная зарплата в СССР в науке, промышленности и в среднем по народному хозяйству

Источник: составлено авторами по данным ЦСУ СССР.

То же самое можно сказать о профессорско-преподавательском составе (ППС) вузов. В 1946 г. произошло существенное повышение зарплат преподавателей: соотношение зарплат профессора и доцен-

⁴ К 1986 г. удельный вес советских ученых превысил 20% всех научных сотрудников мира.

та к зарплате квалифицированного рабочего составило 7 к 1 и 4 к 1 соответственно. Численность ППС с начала 1950-х до конца 1970-х гг. выросла более чем вчетверо, с 84,4 тыс. чел. до 390,1 тыс. чел. Однако зарплата преподавателей в этот период практически не увеличивалась, она не пересматривалась много лет. Аналогичное положение сложилось с оплатой труда ученых, ставки которых (научный сотрудник со степенью — доцент, старший научный сотрудник (доктор) — профессор) тесно коррелировала с оплатой в вузах.

Диспропорцию в подготовке кадров в 1980-х гг. попытались исправить, сократив прием в девятые классы общеобразовательных школ. После восьми лет обучения предполагалось, что подростки пойдут в ПТУ и техникумы. Эти ограничения были восприняты советским обществом как посягательство на права граждан. От учебы в ПТУ всячески старались уклониться, в т.ч. и асоциальными методами: возросло количество неработающей и неучащейся молодежи. В результате к концу 1980-х гг. эти ограничительные меры были постепенно отменены.

Как это не парадоксально, либертарианская критика системы образования в США выглядит полностью справедливой и в отношении системы науки и образования позднего СССР. НИИ и вузы стали все больше работать на себя. Содержание вузов и НИИ требовало все больше средств. Одновременно обладатели дипломов либо трудились на рабочих местах, не требовавших высшего образования, либо работали не по специальности.

Такой же разрыв наблюдался и между результативностью научных исследований и производительностью советской экономики. Похоже, чем больше в СССР было научных сотрудников, тем меньше были востребованы результаты их профессиональной деятельности. Здесь следует отметить важную специфику риторики, используемой в защиту советской науки, которая появилась еще в СССР, но используется и в настоящее время. Банальностью стал тезис, что наука совершала гениальные открытия, но все это было не востребовано производством — директора социалистических заводов и фабрик, председатели колхозов и прочие руководители *не были заинтересованы во внедрении результатов этих открытий*. Но в рамках такой аргументации неявно наука превращается именно *в специфическую экономическую деятельность*, которая терпит финансовый крах из-за неспособности продать свой товар. Это — либертарианский дискурс, который широко стал использоваться за два десятилетия до распада СССР, и это — симптом кризиса жестких централизованных советских институтов.

Ученый, работавший в XX в., мог бы сказать, что истина не может быть продана или внедрена, она либо есть, либо нет. Невозможность внедрения результатов того или иного открытия можно интерпретировать либо как ошибку (и тогда внедрение автоматически потерпит неудачу), либо как непонимание (игнорирование) устройства общества, в котором он работает. Тогда в лучшем случае для автора открытия закончится академическая карьера, а в худшем — его открытие объявят опасной ересью с соответствующими последствиями. Именно такие исходы

имели место в свое время в СССР в генетике, экономической теории, философии, языкознании, кибернетике, ряде инженерных дисциплин.

Однако в позднем Советском Союзе практически не было ничего подобного, наука и практика существовали в параллельных реальностях, иногда пересекаясь и дискутируя вокруг парадоксального концепта внедрения. Общий крах социалистического проекта, про который власти говорили, что впервые в истории человечества *новое государство строится на научной основе*, в такой ситуации представляется вполне закономерным.

Дальнейшая эволюция постсоветской системы науки и образования породила множество принципиально различных типов образовательных и научных учреждений. Прибегая к аналогии, можно сказать, что советский рубль являлся «разноцветными деньгами» — фактически под одним и тем же названием в советской экономике ходило несколько валют с разной покупательной способностью и разными каналами обращения (об этом писали многие советские социологи и экономисты⁵). Напротив, за обозначениями «школа», «университет» и «НИИ» стояли относительно однородные социально-экономические институты. В постсоветской России рубль стал обычной валютой, выполняющей стандартные функции денег, а вот за одним названием «школа» могут скрываться как образовательный центр «Сириус», так и «арестантско-уголовное единство» (АУЕ). Преимущественно об этом, о неформальных институтах образования и науки, пойдет речь ниже.

Неформальные институты в сфере среднего образования

В СССР, где система управления средним образованием была полностью централизована, широко применялись стандартизированные процедуры набора, формирования классов, обучения. В России уже в 1990-х гг. возникло множество форм учреждений среднего образования. В *таблице 2* представлены три типа таких школ со своими характерными чертами: отбор учеников, программы обучения, педагогические приемы и т.д. Формально все эти учреждения соответствуют требованиям Министерства просвещения России, что подтверждается наличием соответствующих документов, определяющих их организационно-правовой статус. Тем не менее свойства неформальных институтов, которые и обуславливают различия между школами, хорошо известны как родителям учеников, так и учителям⁶. И те, и другие делают свой выбор, основываясь на неявном знании, устраивая своего ребенка и/или приходя на работу в соответствующую школу.

⁵ В советское время предпочитали использовать выражение «разное товарное наполнение рубля», а не «разноцветные деньги».

⁶ Следует оговориться, что формальное единообразие учреждений обусловлено выполнением ими одной и той же явной социальной функции, в данном случае образовательной. Но как показал Р. Мертон, кроме явных функций, выполняемых теми или иными организациями, последние реализуют еще и множество неявных, латентных функций [13]. Различные типы школ, таким образом, соответствуют неявным ожиданиям родителей и учителей, своего рода неявному социальному контракту [14]. Описание указанных типов ранее приводилось в работе [15].

Т а б л и ц а 2

Типы школ с доминированием различных неформальных институтов

Регламент: социальная норма	Закрытая (специализированная) школа	Стандартная школа	Массовая школа
<i>Отбор учеников</i>	Специальный отбор учащихся (высокие средние баллы стандартной школы, входное тестирование и т.д.)	Набор по месту жительства, без дополнительных условий	Набор по месту жительства с дополнительной нагрузкой: дети мигрантов с плохим владением русским языком, трудные подростки (одно время — замедленное развитие)
<i>Источники финансирования</i>	Бюджет, родительская плата, пожертвования спонсоров	Бюджет, полулегальные поборы с родителей на «ремонт»	Бюджет
<i>Положение и роль учителей</i>	Индивидуальные контракты, надбавки за сложность; сравнительно высокая зарплата; авторитетные педагоги, контролирующие межличностные отношения в классе	Стандартные условия найма, низкий уровень оплаты, массовое репетиторство. Слабый контроль за учениками (за исключением кадетов и/или других спец. училищ)	Стандартные контракты, высокая текучесть; учитель-тьютор; отсутствие контроля
<i>Способы и горизонт социализации</i>	Ориентация на получение знаний в элитных вузах, длительная социализация	Освоение ФГОС, сдача ЕГЭ, ориентация на местные вузы и социальные связи родителей	Краткосрочная адаптация к школе и «району»; АУЕ и полукриминальные формы лидерства; ранние браки
<i>Формы образовательных учреждений</i>	Школа-интернат (пансион). ФМШ, ФТШ, элитные образовательные центры, гимназии, лицеи	МБОУ с возможной специализацией старших классов, часто спортсекции. Кадетские училища	МБОУ, образовательные учреждения при исправительных колониях для несовершеннолетних

Источник: разработано авторами на основе [15, с. 22–24].

В отношении типологии, приведенной в *таблице 2*, следует сделать несколько принципиальных оговорок. Во-первых, все это в достаточной мере условно, т.к. даже в лицеях и гимназиях могут действовать обычные универсальные контракты и учителя получают низкую зарплату, что вынуждает их заниматься репетиторством. Во-вторых, и в стандартных школах могут работать достаточно сильные предметники, как, впрочем, и в массовых школах. В-третьих, удельный вес этих трех типов школ в системе образования меняется от города к городу, от региона к региону. Как мы полагаем, эта типология является актуальной и для большинства западных государств. Удельный вес различных типов школ также изменяется от страны к стране.

Принципиальны здесь *различия между закрытой и массовой школами*. Стандартная же школа является своего рода переходным типом, об-

ладающим гибридными чертами. Массовая школа обладает некоторыми чертами пенитенциарного учреждения, решающего задачи социализации подростков весьма специфическим способом. Существование такого рода школ в системе национального просвещения будет отрицаться любым официальным ответственным лицом в любом государстве. Напротив, если признать наличие таких учреждений в социальной реальности, то очевидно, что средний уровень качества образования, его эффективность будет определяться как раз *удельным весом массовых, а не закрытых школ*. Если удельный вес массовых школ становится достаточно большим (хотя, как мы полагаем, достаточно превышения уровня в 10% от общего количества учреждений среднего образования, но все это требует дополнительных специальных социологических исследований), то *общее качество* такой системы образования следует оценить как *низкое*. Несмотря на то, что школьники из закрытых школ будут привозить медали с очередных международных соревнований, обеспечивая нужную отчетность чиновникам, решающее влияние на настроение и культуру молодежи будут оказывать выпускники именно массовых школ. Легко прогнозировать, что в дальнейшем многие выпускники элитных вузов, куда пойдут учиться бывшие выпускники закрытых школ, продолжат свою научную карьеру за рубежом. Они постараются держаться подальше от той среды, где доминируют их харизматичные сверстники с принципиально иными знаниями и социализацией.

Проблема, которую в свое время диагностировали М. и Р. Фридманы, связана с тем, что качество образования не повышается вместе с простым увеличением финансирования соответствующего министерства. «Производители образовательных услуг» будут направлять средства на реализацию пафосных и дающих громкий пиар-эффект образовательных проектов, но отнюдь не на изменение неформальных институтов, сложившихся в массовых школах. В этом нет ничего удивительного и/или парадоксального. Как уже говорилось, *официально массовых школ не существует*, о них знают только родители и сами ученики, но их голос — голос потребителей слышат разве что общественники и деятели искусства⁷.

Предположим, однако, что возмущение общественности дошло до властей, и они решили что-то предпринять. Однако неформальные институты не возникают и не функционируют на пустом месте. Как уже говорилось, они дополняют официальные институты образования, которые в России являются централизованными.

Новая политическая экономия исходит из посылки, что малые социальные группы действуют рационально и преследуют свою выгоду. Работники органов управления образованием стимулируются за выда-

⁷ В 2023 г. стал обсуждаться сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» Ж. Крыжовникова. В 2008 г. с несколько меньшим резонансом прошел фильм «Все умрут, а я останусь» В. Германики. Оба этих произведения демонстрируют неявное знание неформальных механизмов социализации в массовых школах России, но это никак не задевает постсоветскую систему образования. Напротив, фильм «Чучело» Р. Быкова 1983 г. вызвал скандал и широкую дискуссию об устройстве советской школы.

ющиеся достижения — победы на олимпиадах, средний и высокий балл ЕГЭ (при этом тесты через определенный период корректируются под средний национальный уровень). Родители, представляющие богатые и обеспеченные домохозяйства, предъявляются спрос на закрытые, элитные школы. Если перераспределить финансовые средства и сравнительно небольшой ресурс лучших педагогов в массовые школы, насколько результат будет отличен от нуля?

Этот простой тест позволяет понять, почему насилие, травля и расстрелы, которые теперь тоже стали случаться в российских школах, будут продолжать характеризоваться как трагическая случайность, недоработки тех или этих ответственных лиц. При этом будут приниматься простые меры. Так, после обращения генеральной прокуратуры Верховный суд запретил АУЕ еще в августе 2020 г. А раз запретил, значит, такого института в России нет⁸.

Отечественные либертарики и дирижисты предлагают свои рецепты оздоровления ситуации, используя соответствующие политико-экономические дискурсы. Остановимся на них подробнее.

Децентрализация. В рамках либертарианского дискурса дети рассматриваются как долгосрочные инвестиции, а родители — как рационально мыслящие экономические агенты. Для положительной отдачи таких человеческих инвестиций необходимы: а) качественный физический капитал, который производит система народного просвещения; б) отсутствие конфликта между разными поколениями, что достигается воспитанием (как в семье, так и в школе).

Родители, будучи налогоплательщиками, вовлечены в своеобразный финансовый контракт с государством, любой ребенок — гражданин своей страны автоматически имеет мандат (право) на образование. Это право можно формализовать, предоставив домохозяйству образовательные ваучеры. Те, кто хочет реализовать свое право на среднее образование частично и начать профессиональную карьеру, скажем, после восьми лет обучения в школе (а тем самым одновременно начинают платить налоги и сокращают затраты государства на свое образование) могут получить финансовую компенсацию и завершить образование в 18–20 лет. Напротив, тем, кто хочет после школы поступить в университет, выделяется образовательный кредит, который будет погашаться из налогов после завершения высшего образования. В рамках этой модели работники с высшим образованием будут обладать большим человеческим капиталом, чем работники со средним, а следовательно, получают на свой капитал и больший дивиденд.

Школам здесь предоставляется большая автономия, включающая вариативность учебных программ. Доход школ здесь напрямую зависит от количества (и качества) учащихся. Источники финансирования — смешанные: с одной стороны, это бюджетная субсидия в соответствии

⁸ Верховный суд запретил движение АУЕ в России. URL: <https://rg.ru/2020/08/17/verhovnyj-sud-zapretit-dvizhenie-aue-v-rossii.html> (дата обращения: 24.01.2023).

с образовательными ваучерами, с другой — это доходы от оказания дополнительных услуг сверх государственного стандарта. Качество образования контролируется через регулярное тестирование, заодно осуществляется и довольно жесткий контроль за поведением учеников (логичным дополнением этой модели является ювенальная юстиция). Таким образом, *состояние школ и доходы педагогов в большей степени зависят от муниципалитета и региона*, нежели от поступлений из Центра.

Естественно, что децентрализация не означает ликвидацию массовой школы. Но она легализует ее положение в качестве образовательных учреждений для детей-сирот, детей из социально неблагополучных семей и некоторых других категорий. Учителя в таких школах получают статус социальных работников — государственных служащих с твердым окладом. Тем самым на местах минимизируются возможности распространения неформальных институтов массовой школы (полностью искоренить их невозможно).

Современная российская школа восприняла из этих предложений только ОГЭ и ЕГЭ, хотя разговоры о ее полноценном внедрении идут не менее двух десятков лет⁹. Естественно, что само по себе тестирование почти не задевает неформальные институты, сложившиеся в школах. Последние, как мы полагаем, влияют на качество образования намного сильнее, чем итоговая форма контроля уровня знаний. Но если судить по высказываниям в российских медиа, именно ЕГЭ и является главным основанием либертарианства, а само определение «либеральный» используется как мягкая замена прилагательному «поганый». Следует напомнить, что тридцать лет назад российской общественностью (в т.ч. и научной), примерно в таком смысле использовались понятия «государственник», «государственный».

Централизация. Дирижисты эксплуатируют представление об образовательной деятельности как государственной службы, реализующей миссию ученого и педагога на ниве просвещения. Но такая деятельность *не может иметь экономической оценки на основе предельной производительности труда* (эффективности), она должна оплачиваться так же, как деятельность других государственных служащих. Нынешняя российская система образования, несмотря на высокую централизацию, практически никак не связана с образованием как системой службы: учителя входят в состав бюджетников, но никак не чиновников. Исходя из общей логики дирижизма, непонятно, почему зарплата учителей и врачей должна быть в разы ниже, чем жалование полицейских и военнослужащих, но дело не только в этом.

Так, больше десяти лет назад был принят Указ президента № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», предусматривавший «доведение в 2012 г. средней заработной платы педагогических работников образовательных учреж-

⁹ Реформаторы долго говорили о системе ГИФО и принципе «деньги следуют за учеником», но воз и ныне там.

дений общего образования до средней заработной платы в соответствующем регионе». Понятие «средняя» является классической лукавой цифрой, о чем свидетельствует содержание контракта с учителем высшей категории в престижной омской гимназии № 115, входящей во всероссийские рейтинги¹⁰.

С 1 сентября 2023 г. по 31 августа 2024 г. за выполнение трудовых обязанностей, предусмотренных трудовым договором, работнику устанавливается заработная плата в размере: а) ставка заработной платы за фактическое количество часов учебной нагрузки (15 часов в неделю) в размере 11 666,67 руб.; б) работнику производятся выплаты компенсационного характера (до 100% ставки заработной платы). Но 15 часов в неделю — это 83,3% ставки (полная нагрузка 18 часов в неделю). Полная ставка составляет, таким образом, 14 тыс. руб. Со 100%-ной премией это — 28 тыс. руб. (до налогообложения). Средняя зарплата в Омской области, по данным Омского управления Росстата, в 2023 г. составила 52,3 тыс. руб.¹¹ При этом официально в 2023 г. педагоги в районах Омской области в среднем получают 44 165 руб., в Омске — 39 457 руб.¹²

Такая ситуация *типична для России*. И это еще раз свидетельствует в пользу справедливости критической оценки такой системы образования М. и Р. Фридманами: *выигрыш от нее получают чиновники, но не учителя и ученики*.

Сторонник дирижизма должен был бы сказать, что переход образования к системе гражданской службы предполагает, с одной стороны, резкое увеличение жалования учителей, предоставление служебного жилья, дополнительное пенсионное обеспечение, а с другой — обязательства по горизонтальной мобильности, (переезды между различными типами населенных пунктов, регионами и т.д.). Это — запрет на совместительство, частное предпринимательство (репетиторство), требования по сокращению удельного веса отстающих. Такая система предусматривает судебное преследование родителей за оскорбление учениками педагогов, возможности исключения из школ и т.п. Правовая защита учителей не может быть ниже правовой защиты полицейских и военнослужащих.

Сдвиг системы образования в сторону институтов идеального дирижистского типа предусматривает радикальное изменение положения «учительских университетов». Студенты, поступающие в такие университеты, получают статус курсантов, заключают контракт о поступлении на госслужбу, обеспечиваются обмундированием, питанием (собственно, всем тем, что до сих пор отчасти сохраняется в горных и железнодорожных вузах, осуществляющих соответствующую подготовку).

¹⁰ Архив П.А. Ореховского. Фотокопия не приводится в тексте статьи в связи с невозможностью ее размещения в журнале в таком формате.

¹¹ В 2023 г. средняя зарплата омичей выросла на 15,2%. URL: <https://12-kanal.ru/news/192881/>

¹² Статистика и реальность. Как отличаются зарплаты в омских школах от цифр в отчетах. URL: <https://gorod55.ru/news/2023-12-15/statistika-i-realnost-kak-otlichayutsya-zarplaty-v-omskih-shkolah-ot-tsifr-v-otchetah-3128544>

Очевидно, что нынешняя российская система среднего образования также далека от дирижистского идеала, как и от либертарианского. Но здесь важно отметить два обстоятельства.

Во-первых, в централизованной системе поощряется постепенный сдвиг к закрытым школам, где доминируют соответствующие неформальные институты, ориентированные на привилегированность и элитарность. Во-вторых, хотя бы частичная реализация дирижистских принципов повлечет существенное увеличение затрат, причем со стороны государственного бюджета, почти не оставляя гражданам выбора¹³. В этом отношении либертарианская модель выглядит для государства дешевле, предполагая большое привлечение частных средств. Вспоминая цитату Кеннеди, отметим, что нынешняя Россия сейчас отстает по доле затрат на образование в ВВП от многих богатых стран, включая США. Например, в 2020 г. соответствующие показатели составляли: в России — 4,6% (0,6 — из внебюджетных источников), в США — 6,0 (1,9), в Великобритании — 6,6 (2,3), в Швеции — 7,3% (0,3%)¹⁴.

Подводя итог, констатируем, что состояние среднего образования в России вполне отвечает интересам привилегированных социальных групп. Часть из них оплачивает дорогое образование в частных школах, а другая пользуется государственными субсидиями, выделяющимися на развитие специализированных школ и образовательных центров. В таком случае есть ли у заинтересованного большинства свои «малые группы» [16], способные на финансирование и лоббирование дирижистского или либертарианского (в данном случае это неприципиально) проекта реформы образования? Возможно, мы ошибаемся, но пока в сложившейся социальной структуре российского общества такие группы отсутствуют.

Российские университеты на рынке образовательных услуг: нечестная конкуренция

Как уже отмечалось, в СССР бесплатное образование сочеталось с постоянным увеличением числа студентов и выпускаемых специалистов. После событий в СССР 1989–1992 гг., сопровождавшихся коллапсом налогово-бюджетной системы, для большинства вузов (как и других бюджетных учреждений) наступили трудные времена. Ликвидация части вузов была бы крайне болезненным решением, которое вызвало бы серьезные социальные конфликты. Поэтому власти пошли другим путем — они разрешили вузам предоставлять платное образование и набирать коммерческих студентов. Тем самым за счет набора на относительно дефицитные специальности юристов, менед-

¹³ Конечно, такая централизованная система не может охватывать все среднее образование. Как минимум, здесь будут оставаться частные школы, а также муниципальные музыкальные, художественные, спортивные школы.

¹⁴ Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.

жеров, финансистов, маркетологов предполагалось сохранить ставшие во многом избыточными направления подготовки инженеров, а также исследователей в области точных и естественных наук¹⁵. Однако это, казавшееся временным, решение *привело к изменению всей политики в сфере высшего образования*¹⁶.

Во введении мы уже говорили о различии между дирижистским дискурсом, делавшим акцент на поиске истины, и либертарианским, связывающим такие поиски с неременным финансовым успехом. Советская научная, художественная и техническая интеллигенция была основной социальной силой, на которую опирались как советские, так и постсоветские реформаторы. Сокровенным убеждением этой наиболее влиятельной социальной группы была вера в то, что при социализме, в условиях административной системы интеллектуальный труд оплачивается крайне низко, и *переход к рыночной экономике позволит им резко улучшить и свое материальное положение*, а в новой социальной структуре интеллигенция станет элитой, избавившись от унижительного определения прослойки.

Когда высокая культура университета как учреждения, где сохраняют и транслируют знания, была заменена на *экономическое описание университета как фирмы, удовлетворяющей спрос на образование*, часть профессорско-преподавательского состава возмутилась. Это слегка изменило риторику. Хотя в публичных дискуссиях стал реже использоваться термин «образовательная услуга», это практически не повлияло на институты, сложившиеся в высшем образовании к тому времени. В постсоветской России быстро возникло множество новых вузов. При этом часть из них была не только весьма финансово успешной, но и могла составить конкуренцию в сфере НИОКР (наиболее яркие примеры — Высшая школа экономики и Российская академия народного хозяйства и государственной службы в Москве и Европейский университет в Санкт-Петербурге).

Спонтанная эволюция высшей школы в России привела к появлению трех типов учреждений. Все они называются университетами,

¹⁵ После того, как преподаватели и ученые, считавшие себя элитой будущего постиндустриального общества и выступавшие за рыночные реформы, столкнулись с реальной рыночной оценкой своего труда, у них возник когнитивный диссонанс. Например, «с началом рыночных реформ, для осуществления которых был выбран метод “шоковой терапии”, образование, как и наука, оказались в роли “социальных нахлебников”. Фактически против них была развернута настоящая финансовая война» [6, с. 118]. Очевидно, если бы КПСС в свое время попыталась привести количество вузов и НИИ в соответствие с потребностями советской экономики, прогрессивные отечественные историки и социологи заговорили бы о гражданской войне, которую опять развернули против своего народа проклятые большевики.

¹⁶ Следует оговориться, что идея коммерческого высшего образования возникла в постсоветской России не на пустом месте. Во-первых, в СССР на платной основе училась часть зарубежных студентов и аспирантов. Во-вторых, как в речах руководителей вузов, так и в СМИ в 1980-е гг. будировался тезис о необходимости таких специалистов, на которых предъявляется спрос. Все это отвечало интересам влиятельной социальной группы советского научно-образовательного истеблишмента, рассчитывавшего на получение дополнительных ресурсов.

имеют лицензии, аккредитованы при Министерстве науки, высшей школы и технической политики, выдают выпускникам дипломы государственного образца. Но в этих учреждениях действуют разные неформальные институты (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Типы университетов с доминированием различных неформальных институтов

Регламент: социальная норма	Университеты (селективные вузы)	Высшие школы	«Фабрики по производству и продаже дипломов»
Отбор студентов	Отбор на основе результатов олимпиад и ЕГЭ. Большинство – бюджетные студенты. Для платников – гибкие системы оплаты, возможен перевод на бюджет	Отбор на основе ЕГЭ. Около трети студентов обучаются на коммерческой основе	Прием всех желающих на основе платежеспособности студентов и их родителей
Положение и роль профессоров	Контракты, разработанные внутри данного учреждения. Персональные надбавки, должности ординарных профессоров, директоров институтов и т.д. Влиятельный ученый совет	Стандартные контракты о найме, избрание по конкурсу на 3–5 лет. «Ручной» ученый совет, голосующий за решения ректората	Годичные контракты с нормами нагрузки, принятыми в данной организации. Ученый совет существует только на бумаге
Объем и специфика нагрузки	Для части ППС – авторские курсы, мастер-классы. Участие в конференциях, публикации – в зачет нагрузки, а заодно – премируются	План – 1 100 часов. «Позвонковая» на полную ставку – от 12 часов в неделю. Публикации и пр. учитываются, но не премируются	Внутреннее и внешнее совместительство, «звонки» – 18 часов в неделю и более. Публикации не учитываются
Наличие учебных корпусов, кампусов, инфраструктуры	Собственные корпуса и лаборатории на праве полного хозяйственного ведения, собственные кампусы, поликлиники, спорткомплексы	Собственные корпуса + переданные в аренду и/или оперативное управление. Общежития и спорткомплексы – советское наследие, с низким уровнем благоустройства	Собственные (выкупленные) и/или арендуемые учебные помещения (часто – на территориях бывших заводов). Общежития и др. инфраструктура отсутствуют
Социализация студентов после 4 лет (бакалавры)	До 50% – на магистерские программы. Совмещение обучения и работы по найму. 1–2% выпускников идут в аспирантуру	Для технических и естественно-научных специальностей – специалитет. До 25% – магистратура. Аспирантуры по части профилей нет.	Магистратура и аспирантура часто отсутствуют. Раннее совмещение учебы и работы по найму
Формы университетов	Федеральные, исследовательские университеты (и приравненные к ним по статусу)	Опорные и классические, технические, аграрные, медицинские, университеты	Педагогические, часть классических и технических университетов, новые (образованные после 1995 г.) вузы

Источник: разработано авторами на основе [15, с. 22–24]

Конечно, приведенная в *таблице 3* типология условна. Даже в сильных и богатых технических университетах первой и второй групп, в т.ч. имеющих статус исследовательских, могут существовать коммерческие направления подготовки, где преобладают неформальные институты, характерные для третьей группы вузов. Напротив, часть студентов, закончивших высшие школы и/или даже «фабрики дипломов», получают достаточный уровень подготовки, чтобы потом поступить и закончить магистратуру в федеральных и исследовательских университетах¹⁷.

Существование «фабрик дипломов» признается только как *исключительный феномен*, с которым Министерство науки, высшей школы и технической политики ведет жесткую борьбу, проводя соответствующие проверки. По результатам последних вузы могут быть лишены аккредитации, а это означает невозможность выдачи выпускникам дипломов государственного образца. По каким-то направлениям подготовки может быть приостановлена лицензия и т.д.

При этом качество высшего образования нельзя определять просто через удельный вес «фабрик по производству и продаже дипломов». Качество любой услуги определяется в первую очередь через соответствие цены/качества ожиданиям потребителя. И в этом отношении качество образования выпускников элитных вузов, которые не стали работать по профилю полученной специальности, *может проигрывать качеству образования, предоставленных «фабриками дипломов»*. Спрос на высшее образование крайне неоднороден, на выбор вуза также влияет множество косвенных факторов, плохо или вообще не связанных с будущей специальностью выпускника и потребностями российского рынка квалифицированного труда.

При этом благодаря усилиям регулятора, который ввел официальную иерархию вузов, выделив федеральные, исследовательские и опорные университеты, на этом рынке доминирует нечестная конкуренция. Производители поставлены в заведомо неравные условия. Попытка введения в высших школах эффективных контрактов увеличила трансакционные издержки этих организаций без видимого позитивного эффекта [17]. Деление вузов на категории и последующее приоритетное финансирование федеральных и исследовательских университетов означает не что иное, как *субсидирование государством производства наиболее дорогих товаров престижного спроса*. Целью этого «демонстративного расточительства»¹⁸ было вхождение отечественных вузов в международные рейтинги (топ-100, топ-200). Эта цель, по нашей оценке, связана с общим качеством российского образования *еще меньше*, чем победы школьников на олимпиадах, а эффект от затрат на ее достижение подвергнут сомнению даже в отчете Счетной палаты Российской Федерации¹⁹.

¹⁷ Правда, такие выпускники в вузах третьей группы встречаются все же довольно редко; как правило, они ориентированы на другой вариант социализации.

¹⁸ Термин принадлежит Т. Веблену. Описание самого феномена приводится в [18].

¹⁹ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Университеты. 2021. № 2 (279). URL: sptulobl.ru/law/methodic/Bulleten-2-2021.pdf (дата обращения: 18.01.2023).

Естественно, что в таких условиях перспективные, амбициозные преподаватели и научные сотрудники будут делать все, чтобы устроиться в вузы первой категории. То же самое будут делать и абитуриенты с высоким ЕГЭ, и бакалавры, решившие продолжить обучение в магистратуре. Поскольку федеральные и исследовательские университеты в основном расположены в мегаполисах²⁰, постольку такие перемещения человеческого капитала, во-первых, *усиливают неравенство российских регионов*, а во-вторых, способствуют тому, что выпускники престижных вузов все чаще работают не по избранной специальности. Рынок престижных рабочих мест в мегаполисах имеет свои ограничения, а возможности переезда в провинцию молодой отечественной элитой не рассматриваются. Выходом для них является отъезд за рубеж.

Вряд ли таким скрытым экспортом образовательных услуг следует гордиться — ведь в случае отъезда дипломированных специалистов государство теряет большую интеллектуальную ренту. Фактически речь идет о вывозе ценного сырья, но отнюдь не готовой продукции с высокой добавленной стоимостью²¹.

С одной стороны, такая искаженная рыночная структура порождает массу негативных эффектов, что вызывает рост недовольства как профессоров (в вузах, как и в средней школе, все острее становится дефицит кадров — это естественное следствие нечестной конкуренции), так и родителей студентов. С другой стороны, обращаясь к инструментарию анализа новой политической экономии, что еще можно было ожидать в ситуации олигополии, где присутствует регулятор? Как предсказывает теория, здесь должен произойти «захват регулятора» наиболее сильными участниками рынка и последующий «раздел монополистической ренты» [19]. Это и произошло.

Та же теория, достаточно подробно разработанная в чикагской школе, позволяет прогнозировать, что для возвращения к конкуренции необходимо устранение регулятора и ликвидация привилегированного положения отдельных участников. Применительно к России это означает ликвидацию Министерства науки и высшего образования и переход

²⁰ Исключения подтверждают правило: Томск является старым университетским центром Сибири, Владивосток, видимо, превратится в мегаполис в ближайшее время, появление федеральных вузов в Ставрополе и Симферополе объясняется очевидными политическими причинами. Некоторое удивление в этом списке может вызвать только Архангельск, но учитывая то, что для освоения Арктики этот город должен будет сыграть ту же роль, что и Владивосток для Дальнего Востока, шаблон политических решений Минобрнауки и Правительства Российской Федерации становится понятен.

²¹ Руководители как элитных вузов, так и отдельных направлений подготовки преподносили отъезд своих выпускников за рубеж как профессиональное достижение, а отнюдь не как управленческий провал (см., напр.: Выпускники химфака МГУ востребованы и в России, и за рубежом. URL: <https://rg.ru/2016/05/26/vypuskniki-himfaka-mgu-vostrebovany-i-v-rossii-i-za-rubezhom.html>; Истории успеха выпускников. URL: <https://www.nsu.ru/n/alumni/history/1721616/>; Первая встреча выпускников СПбГУ в Токио. URL: <https://alumnispbu.net/activities/pervaya-vstrecha-vypusknikov-spbgu-v-tokio/>). Список можно продолжать. Однако важно то, что утверждение о связи хорошего образования и жизненного успеха выпускника российского вуза с его работой за рубежом давно стало банальностью.

к равным нормативам бюджетного финансирования одинаковых вузов. В этой ситуации внедрение стандартов Болонской системы и образовательных кредитов, предусматривающих повышение горизонтальной мобильности и возможностей перехода преподавателей и студентов между вузами, выглядит вполне логично. Но в нынешней ситуации это невозможно как по идеологическим причинам²², так и из-за огромной разницы в ресурсной обеспеченности вузов одинакового профиля.

Дирижистская альтернатива, предусматривающая перевод преподавателей в ранг государственных служащих, выглядит еще более фантастической, нежели либертарианская. Такой вариант, например, предусматривал бы допуск к защите диссертаций и присвоение ученых степеней исключительно для исследователей, работающих в вузах и НИИ, а заодно ликвидацию диссертационных советов, которые не входят в систему Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации. Кроме того, мы не можем представить, что свой авторитетный голос нынешние ученые — потомки рабоче-крестьянской интеллигенции — высвят в поддержку ситуации, в которой Министерство науки и высшего образования сможет *приказать* столичному профессору отправиться поднимать науку в Сибири или на Дальнем Востоке.

Российская гражданская наука: царство наукометрии

Наука как вид деятельности может осуществляться на основе самых разных институциональных механизмов. В эпоху Средневековья, например, большая часть науки была одной из составляющих религиозной жизни в монастырях. Характеризовать такую деятельность в Средневековье как государственную службу и/или коммерческое занятие означает полностью игнорировать исторический контекст.

В современных условиях имеет смысл деление науки на гражданскую и военную. Последняя имеет различные степени секретности, подразумевающая наличие военной тайны. В этой сфере действуют институты государственной службы. В дальнейшем мы не будем останавливаться на этой сфере.

В свою очередь гражданская наука тоже может иметь свои секреты, охраняемые патентами, которые могут быть составляющими коммерческой тайны. Патентное право, как и оборот лицензий, имеют свою специфику, обсуждение которой выходит далеко за пределы предмета нашей работы. Здесь же мы остановимся на функционировании фундаментальных наук и той части прикладных исследований, которая напрямую не связана с охраной прав на интеллектуальную собственность.

²² «6 июня заместитель главы Минобрнауки РФ Дмитрий Афанасьев сообщил, что все российские вузы были исключены из Болонского процесса по решению Болонской группы. По его словам, соответствующее решение организация приняла 11 апреля — тогда было приостановлено представительство России и Белоруссии во всех структурах Болонского процесса». (см.: Что такое Болонская система образования и чем ее заменят в России. URL: <https://iz.ru/1345736/2023-03-03/chto-takoe-bolonskaia-sistema-obrazovaniia-i-chem-ee-zameniut-v-rossii>).

Прежде всего речь пойдет, конечно, о социальных науках (в т.ч. в силу профессиональной принадлежности к ним соавторов), однако мы полагаем, что изложенные ниже тезисы также применимы и к части гуманитарных, медицинских, технических, естественных и точных наук.

Российская наука, оказавшись наследницей науки советской, первоначально обладала тремя типами организаций:

1. НИИ, входящие в состав Академии наук СССР.
2. Вузовская наука.

3. Отраслевые НИИ, которые входили (и входят) в состав соответствующих ведомств (в т.ч. таких, как Министерство обороны и Министерство атомной энергетики и промышленности и др.).

В связи с ликвидацией советских министерств и ведомств многие отраслевые НИИ были либо ликвидированы, либо перепрофилированы. Исключением были НИИ, подведомственные Министерству здравоохранения (РАМН) и сельского хозяйства (ВАСХНИЛ). В 2010-е гг. эти НИИ вошли в систему Российской академии наук.

Наряду с ликвидацией и перепрофилированием старых отраслевых НИИ следует отметить появление новых организаций, занимающихся научной деятельностью в самых разных областях. В качестве примеров можно указать на Ассоциацию независимых центров экономического анализа, объединившую множество новых экспертных фирм (центров), на известную в России научно-производственную фирму «Эвалар». Другой такой новой формой организации является Корпоративный университет Сбербанка. Во всех таких случаях темы и финансирование НИОКР определяются общим спросом частного и государственного сектора. Здесь вполне эффективно работает рыночный механизм. Успешное выполнение НИОКР и получение позитивного результата после оплаты само по себе не является основанием для продолжения финансирования заказчиком исследовательской организации. Как заказчик, так и исполнители сохраняют свободу выбора.

Подобная ситуация сложилась и в сфере вузовской науки. Федеральные и исследовательские университеты, конечно, имеют больше возможностей для лоббирования заказов на свои НИОКР в государственном секторе, что, конечно, усугубляет нечестную конкуренцию. Но в остальном они действуют так же, как и другие независимые экспертные организации.

Кроме того, в рамках своего бюджета у таких университетов имеются и собственные (хотя и полученные, как правило, в рамках федерального финансирования) средства на фундаментальные исследования. Это делает отчетность по результатам таких НИОКР близкой к той, которая используется в НИИ РАН, хотя объемы затрат на собственные фундаментальных и/или инициативные прикладные НИОКР, у которых нет конкретного выгодополучателя, занимает в бюджетах федеральных и исследовательских университетов небольшой удельный вес.

В свою очередь заказчиком для исследований, выполняющихся в системе НИИ РАН, является государство. Экспертиза результатов,

полученных в ходе выполнения государственного задания, осуществляется членами РАН, которые должны прочесть отчеты своих коллег и дать рекомендации. Эта ситуация во многом сохраняет ту модель отношений между учеными и государством, которая сложилась еще в советское, а отчасти — в дореволюционное время. Тем не менее около 15 лет назад власти озаботились неэффективностью науки и принялись за реформу РАН.

Важной частью этой реформы была передача управления имуществом Академии специально созданному Федеральному агентству научных организаций, функционировавшему в 2013–2018 гг. Обсуждение имущественных вопросов выходит за рамки предмета нашей работы²³. Другая же часть была связана с обсуждением *эффективности деятельности РАН*. Именно это определение и расчеты эффективности представляют для нас особый интерес.

По-видимому, первой работой, где говорилось о неэффективности РАН, была статья С. Гуриева²⁴, Д. Ливанова и К. Северинова «Шесть мифов Академии наук», опубликованная в декабре 2009 г. в журнале «Эксперт». Именно там было сказано, что «имеет смысл сравнивать не только производительность на одного сотрудника, но и результативность на доллар затрат. Есть два основных показателя результативности научной деятельности на единицу затрат: *количество ссылок на опубликованные работы* (показывает внимание к результатам публикаций коллег-ученых, т.е. качественный уровень публикаций и их включенность в контекст мировой науки) и *количество публикаций* (курсив наш. — Е.К., П.О.). В Обществе Макса Планка, например, на 1 млн долл. внутренних затрат на исследования и разработки приходится 925,8 ссылки на произведенные статьи, а в РАН — 194,4 (эффективность РАН ниже в 4,7 раза). Если говорить о «стоимости» одной публикации, то, по данным 2007 г., в РАН она пока еще примерно в два раза меньше, чем в Обществе Макса Планка. Впрочем, нет сомнений, что увеличение финансирования РАН в 2008 и 2009 гг. сблизит эти организации и по показателю стоимости публикации»²⁵.

Инициаторам реформы ответил академик В.М. Полтерович. С одной стороны, он подчеркнул, что *профильное министерство не проводило исследований эффективности РАН* и не публиковало их, поэтому единственным источником сведений о неэффективности является упомянутая выше статья [20]. Вообще говоря, она была не только первой, но и последней... После этого он оспорил данные, которые привели авторы этой статьи, используя работы Варшавского и Маркусовой [21; 22]. Авторы пересчитали данные, приведенные в статье Гуриева, Ливанова

²³ В научно-образовательной среде весьма распространено мнение, что вся реформа РАН была инициирована влиятельными российскими политико-экономическими акторами для изъятия части земель и объектов недвижимости, которыми располагалась РАН. Учитывая реальные результаты реформы, такая гипотеза выглядит весьма правдоподобно.

²⁴ С.М. Гуриев выполняет функции иностранного агента.

²⁵ Гуриев С., Ливанов Д., Северинов К. Шесть мифов Академии наук. URL: <https://polit.ru/articles/arkhiv-proektov/shest-mifov-akademii-nauk-2009-12-14/> (дата обращения: 15.01.2023).

и Северинова, учитывая количество статей в расчете на 1 млн долл. по паритету покупательной силы, и оказалось, что по этому показателю РАН опережает Общество Макса Планка. Что же до ссылок на 1 статью, то РАН опережает США, Японию и многие другие страны и соответствует уровню Канады.

Тем самым участники дискуссии свели эффективность гражданской науки к количеству публикаций и ссылок на них. Однако это было не ново: Гуриев, Ливанов и Северинов действовали полностью в логике советских коммунистов. Так, 24 сентября 1968 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники». В рамках выполнения Постановления публикациям научных сотрудников присваивались баллы, которые шли в зачет при аттестации, а также впервые вводилось ранжирование издательств [23]. При этом, конечно же, особое внимание требовалось уделить «количеству и значимости открытий и изобретений, используемых в СССР, и проданных за рубеж лицензий, представленных организацией или отдельными ее сотрудниками, и экономический эффект, полученный в народном хозяйстве от реализации этих открытий и изобретений»²⁶.

Намного более простая и, на наш взгляд, истинная оценка результативности исследований связана с вопросом, *выполнено ли государственное задание, предложены ли решения поставленных в нем проблем*, или нет. Для этого есть (или специально вырабатываются для особо сложных случаев) критерии оценки предложенных решений. Кроме того, поскольку экспертиза предложенных учеными решений может выходить далеко за пределы должностных инструкций работников Министерства науки и высшего образования, для этого предусмотрены специальные процедуры, обеспечивающие состоятельность итоговой оценки. Руководство собирает экспертные совещания, организует дискуссии, приглашая к обсуждению исследователей из той же и смежных областей знания, по результатам которых и принимается то или иное решение.

Однако о содержательной части фундаментальных исследований (ФИ) и НИОКР, выполняемых как учеными НИИ РАН, так и вузовской наукой, речь, как правило, не идет. Гражданская наука характеризуется как отрасль, в которой есть *затраты* — зарплата, материалы, оборудование, и *результаты* — количество публикаций и ссылок на них. Таким образом, наука представляется просто одной из разновидностей издательской деятельности.

В свою очередь модели рынка печатной продукции хорошо известны экономической теории. Здесь также можно наблюдать практики нечестной конкуренции и формирование легального картеля, которые были проанализированы чикагской школой, а Дж. Стиглер

²⁶ Впоследствии именно это обусловило быстрый рост регистрации открытий и изобретений, подтвержденных авторскими свидетельствами, которые почему-то «не внедрялись».

получил нобелевскую премию. Далее мы используем в нашем анализе его подход [24].

В случае честной конкуренции барьеры входа на рынок отсутствуют, и индексированию в библиометрических базах подлежат все издания. С точки зрения издателя, стремящегося получить доход, неважно, кто ему платит за публикацию — потребитель, интересующийся данным материалом, или автор материала. Трудности, которые испытывает библиометрическая база в условиях оборота бумажной продукции (особенно с подсчетом ссылок и определения импакт-фактора) в условиях цифровой экономики давно решены. Учитывая, что регистрация СМИ и/или издательства, как и ведение соответствующей деятельности, требует как транзакционных, так и производственных затрат (редактура, корректура, использование разметки при размещении статьи / монографии / препринта / материалов на сайте), количество изданий, подлежащих к размещению в этих базах, всегда будет ограничено.

Индексация в национальных и/или международных базах имеет здесь одинаковое значение. В идеале такие базы должны интегрироваться. А транзакционные издержки ведения баз должны компенсироваться на основе одинаковых цен за размещение одинаковых видов работ за счет издателей. Такие условия близки к условиям чистой конкуренции. Естественно, что они не учитывают: 1) фактора монополии; 2) асимметрию информации. Оба эти фактора способствуют образованию легального картеля.

Монополия, с одной стороны, складывается в результате платформенных эффектов, характерных для цифровой экономики. С другой стороны, использование владельцами базы своего доминирующего положения на рынке *позволяет диктовать свои условия издателям*. В первую очередь это введение правил для исключения «мусорных» журналов, публикующих псевдонаучные статьи. «Нехорошие» издатели берут с авторов плату за такие публикации, а высоконравственные владельцы платформ и баз ведут борьбу за повышение качества научных исследований, результаты которых публикуются в журналах. Однако, во-первых, взимание платы за размещение публикаций давно уже осуществляют и «хорошие» издатели (условия *open access*²⁷), а во-вторых, рецензирование и прочие жесткие условия входа не гарантируют от публикаций в рейтинговых журналах различного псевдонаучного бреда. Это подтвердилось в ходе эксперимента, который провели трое ученых, опубликовавшие в течение года 20 статей в различных журналах. Скандал разразился в 2018 г.²⁸

Борьба за научную этику, как обычно, *имеет целью повышение ренты для участников легального картеля*. В результате только в 2020 г. российские ученые заплатили 10 млн долл. за публикации

²⁷ Вот, например, условия и цены на размещение на платформе известного издательства Pleiades Publishing (см.: URL: <https://www.pleiades.online/ru/authors/openaccess/how-to-publish/> (дата обращения: 17.01.2023)).

²⁸ Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/39993-uchenye_pisali_feyk_issledovaniya_razoblachit_lzhenuku/#anchor335141 (дата обращения: 15.01.2023).

в ведущих журналах из базы *Web of Science Core Collection*, что более чем в пять раз превышает расходы госбюджета на все журналы РАН, входящие в эту базу, обнаружил вице-президент РАН А. Хохлов²⁹. Он констатировал, что в конечном счете — это бюджетные деньги, поэтому «РАН уже несколько лет ставит вопрос о создании Российского академического издательского дома, основной целью которого был бы выпуск лучших российских журналов в режиме *Open Access* (включая русскоязычную и англоязычную версии). В этом случае бюджетные деньги пойдут на развитие системы российских журналов высокого качества, а не на оплату услуг зарубежных издательских компаний»³⁰. Полагаем, что создание Российского академического издательского дома никак не улучшит, но и не ухудшит качество публикаций. Но по крайней мере финансовые средства останутся в отечественной юрисдикции.

В свою очередь информационная асимметрия привела к тому, что в научной среде получило определение некорректного заимствования. В сущности, речь идет об облагороженной форме плагиата. Издатель, которому платит автор за услугу по публикации своей работы, заинтересован в получении денег, и если бы не репутационные издержки в случае обнаружения некорректного заимствования, не стал бы тратить время и деньги на проверку качества статьи, предложенной к публикации. Тем самым, прибегая к аналогии, получается, что он участвует в производстве и выпуске фальсифицированной продукции.

Любопытно то, что принятые в научном сообществе механизмы ответственности возлагают ответственность на автора и отчасти на издателя. Оба они несут соответствующие репутационные издержки. Последние могут принять финансовую форму для автора, если статья входит в список работ при диссертации на соискание ученой степени. Издатель тоже может финансово пострадать в случае исключения его журнала из библиометрической базы. В то же время автор, в отношении которого совершено некорректное заимствование, и его издатель остаются в стороне, никто не компенсирует им ущерб.

Такой механизм контроля *напрямую нарушает права интеллектуальной собственности*. Условия рыночной конкуренции предполагают компенсацию нарушения прав пострадавшей стороне, но легальный картель предназначен совсем для другого. В сегодняшней ситуации требование возмещения за нарушение авторского права, как и судебные издержки, возлагаются на честного ученого, которому вместо науки предлагают заняться сутяжничеством. Естественно, что подавляющее большинство исследователей игнорируют нарушения своих прав. И легальный картель их не защищает: издатели «хороших» журналов тоже не обращаются в суд.

Если довести ужесточение требований, которые предъявляются наиболее рейтинговыми издательствами и цифровыми платформами, где размещаются научные издания, до логического конца, то должны остаться

²⁹ Российские ученые заплатили не менее \$10 млн за публикации в научных журналах в 2020 году. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/13598939> (дата обращения: 15.01.2023).

³⁰ Там же.

несколько издательских домов: два-три академических (учитывая наличие Уральского, Сибирского, Дальневосточного отделений РАН) и несколько вузовских (МГУ, ВШЭ и РАНХиГС уже активно ведут такую деятельность). Такая олигополистическая, крайне централизованная структура обеспечит автоматическую привязку всей продукции данных издательских домов к перечню ВАК и отечественной библиографической базе. «Мусорные» журналы, таким образом, от этой деятельности будут отсечены автоматически, публикации в них не будут учитываться в зачет научной продукции. С большой вероятностью эффективность и РАН, и вузовской науки в интерпретации и механизмах расчетов в модели Гуриева – Ливанова – Северинова резко возрастет. Концентрация издательских домов увеличит список взаимного цитирования, а предложенный А. Хохловым механизм финансирования переводной версии журналов позволит добиться и большего мирового признания.

Самое любопытное, что в таком случае *резко повысится и уровень защиты прав авторов*. Обязательная проверка на наличие в работах некорректных заимствований, административная ответственность редакторов, легкость принудительной ликвидации государственных изданий, допустивших злоупотребления, заменяет здесь длительные и дорогостоящие судебные процедуры. Заодно условия открытого доступа, предусматривающие официальную оплату публикации результатов ФИ и НИОКР, вполне возможно обеспечат таким издательским домам определенную (пусть и небольшую) рентабельность. А если обязательным предварительным условием публикации поставить не менее 50 ссылок на статьи отечественных исследователей, то все показатели эффективности российской науки начнут расти по экспоненте.

Заключительные замечания

Российские проблемы школьного образования не являются чем-то исключительным. Как уже говорилось, впервые их стали активно обсуждать в США. То же можно сказать и об университетском образовании, которое частью молодежи стало рассматриваться не как инвестиционное, а как конечное благо. В этих условиях профессора превращаются в шоуменов, а университетский кампус — в место интересного времяпровождения³¹. Наконец, лозунг «публикуйся или умри» тоже впервые вошел в разговоры исследователей совсем не в России.

³¹ Пример обращения к профессору в Йельском университете и его последствия описывает Т. Николс: «...“Кто (бранное слово) Вас нанял?... Если так Вы понимаете свои обязанности, Вам надо подать в отставку! Вы здесь не для того, чтобы создавать интеллектуальное пространство! Не для того, понимаете! А для того, чтобы каждый из нас чувствовал себя здесь как дома! И Вы этого не делаете!”. Руководство Йеля вместо того, чтобы наказать студентов за нарушение их собственных норм академической риторики, извинилось перед зачинщиками беспорядка... Для всех преподавателей урок был очевиден: кампус элитного университета — это не место для интеллектуальных изысканий. Это роскошный дом, который сдается в аренду на период от четырех до шести месяцев за раз детям элиты, которые могут кричать на преподавателей, словно они выговаривают неуклюжей прислуге в колониальном особняке» [25, с. 161–162].

Как нам представляется, своеобразие российской системы науки и образования совсем не в этом. Проблема, которая вызывает частые апелляции нынешних российских ученых к советскому опыту, заключается в положении науки и образования в системе периферийного капитализма, хорошо проанализированного Р. Пребишем [26]. В этой системе формируется привилегированное меньшинство, заимствующее и имитирующее образцы потребления государств Центра (следуя за И. Валлерстайном, сейчас сказали бы — ядра). Деление науки на столичную — мировую, провинциальную — отечественную и туземную, давно предложенное в провокативной работе М. Соколова и К. Титаева [27], хорошо ложится на российский опыт гражданских ученых. Но то же самое можно сказать и о преподавании, и о вузовской науке.

В условиях периферийного капитализма истинность научного утверждения определяется не содержанием, но уровнем социальной позиции исследователя, прямо коррелирующей с его Хиршем в международных библиометрических базах. Вместе с тем, конечно, это проблема самой периферийной системы науки и образования, *пытающейся имитировать лучшие мировые практики*. Выхваченные по отдельности различные элементы западной системы образования и науки — ЕГЭ, эффективный контракт, Ph.D., звание ординарного профессора в некоторых вузах, библиометрия, Программа «5-100» и многое другое — все это имитация, своеобразный карго-культ постсоветской интеллигенции. Можно критиковать начальство, однако российские власти всего лишь идут навстречу общим запросам элитарных школ и вузов России.

Естественно, что сложившаяся система устраивает далеко не все влиятельные социальные группы. Так, местные власти крайне заинтересованы в снижении доли массовых школ, наличие которых резко увеличивает опасность для жизни и здоровья не только подростков, но и всего населения муниципалитета. Однако, полагаем, что уже сама постановка вопроса об их существовании вызовет протест со стороны органов управления образованием, не говоря уже о том, что даже простой опрос несовершеннолетних без согласия их родителей запрещен.

Аналогично, органы власти субъектов Федерации крайне заинтересованы в наличии у себя сильных научно-образовательных центров. Но учитывая финансовое положение регионов и муниципалитетов, из-за вопросов научно-образовательной политики вступать в опасный конфликт с Центром означает получить сразу же множество политических рисков, а возможный выигрыш здесь — весьма отдаленная перспектива.

При обсуждении вариантов институциональных реформ в России хорошим тоном считается апелляция к теории В.М. Полтеровича, в рамках которой предполагается оценка экономическими акторами изменения в своих доходах от изменения институтов и соответствующих трансакционных издержек, связанных с разработкой нормативных актов и продвижением их через парламент [28]. Такой подход, однако, абстрагируется

от интересов и целей разработчика реформ. В. Зомбарт полагал, что существует особый вид деятельности — политическое предпринимательство, которым занимаются прожектеры [29, с. 53–56]. Исходя из того, что они обладают такой же рациональностью, как и другие предприниматели³², и как максимум стремятся получить доход от реализации своих проектов, а как минимум — увеличить цитируемость своих работ, можно сделать субъективные предположения о свойствах магистрального направления исследований в сфере российского образования и науки. Собственно, они уже достаточно оформились, и наши коллеги представили большое количество интересных и цитируемых статей и монографий, включающих в себя борьбу с «мусорными» журналами, внедрение цифровизации и Интернета в учебные процессы, а также оценку направлений и степени влияния образования на доход, человеческий капитал и производительность в различных видах экономической деятельности.

На основе результатов этих исследований, как мы полагаем, будут разработаны важные и плодотворные проекты институциональных преобразований, которые позволят и дальше повышать эффективность отечественной науки и образования.

Список литературы

1. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать. Наша позиция. М.: Новое издательство, 2007. 356 с.
2. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. М.; Челябинск: Социум, 2022. 408 с.
3. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
4. Бурдые П. Экономическая антропология. Курс лекций в коллеж де Франс (1922–1993). М.: ИД Дело, 2019. 416 с.
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
6. Андреев А.Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2011. № 9 (329). С. 111–120.
7. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
8. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
9. Голанд Ю.М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М.: Экономика, 2006. 631 с.
10. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 616 с.
11. Высшая школа сегодня: цифры и факты. М.: НИИВО, 1990.
12. Кочетов А.Н. Профессиональное образование в 60–80-х годах: путь к инфляции // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 143–158.

³² Зомбарт абстрагировался от наличия субъектов с мессианским сознанием — революционеров.

13. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 379–447.
14. *Russeau D.* Psychological and Implied Contracts in Organisations // *Employee Responsibilities and Rights Journal*. 1989. Vol. 2. N 2. P. 121–139.
15. Ореховский П.А. Инновационная экономика в свете теории неявного контракта // *Общество и экономика*. 2011. № 3. С. 5–35.
16. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
17. Курбатова М.В., Донова И.В. Провалы государства в реализации проекта эффективного контракта // *Журнал институциональных исследований*. 2022. Т. 14. № 4. С. 56–69.
18. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
19. *Stigler G.J.* The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics and Management Science*. 1971. Vol. 2. Iss. 1. P. 3–21.
20. Полтерович В.М. Реформа РАН: экспертный анализ. Новая экономическая ассоциация. URL: http://www.econorus.org/pdf/Polterovich_Reform_RAS.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
21. Варшавский А.Е. Проблемы науки: РАН и вузы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2010. № 8. С. 158–161.
22. Варшавский А.Е., Маркусова В. Потрачено с умом. Результативность научного труда в России выше, чем в Америке // Газета «Поиск». 2009. № 21. 27 мая. С. 14.
23. Орлова Г.А. Форум: Прикладная наукометрия // *Антропологический форум*. 2019. № 40. С. 36–40.
24. Стиглер Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 336 с.
25. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М.: Эксмо, 2019. 368 с.
26. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М.: ИЛА, 1992. 337 с.
27. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. 2013. № 19. С. 239–275.
28. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 447 с.
29. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: ТЕППА – Книжный клуб, 2009. 576 с.

References

1. Fridman M., Fridman R. Svoboda vybirat'. Nasha pozitsiia [Freedom to Choose. Our Position]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 356 p. (In Russ.).
2. Bouz D. Libertarianstvo: istoriia, printsipy, politika [Libertarianism: History, Principles, Politics]. Moscow, Cheliabinsk, Sotsium, 2022, 408 p. (In Russ.).
3. Bekker G. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii [Human Behavior: an Economic Approach. Selected Works on Economic Theory]. Moscow, GU VShE, 2003, 672 p. (In Russ.).
4. Burd'e P. Ekonomicheskaiia antropologiia. Kurs lektsii v kollezh de Frans (1922–1993) [Economic Anthropology. Course of Lectures at the College de France (1922–1993)]. Moscow, ID Delo, 2019, 416 p. (In Russ.).
5. Veber M. “Ob”ektivnost” sotsial’no-nauchnogo i sotsial’no-politicheskogo poznaniia [“Objectivity” of Socio-Scientific and Socio-Political Knowledge], *Veber*

M. Izbrannye proizvedeniia [Weber M. Selected Works]. Moscow, Progress, 1990, pp. 345–415. (In Russ.).

6. Andreev A.L. O modernizatsii obrazovaniia v Rossii. Istoriko-sotsiologicheskii analiz [On the modernization of education in Russia. Historical and sociological analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], 2011, No. 9 (329), pp. 111–120. (In Russ.).

7. Makarenko A.S. Pedagogicheskaiia poema [Pedagogical Poem]. Moscow, Eksmo, 2015, 640 p. (In Russ.).

8. Ivanov A.E. Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaiia sud'ba [Students in Russia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century: the Socio-Historical Fate]. Moscow, ROSSPEN, 1999, 414 p. (In Russ.).

9. Goland Iu.M. Diskussii ob ekonomicheskoi politike v gody denezhnoi reformy 1921–1924 [Discussions about Economic Policy During the Years of Monetary Reform 1921–1924]. Moscow, Ekonomika, 2006, 631 p. (In Russ.).

10. Kuz'minov Ia.I., Iudkevich M.M. Universitety v Rossii: kak eto rabotaet [Universities in Russia: How It Works]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022, 616 p. (In Russ.).

11. Vysshiaia shkola segodnia: tsifry i fakty [Higher School Today: Numbers and Facts]. Moscow, NIIVO, 1990. (In Russ.).

12. Kochetov A.N. Professional'noe obrazovanie v 60–80-kh: godakh put' k inflitsii [Vocational Education in the 60–80s: the Path to Inflation], *Otechestvennaia istoriia* [Domestic History], 1994, No. 4–5, pp. 143–158. (In Russ.).

13. Merton P. Iavnye i latentnye funktsii [Explicit and Latent Functions], *Amerikanskaia sotsiologicheskaiia mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, 1994, pp. 379–447. (In Russ.).

14. Rousseau D. Psychological and Implied Contracts in Organisations, *Employee Responsibilities and Rights Journal*, 1989, Vol. 2, No. 2, pp. 121–139.

15. Orekhovskii P.A. Innovatsionnaia ekonomika v svete teorii neiavnogo kontrakta [Innovative Economics in the Light of the Theory of Implicit Contract], *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2011, No. 3, pp. 5–35. (In Russ.).

16. Olson M. Logika kolektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp [Logic of Collective Actions. Public Goods and Group Theory]. Moscow, Fond ekonomicheskoi initsiativy, 1995, 165 p. (In Russ.).

17. Kurbatova M.V., Donova I.V. Provaly gosudarstva v realizatsii proekta effektivnogo kontrakta [State Failures in Implementing an Effective Contract Project], *Zhurnal institucional'nykh issledovani* [Journal of Institutional Research], 2022, Vol. 14, No. 4, pp. 56–69. (In Russ.).

18. Veblen T. Teoriia prazdnogo klassa [Theory of the Leisure Class]. Moscow, Progress, 1984, 368 p. (In Russ.).

19. Stigler G.J. The Theory of Economic Regulation, *Bell Journal of Economics and Management Science*, 1971, Vol. 2, Iss. 1, pp. 3–21.

20. Polterovich V.M. Reforma RAN: ekspertnyi analiz. Novaia ekonomicheskaiia assotsiatsiia [Reform of the Russian Academy of Sciences: Expert Analysis. New Economic Association]. (In Russ.). Available at: http://www.econorus.org/pdf/Polterovich_Reform_RAS.pdf (accessed 15 January 2023).

21. Varshavskii A.E. Problemy nauki: RAN i vuzy [Problems of Science: RAS and Universities], *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2010, No. 8, pp. 158–161. (In Russ.).

22. Varshavskii A.E., Markusova V. Potracheno s umom. Rezul'tativnost' nauchnogo truda v Rossii vyshe, chem v Amerike [Spent Wisely. The Productivity of Scientific

Work in Russia is Higher Than in America], *Gazeta "Poisk"* [Poisk Newspaper], No. 21, 2009, 27 May, p. 14. (In Russ.).

23. Orlova G.A. Forum: Prikladnaia naukometriia [Forum: Applied Scientometrics], *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2019, No. 40, pp. 36–40. (In Russ.).

24. Stigler Dzh. Grazhdanin i gosudarstvo. Esse o regulirovanii [Citizen and State. Essay on Regulation]. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2017, 336 p. (In Russ.).

25. Nikols T. Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniia [The Death of Expertise: How the Internet is Killing Scientific Knowledge]. Moscow, Eksmo, 2019, 368 p. (In Russ.).

26. Prebish R. Periferiinyi kapitalizm: est' li emu al'ternativa? [Peripheral Capitalism: is There an Alternative to It?]. Moscow, ILA, 1992, 337 p. (In Russ.).

27. Sokolov M., Titaev K. Provintsial'naia i tuzemnaia nauka [Provincial and Native Science], *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2013, No. 19, pp. 239–275. (In Russ.).

28. Polterovich V.M. Elementy teorii reform [Elements of the Theory of Reforms]. Moscow, Ekonomika, 2007, 447 p. (In Russ.).

29. Zombart V. Burzhua. Etiudy po istorii dukhovnogo razvitiia sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka [Bourgeois. Sketches on the History of the Spiritual Development of Modern Economic Man]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub, 2009, 576 p. (In Russ.).

POLITICAL AND ECONOMIC DISCOURSES OF CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION: EDUCATION AND SCIENCE IN RUSSIA

Incidents are increasingly occurring in schools, for which municipalities are being held responsible in Russia. Business makes complaints about the level of training of university graduates, which is a problem of coordinating the activities of the leadership of the constituent entities of the Federation with classical and technical universities. According to the authors, this is a consequence of the functioning of informal institutions that have developed in post-Soviet Russia in the field of education and science. Differences are determined by the different informal institutions that develop in these organizations. Such institutions are identified by insiders – employees and consumers of services (parents of pupils and students, students themselves), distinguishing between types of schools and universities. But their knowledge remains tacit and is not included in public discussion. From the point of view of officials responsible for the functioning of secondary and higher schools, some types of organizations highlighted in the work do not exist. Scientific activity began to be assessed on the basis of bibliometric indicators. But there is an international legal cartel operating in this area, which allows large publishing houses to maximize their income. Russian scientists spent about \$ 10 million in 2020 to pay for the services of the publishing houses. The current system meets the needs of representatives of elite universities and schools, which is common for peripheral capitalism. At the same time, municipalities and Subjects of the Federation are very interested in changing the situation – minimizing the scope of “negative” informal institutions in schools, developing advanced scientific and educational centers in the regions.

Keywords: political-economic discourses, legal cartel, centralization and decentralization, public service, types of schools, types of universities, market for scientific publications.

JEL: I20, I28, Z13

Дата поступления – 24.01.2024 г.

ОРЕХОВСКИЙ Петр Александрович

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник — заведующий сектором философии и методологии экономической науки; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

КАПОГУЗОВ Евгений Алексеевич

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218;

заведующий лабораторией изучения экономик стран БРИКС;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» / Ленинские горы, д. 1, стр. 46, г. Москва, 119991.

e-mail: egenk@mail.ru

OREKHOVSKY Petr A.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of Sector of Philosophy and Methodology of Economy Science;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: orekhovskypa@mail.ru

КАПОГУЗОВ Evgeniy A.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218;

Head of the Laboratory for the Study of the Economies of the BRICS Countries;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University” / 1, Bldg. 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991.

e-mail: egenk@mail.ru

Для цитирования:

Ореховский П.А., Капогузов Е.А. Политико-экономические дискурсы централизации и децентрализации: образование и наука в России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 21–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-21-54>

А.В. ПЕТРИКОВ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ *

Существенный уровень межрегиональных различий препятствует формированию единого экономического пространства страны, включая создание единого агропродовольственного рынка, рациональной специализации регионов, порождает чрезмерные миграционные потоки населения, что отрицательно сказывается на кадровом обеспечении сельского хозяйства и всей сельской экономики. В статье анализируется уровень межрегиональных различий по таким важным показателям качества жизни сельского населения, как совокупный доход члена домохозяйства, уровень безработицы, доля малоимущего населения, удельный вес благоустроенного жилья, ожидаемая продолжительность жизни. Делается вывод о существенных территориальных различиях и росте межрегиональной дифференциации за 2016–2021/22 гг. по большинству из указанных показателей. Обосновываются меры по преодолению территориальных различий, включая более широкое использование в сельской политике нормативного подхода, совершенствование механизмов участия субъектов Российской Федерации в государственных программах сельского развития, государственную поддержку депрессивных сельских регионов.

Ключевые слова: качество жизни сельского населения, совокупный доход члена домохозяйства, уровень безработицы, доля малоимущего населения, межрегиональная дифференциация качества жизни сельского населения, сельская политика, регион.

JEL: Q00, Q01, Q14, Q18

Актуальной задачей социально-экономического развития России является *преодоление различий* в уровне жизни между городом и селом, а также между *сельскими территориями* субъектов Российской Федерации. Безусловно, региональное неравенство в качестве жизни будет существовать всегда, но чрезмерные территориальные различия препятствуют

* Автор благодарит за содействие в подготовке статьи сотрудников Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова Шишкину Екатерину Алексеевну и Сальникова Сергея Георгиевича.

формированию единого экономического пространства страны, эффективному разделению общественного труда и специализации регионов, создает риски для реализации зафиксированного в Конституции Российской Федерации требования о «равенстве прав и свобод человека и гражданина независимо от... места жительства» (ст. 19, п. 2).

Село отстает от города по ряду показателей качества жизни населения, хотя разница между ними постепенно сокращается (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Показатели качества жизни в городе и на селе

Показатели	2016	2021	2022
<i>Совокупный доход члена домохозяйства, тыс. руб. в месяц</i>			
Город	29,7	38,0	—
Село	18,8	24,8	—
Село/город	63,3	65,3	—
<i>Уровень безработицы</i>			
Город	4,8	3,5	—
Село	8,0	5,5	—
Село/город	165,9	157,0	—
<i>Доля малоимущего населения (с денежными доходами ниже прожиточного минимума), %</i>			
Город	8,3	6,0	—
Село	27,0	19,1	—
Село/город	326,9	320,4	—
<i>Доля благоустроенного жилья, %</i>			
Город	78,7	—	82,3
Село	31,5	—	41,07
Село/город	40,0	—	49,9
<i>Ожидаемая продолжительность жизни, лет</i>			
Город	72,35	—	73,09
Село	70,5	—	71,62
Село/город	97,4	—	98,0

Источник: составлено автором по данным Росстата [1–4].

* 2021 г.; ** 2022 г.

Рассмотрим, как варьируют представленные показатели разрезе субъектов Российской Федерации.

В таблице 2 представлена региональная дифференциация совокупного дохода члена сельского домохозяйства в 2021 г. Показатель

варьирует от 53,7 тыс. руб. в Чукотском автономном округе до 15,5 тыс. руб. в Чеченской Республике. В 34 субъектах Российской Федерации (42% из указанных в *таблице 2*) этот показатель *выше среднероссийского* (24,8 тыс. руб.), из них в трех регионах — в 2 раза и выше; соответственно — в 48 субъектах Российской Федерации (59%) — ниже. Среднеквадратическое отклонение показателя составляет 30,3%, что свидетельствует о заметном уровне вариации.

Т а б л и ц а 2

**Совокупный доход члена сельского домохозяйства
по субъектам Российской Федерации, 2021 г., тыс. руб. в месяц**

Интервалы показателя, тыс. руб.	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (совокупный доход члена сельского домохозяйства)
1	2	3
50,0 и более	3	Чукотский автономный округ (53,7), Сахалинская область (53,3), Ульяновская область (51,4)
49,9–40,0	4	Камчатский край (47,2), Мурманская область (46,8), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (42,6), Московская область (40,9)
39,9–30,0	9	Ленинградская область (33,8), Хабаровский край (33,2), Республика Саха (Якутия) (32,9), Белгородская область (32,9), Магаданская область (32,9), Ненецкий автономный округ (32,4), Краснодарский край (31,1), Псковская область (31,0), Амурская область (30,5)
29,9–25,0	18	Республика Татарстан (29,7), Приморский край (28,9), Тульская область (27,4), Архангельская область (26,6), Самарская область (26,6), Липецкая область (26,6), Новгородская область (26,5), Курская область (26,3), Ивановская область (26,2), Республика Коми (26,1), Орловская область (25,9), Красноярский край (25,5), Брянская область (25,5), Вологодская область (25,4), Калужская область (25,3), Тамбовская область (25,3), Свердловская область (25,1), Республика Башкортостан (25,0)
24,9–20,0	38	Российская Федерация (24,8), Тверская область (24,7), Тюменская область (24,7), Республика Карелия (24,5), Томская область (24,5), Пензенская область (24,2), Республика Адыгея (24,0), Республика Калмыкия (23,9), Калининградская область (23,9), Смоленская область (23,9), Владимирская область (23,9), Ростовская область (23,8), Кемеровская область (23,4), Чувашская Республика (23,2), Омская область (23,0), Кировская область (23,0), Еврейская автономная область (23,0), Забайкальский край (22,9), Республика Крым (22,8), Нижегородская область (22,8), Новосибирская область (22,6), Воронежская область (22,6), Челябинская область (22,4), Волгоградская область (22,4), Удмуртская Республика (22,1), Костромская область (22,1), Курганская область (22,0), Республика Хакасия (22,0), Оренбургская область (21,9), Иркутская область (21,8), Ярославская область (21,6), Рязанская область (21,5), Ямало-Ненецкий автономный округ (21,5), Астраханская область (21,4), Республика Марий Эл (21,1), Пермский край (20,8), Республика Мордовия (20,3), Алтайский край (20,2), Республика Бурятия (20,0)

Источник: составлено автором по данным Росстата [1].

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3
19,9–15,0	10	Саратовская область (19,8), Ставропольский край (19,2), Карачаево-Черкесская Республика (19,2), Республика Алтай (19,0), Республика Ингушетия (18,5), Республика Дагестан (17,6), Республика Северная Осетия-Алания (17,4), Республика Тыва (16,8), Кабардино-Балкарская Республика (16,7), Чеченская Республика (15,5)

Таблица 3 дает представление о том, насколько совокупный доход члена домохозяйства на селе *отличается от аналогичного показателя в городе* в разрезе субъектов Российской Федерации.

Диапазон изменения рассматриваемого показателя от 117,5% в Республике Калмыкия до 47,3% в Мурманской области (разница – почти в 2,5 раза). В пяти регионах (Республика Калмыкия, Псковская область, Республика Ингушетия, Белгородская и Мурманская области) это соотношение более 100%, т.е. совокупный доход члена сельского домохозяйства больше, чем городского; в остальных, наоборот, меньше. В 73 субъектах Российской Федерации (89% от их числа в таблице) рассматриваемый показатель выше среднероссийского значения (65,3%), в 9 регионах (11%), соответственно, ниже.

Т а б л и ц а 3

Отношение совокупного дохода члена сельского и городского домохозяйства по субъектам Российской Федерации, 2021 г., %

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
1	2	3
100,0 и более	5	Республика Калмыкия (117,5), Псковская область (117,4), Республика Ингушетия (108,6), Белгородская область (108,0), Мурманская область (100,6)
99,9–90,0	11	Ивановская область (98,4), Сахалинская область (96,0), Чувашская Республика (95,5), Пензенская область (93,9), Краснодарский край (92,9), Курская область (92,9), Новгородская область (92,1), Республика Адыгея (92,0), Брянская область (91,6), Тамбовская область (91,3), Орловская область (90,3)
89,9–80,0	21	Московская область (88,9), Самарская область (88,6), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (88,4), Ленинградская область (88,3), Тульская область (86,5), Чеченская Республика (86,1), Республика Марий Эл (85,9), Республика Крым (85,8), Республика Татарстан (84,8), Кировская область (84,8), Курганская область (84,8), Оренбургская область (83,6), Кемеровская область (83,3), Карачаево-Черкесская Республика (83,3), Камчатский край (82,1), Липецкая область (81,8), Саратовская область (81,7), Смоленская область (80,7), Республика Хакасия (80,7), Волгоградская область (80,1), Амурская область (80,1)

Источник: составлено автором по данным Росстата [1].

О к о н ч а н и е т а б л . 3

1	2	3
79,9–70,0	24	Ямало-Ненецкий автономный округ (79,8), Тверская область (79,4), Владимирская область (79,2), Омская область (78,8), Костромская область (78,1), Удмуртская Республика (77,9), Республика Мордовия (77,3), Вологодская область (76,7), Астраханская область (76,7), Республика Северная Осетия-Алания (76,0), Республика Башкортостан (75,6), Тюменская область (74,9), Алтайский край (74,8), Приморский край (74,0), Хабаровский край (74,0), Калининградская область (73,8), Республика Дагестан (73,7), Челябинская область (73,6), Ростовская область (73,4), Рязанская область (72,1), Калужская область (72,0), Забайкальский край (71,4), Ставропольский край (71,3), Томская область (70,6)
69,9–60,0	18	Свердловская область (69,9), Чукотский автономный округ (69,2), Республика Тыва (69,0), Ярославская область (68,5), Иркутская область (68,1), Республика Алтай (67,8), Республика Карелия (67,7), Архангельская область (67,6), Воронежская область (67,4), Красноярский край (66,9), Республика Бурятия (66,7), Ульяновская область (66,0), <i>Российская Федерация</i> (65,3), Кабардино-Балкарская Республика (65,3), Республика Коми (65,2), Еврейская автономная область (65,0), Нижегородская область (64,8), Новосибирская область (63,8), Пермский край (60,5)
59,9–50,0	2	Ненецкий автономный округ (57,8), Республика Саха (Якутия) (57,5)
49,9–40,0	1	Магаданская область (47,3)

Таблица 4 характеризует региональную дифференциацию уровня *сельской безработицы*. Он варьирует от 34% в Ингушетии до 1,7% в Татарстане и 1,6% в Чукотском автономном округе (разница – более 20 раз). Среднеквадратическое отклонение составляет 72,49%, что свидетельствует о высокой дифференциации показателя. В 34 регионах (40,5% от их числа в таблице) он выше, чем в среднем по Российской Федерации (5,5%), в 50 регионах, (59,5%), соответственно, ниже.

Как свидетельствуют данные *таблицы 5*, в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации уровень *сельской безработицы выше, чем городской*. Только в 18 регионах (21,4%) положение с безработицей на селе лучше, чем в городе. В среднем по Российской Федерации отношение уровня безработицы сельского населения к уровню безработицы городского населения составляет 157%. В 23 регионах (27,4%) этот показатель выше среднероссийского, соответственно, в остальных 61 (72,6%) – ниже.

Т а б л и ц а 4

**Уровень безработицы сельского населения
по субъектам Российской Федерации, 2022 г., %**

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
20,0 и более	1	Республика Ингушетия (34,5)
19,9–10	12	Забайкальский край (14,0), Ненецкий автономный округ (13,4), Республика Дагестан (12,7), Республика Алтай (12,3), Республика Тыва (12,0), Еврейская автономная область (11,9), Чеченская Республика (11,2), Республика Северная Осетия-Алания (10,9), Карачаево-Черкесская Республика (10,8), Республика Бурятия (10,3), Республика Коми (10,2), Кабардино-Балкарская Республика (10,1)
9,9–5,0	25	Астраханская область (9,0), Республика Саха (Якутия) (8,6), Магаданская область (8,5), Новосибирская область (8,3), Иркутская область (7,9), Республика Калмыкия (7,8), Республика Адыгея (7,7), Республика Карелия (7,4), Волгоградская область (7,1), Пермский край (6,7), Курганская область (6,7), Приморский край (6,4), Сахалинская область (6,4), Архангельская область (6,4), Омская область (6,2), Ярославская область (6,2), Архангельская область без автономного округа (5,9), Ивановская область (5,9), Томская область (5,8), Свердловская область (5,8), Республика Крым (5,5), <i>Российская Федерация</i> (5,5), Мурманская область (5,5), Вологодская область (5,2), Ульяновская область (5,1), Республика Башкортостан (5,0)
4,9–3,0	36	Воронежская область (4,9), Алтайский край (4,8), Тверская область (4,8), Тульская область (4,8), Тюменская область без автономных округов (4,7), Чувашская Республика (4,6), Тамбовская область (4,6), Амурская область (4,6), Ставропольский край (4,4), Кировская область (4,3), Псковская область (4,3), Республика Марий Эл (4,3), Белгородская область (4,1), Тюменская область (4,0), Кемеровская область (4,0), Пензенская область (3,9), Ростовская область (3,9), Смоленская область (3,8), Костромская область (3,8), Саратовская область (3,7), Новгородская область (3,7), Курская область (3,7), Красноярский край (3,7), Калужская область (3,6), Нижегородская область (3,5), Орловская область (3,5), Республика Мордовия (3,4), Республика Хакасия (3,3), Брянская область (3,3), Удмуртская Республика (3,3), Краснодарский край (3,2), Ленинградская область (3,2), Челябинская область (3,2), Владимирская область (3,1), Оренбургская область (3,1), Липецкая область (3,0)
2,9–0,0	10	Хабаровский край (2,9), Камчатский край (2,9), Рязанская область (2,8), Калининградская область (2,8), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (2,8), Самарская область (2,8), Ямало-Ненецкий автономный округ (2,6), Московская область (2,1), Республика Татарстан (1,7), Чукотский автономный округ (1,6)

Источник: составлено автором по данным Росстата [2].

Т а б л и ц а 5

**Отношение уровня безработицы сельского населения
к уровню безработицы городского населения по субъектам
Российской Федерации, 2022 г., %**

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
300 и более	1	Еврейская автономная область (458,9)
299,9–200	9	Волгоградская область (278,0), Пермский край (267,5), Республика Алтай (257,1), Приморский край (241,0), Ненецкий автономный округ (238,0), Ивановская область (230,3), Магаданская область (217,1), Новосибирская область (213,5), Забайкальский край (207,8)
199,9–150	14	Республика Башкортостан (195,8), Свердловская область (185,2), Тамбовская область (185,1), Вологодская область (183,1), Чувашская Республика (181,9), Республика Бурятия (181,6), Иркутская область (181,5), Республика Коми (173,7), Ямало-Ненецкий автономный округ (168,9), Сахалинская область (168,3), Воронежская область (166,9), Тюменская область (166,3), Алтайский край (160,2), <i>Российская Федерация</i> (157,0), Республика Саха (Якутия) (153,8)
149,9–120	18	Тульская область (149,3), Республика Тыва (148,3), Красноярский край (147,4), Астраханская область (145,3), Республика Ингушетия (143,8), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (143,0), Курская область (137,1), Тверская область (137,0), Республика Карелия (133,6), Ярославская область (131,1), Ульяновская область (130,9), Республика Марий Эл (129,0), Тюменская область без автономных округов (128,5), Новгородская область (127,3), Карачаево-Черкесская Республика (125,1), Владимирская область (124,6), Омская область (123,1), Республика Крым (122,8)
119,9–100	24	Кировская область (118,9), Удмуртская Республика (117,4), Томская область (117,4), Костромская область (117,2), Республика Адыгея (117,0), Мурманская область (116,1), Архангельская область (116,0), Белгородская область (115,6), Хабаровский край (115,2), Смоленская область (115,1), Ростовская область (114,3), Амурская область (113,5), Саратовская область (112,0), Республика Дагестан (111,2), Псковская область (108,1), Архангельская область без автономного округа (107,9), Пензенская область (106,4), Курганская область (105,5), Чеченская Республика (104,2), Кабардино-Балкарская Республика (103,4), Брянская область (102,9), Самарская область (102,4), Челябинская область (101,7), Ставропольский край (101,1)
99,9–80	14	Камчатский край (99,4), Республика Хакасия (99,4), Рязанская область (97,5), Ленинградская область (95,7), Кемеровская область (95,3), Республика Мордовия (94,0), Республика Калмыкия (92,3), Калужская область (89,1), Калининградская область (88,8), Республика Северная Осетия-Алания (87,5), Краснодарский край (85,1), Нижегородская область (83,0), Орловская область (82,6), Оренбургская область (81,6)
79,9 и менее	4	Чукотский автономный округ (75,5), Липецкая область (74,8), Республика Татарстан (70,1), Московская область (62,5)

Источник: составлено автором по данным Росстата [2].

В *таблице 6* представлена группировка субъектов Российской Федерации *по доле малоимущего сельского населения* (с денежными доходами ниже прожиточного минимума) за 2021 г. Показатель варьирует от 52,5% в Ненецком автономном округе до 0,9% в Республике Мордовия. Среднее квадратичное отклонение составляет 52,53%, что говорит о довольно существенной степени межрегиональных различий. По Российской Федерации в целом показатель довольно высок — 19,1%. Вместе с тем в 36 регионах (44% от их числа в *таблице 6*) его величина превосходит среднероссийский уровень; в 46 регионах (56%) уступает ему.

Т а б л и ц а 6

*Доля малоимущего сельского населения
(с денежными доходами ниже прожиточного минимума)
по субъектам Российской Федерации, 2021 г., %*

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
1	2	3
40 и более	3	Ненецкий автономный округ (52,5), Республика Тыва (42,0), Чеченская Республика (41,7)
39,9–30	8	Кабардино-Балкарская Республика (39,7), Республика Дагестан (38,9), Забайкальский край (38,4), Республика Бурятия (35,1), Еврейская автономная область (34,6), Республика Алтай (34,0), Иркутская область (32,5), Республика Хакасия (30,3)
29,9–20	21	Республика Саха (Якутия) (29,2), Омская область (26,4), Республика Коми (26,2), Алтайский край (25,9), Камчатский край (25,8), Саратовская область (25,7), Карачаево-Черкесская Республика (25,3), Пермский край (25,1), Красноярский край (24,9), Магаданская область (24,8), Новосибирская область (24,6), Челябинская область (24,2), Волгоградская область (24,0), Оренбургская область (23,8), Рязанская область (23,6), Астраханская область (22,2), Калининградская область (21,1), Республика Карелия (20,8), Приморский край (20,7), Ставропольский край (20,4), Республика Марий Эл (20,3)
19,9–10	38	Тюменская область (19,8), Амурская область (19,7), Костромская область (19,6), Республика Северная Осетия-Алания (19,6), <i>Российская Федерация</i> (19,1), Республика Ингушетия (18,9), Краснодарский край (18,2), Свердловская область (17,6), Кемеровская область (17,5), Хабаровский край (17,4), Орловская область (17,3), Новгородская область (17,3), Республика Адыгея (17,2), Калужская область (16,2), Нижегородская область (16,1), Республика Башкортостан (15,9), Курская область (15,7), Ростовская область (15,6), Удмуртская Республика (15,6), Архангельская область (15,4), Тамбовская область (15,3), Пензенская область (15,2), Ярославская область (14,5), Томская область (14,4), Псковская область (14,0), Республика Калмыкия (13,8), Самарская область (13,6), Тверская область (13,6), Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (13,5),

Источник: составлено автором по данным Росстата [1].

О к о н ч а н и е т а б л . 6

1	2	3
		Вологодская область (13,5), Ямало-Ненецкий автономный округ(13,1), Владимирская область (13,0), Кировская область (12,8), Смоленская область (12,5), Курганская область (12,4), Сахалинская область (12,1), Республика Крым (12,0), Липецкая область (11,9), Брянская область (11,6)
9,9 и менее	12	Ульяновская область (9,1), Воронежская область (8,5), Ивановская область (7,8), Белгородская область (6,5), Чувашская Республика (5,9), Мурманская область (5,5), Тульская область (5,4), Чукотский автономный округ (3,6), Республика Татарстан (3,3), Московская область (2,8), Ленинградская область (1,6), Республика Мордовия (0,9)

Из данных *таблицы 7* следует, что почти во всех субъектах Российской Федерации (кроме трех – Республики Ингушетии, Мурманской области, Республики Мордовии) *удельный вес малоимущих на селе выше, чем в городе*. В целом по Российской Федерации соотношение доли малоимущего населения (с денежными доходами ниже прожиточного минимума) на селе и в городе составляет 320,4% и изменяется от 735,9% в Хабаровском крае до 43,4% в Республике Мордовия. В 28 регионах (34,1% от их числа в таблице) значение показателя выше среднероссийского, соответственно в 54 регионах (65,9%) – ниже.

Т а б л и ц а 7

Соотношение доли малоимущего населения (с денежными доходами ниже прожиточного минимума) на селе и в городе по субъектам Российской Федерации, 2021 г., %

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
1	2	3
500 и более	5	Хабаровский край (735,9), Республика Башкортостан (689,1), Владимирская область (668,7), Калужская область (584,9), Ставропольский край (561,4)
499,9–400	10	Волгоградская область (488,1), Томская область (483,2), Магаданская область (466,5), Челябинская область (458,9), Пермский край (435,2), Астраханская область (434,1), Рязанская область (414,5), Воронежская область (410,3), Ненецкий автономный округ (407,2), Забайкальский край (402,2)
399,9–300	17	Архангельская область (386,5), Республика Коми (386,0), Иркутская область (370,6), Костромская область (354,6), Омская область (354,3), Удмуртская Республика (349,2), Республика Бурятия (348,5), Республика Марий Эл (347,0), Красноярский край (340,0), Новосибирская область (339,0), Самарская область (336,9), Нижегородская область (335,7), Ульяновская область (324,9),

Источник: составлено автором по данным Росстата [1].

О к о н ч а н и е т а б л . 7

1	2	3
		Российская Федерация (320,4), Республика Крым (316,2), Камчатский край (310,6), Саратовская область (305,3), Ростовская область (303,5)
299,9–200	29	Республика Саха (Якутия) (299,3), Новгородская область (296,3), Республика Адыгея (286,9), Калининградская область (285,6), Чукотский автономный округ (284,0), Еврейская автономная область (283,6), Свердловская область (272,3), Липецкая область (269,3), Оренбургская область (268,3), Республика Алтай (265,5), Приморский край (261,7), Пензенская область (254,3), Алтайский край (240,4), Республика Карелия (239,6), Ивановская область (236,1), Курская область (230,7), Белгородская область (225,9), Тюменская область (220,9), Республика Тыва (217,5), Ярославская область (215,3), Тверская область (214,9), Республика Хакасия (214,7), Амурская область (213,3), Орловская область (212,4), Кемеровская область (212,3), Вологодская область (208,8), Чувашская Республика (207,9), Сахалинская область (207,7), Курганская область (204,8)
199,9–100	18	Краснодарский край (199,3), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (184,5), Карачаево-Черкесская Республика (180,1), Брянская область (178,8), Ямало-Ненецкий автономный округ (178,1), Республика Татарстан (158,3), Псковская область (148,2), Чеченская Республика (143,3), Республика Дагестан (137,3), Смоленская область (133,6), Кабардино-Балкарская Республика (131,6), Тамбовская область (127,2), Тульская область (126,3), Республика Калмыкия (107,1), Московская область (105,4), Ленинградская область (105,2), Республика Северная Осетия-Алания (102,8), Кировская область (100,4)
99,9 и менее	3	Республика Ингушетия (73,7), Мурманская область (71,2), Республика Мордовия (43,4)

Таблицы 8, 9 характеризуют дифференциацию субъектов Российской Федерации по доле благоустроенного жилья на селе в 2022 г. (доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда). Рассматриваемый показатель отличается очень широким диапазоном изменения (таблица 8): его максимальное значение наблюдается в Республике Северная Осетия-Алания (93,8%), минимальное – в Забайкальском крае (2,5%). Среднее квадратичное отклонение равно 60,31%, что свидетельствует о высоком уровне дифференциации. По Российской Федерации в целом доля благоустроенного жилья на селе составляет 41,1%. В 26 регионах (почти 31% от их числа в таблице) она выше среднероссийского уровня, в 58 регионах (69%) ниже.

Т а б л и ц а 8

**Доля благоустроенного жилья на селе
по субъектам Российской Федерации, 2022 г., %**

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
80 и более	2	Республика Северная Осетия-Алания (93,8), Республика Ингушетия (80,1)
79,9–70	7	Калининградская область (79,2), Ставропольский край (78,0), Липецкая область (77,4), Мурманская область (76,2), Кабардино-Балкарская Республика (74,2), Республика Татарстан (74,0), Республика Адыгея (71,2)
69,9–60	5	Самарская область (68,0), Московская область (67,7), Белгородская область (67,1), Чеченская Республика (64,2), Тамбовская область (63,9)
59,9–50	9	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (58,7), Республика Крым (58,5), Воронежская область (56,3), Краснодарский край (56,1), Ямало-Ненецкий автономный округ (55,3), Оренбургская область (54,1), Пензенская область (53,3), Республика Мордовия (51,4), Сахалинская область (50,8)
49,9–40	13	Орловская область (49,3), Брянская область (48,2), Республика Башкортостан (47,6), Курская область (47,3), Тюменская область (46,9), Ростовская область (45,8), Рязанская область (45,6), Тюменская область без автономных округов (43,6), Ленинградская область (43,4), Магаданская область (42,7), Астраханская область (41,5), Нижегородская область (41,1), <i>Российская Федерация</i> (41,1), Волгоградская область (40,0)
39,9–30	10	Ульяновская область (39,7), Камчатский край (38,4), Ивановская область (37,3), Карачаево-Черкесская Республика (36,8), Республика Марий Эл (35,5), Калужская область (34,7), Республика Алтай (33,2), Хабаровский край (32,6), Тульская область (32,1), Ярославская область (30,6)
29,9–20	17	Чувашская Республика (29,3), Челябинская область (28,8), Чукотский автономный округ (28,4), Свердловская область (28,0), Республика Хакасия (27,8), Томская область (27,6), Республика Калмыкия (24,4), Удмуртская Республика (24,4), Омская область (23,2), Алтайский край (22,5), Саратовская область (22,1), Пермский край (21,8), Владимирская область (21,7), Костромская область (21,6), Смоленская область (21,1), Новосибирская область (21,0), Республика Дагестан (20,5)
19,9–10	10	Тверская область (19,6), Амурская область (19,0), Кировская область (18,7), Курганская область (17,6), Красноярский край (17,5), Псковская область (17,4), Вологодская область (16,8), Кемеровская область (12,4), Приморский край (11,6), Иркутская область (10,7)
9,9 и менее	11	Новгородская область (9,4), Республика Бурятия (8,8), Архангельская область без автономного округа (6,8), Архангельская область (6,7), Республика Коми (6,7), Республика Саха (Якутия) (6,2), Республика Карелия (6,2), Еврейская автономная область (5,8), Ненецкий автономный округ (3,9), Республика Тыва (3,2), Забайкальский край (2,5)

Источник: составлено автором по данным Росстата [3].

Как показывает *таблица 9*, во всех субъектах Российской Федерации *сельский жилищный фонд по уровню благоустройства уступает городскому*, хотя в Липецкой области и Республике Северная Осетия-Алания разница между ними невелика. Более 80% отношение доли благоустроенного жилья на селе и в городе составляет в Калининградской, Мурманской и Московской областях, Ставропольском крае, Республике Ингушетии. В целом по Российской Федерации это отношение равно 49,9%; в 36 регионах (44% от числа сопоставляемых регионов) оно выше, в 46 регионах – ниже.

Т а б л и ц а 9

**Отношение доли благоустроенного жилья на селе и в городе
по субъектам Российской Федерации в 2022 г., %**

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
1	2	3
90 и более	2	Липецкая область (94,6), Республика Северная Осетия-Алания (94,4)
89,9–80	7	Калининградская область (85,9), Ставропольский край (84,0), Мурманская область (83,1), Республика Ингушетия (83,0), Московская область (81,5), Кабардино-Балкарская Республика (80,0), Республика Адыгея (Адыгея) (80,0)
79,9–70	8	Краснодарский край (78,3), Тамбовская область (78,1), Республика Крым (77,8), Республика Татарстан (Татарстан) (77,2), Сахалинская область (76,6), Белгородская область (75,0), Самарская область (73,9), Магаданская область (71,8)
69,9–60	9	Пензенская область (69,4), Чеченская Республика (68,4), Ханты-Мансийский АО – Югра (66,2), Карачаево-Черкесская Республика (63,3), Республика Мордовия (63,3), Республика Алтай (61,8), Воронежская область (61,5), Орловская область (61,3), Оренбургская область (61,1)
59,9–50	10	Рязанская область (59,0), Брянская область (58,9), Ямало-Ненецкий автономный округ (56,7), Ленинградская область (55,6), Тюменская область (без АО) (54,0), Астраханская область (53,7), Ростовская область (53,3), Республика Башкортостан (52,7), Курская область (52,0), Ивановская область (51,3)
49,9–40	6	Российская Федерация (49,9), Нижегородская область (49,5), Ульяновская область (48,7), Камчатский край (48,6), Волгоградская область (47,0), Калужская область (45,7), Республика Марий Эл (42,5)
39,9–30	14	Хабаровский край (39,0), Тульская область (38,8), Томская область (35,7), Ярославская область (35,5), Республика Калмыкия (35,4), Челябинская область (34,9), Республика Хакасия (34,2), Свердловская область (33,6), Чукотский автономный округ (33,5), Чувашская Республика – Чувашия (32,8), Саратовская область (32,3), Костромская область (32,3), Удмуртская Республика (32,0), Омская область (30,4)

Источник: составлено автором по данным Росстата [3].

О к о н ч а н и е т а б л . 9

1	2	3
29,9–20	14	Алтайский край (29,5), Кировская область (29,4), Тверская область (28,7), Владимирская область (28,5), Псковская область (28,3), Смоленская область (27,2), Новосибирская область (26,4), Курганская область (26,3), Пермский край (26,1), Амурская область (25,9), Республика Дагестан (25,2), Красноярский край (21,7), Кемеровская область – Кузбасс (21,4), Вологодская область (21,2)
19,9–10	5	Приморский край (17,2), Новгородская область (14,0), Иркутская область (14,0), Республика Бурятия (13,2), Забайкальский край (10,2)
9,9 и менее	7	Архангельская область (без АО) (9,1), Республика Карелия (9,1), Еврейская автономная область (8,8), Республика Коми (8,3), Республика Тыва (6,0), Ненецкий автономный округ (4,8), Республика Саха (Якутия) (3,7)

В *таблице 10* представлено региональное распределение показателя «*ожидаемая продолжительность жизни при рождении*» в *сельской местности*. Максимальная продолжительность жизни отмечена в Чеченской Республике (80,2 года), минимальная – в Чукотском автономном округе (59,15 года) при средней в целом по Российской Федерации в 71,62 года. Среднее квадратичное отклонение показателя – 5,12%, что говорит о слабой вариации показателя. В 29 регионах (35,4% от их числа в *таблице 10*) ожидаемая продолжительность жизни сельского населения выше, чем в целом по России, в 53 регионах (64,6%) – ниже.

Т а б л и ц а 1 0

**Ожидаемая продолжительность жизни сельского населения
по субъектам Российской Федерации, 2022 г., лет**

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
1	2	3
80 и более	1	Чеченская Республика (80,20)
79,99–75	7	Республика Ингушетия (78,52), Республика Дагестан (77,80), Московская область (77,48), Республика Северная Осетия-Алания (75,56), Ленинградская область (75,45), Карачаево-Черкесская Республика (75,37), Кабардино-Балкарская Республика (75,09)

Источник: составлено автором по данным Росстата [4].

О к о н ч а н и е т а б л . 1 0

1	2	3
74,99–70	37	Республика Татарстан (Татарстан) (74,03), Калужская область (73,76), Тульская область (73,63), Республика Калмыкия (73,49), Белгородская область (73,41), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (73,39), Ставропольский край (73,15), Краснодарский край (73,09), Республика Крым (73,00), Рязанская область (72,84), Калининградская область (72,42), Республика Адыгея (Адыгея) (72,39), Астраханская область (72,38), Тамбовская область (72,31), Липецкая область (72,20), Республика Мордовия (72,18), Ярославская область (72,12), Ростовская область (71,97), Волгоградская область (71,96), Мурманская область (71,79), Самарская область (71,73), <i>Российская Федерация</i> (71,62), Воронежская область (71,60), Пензенская область (71,59), Владимирская область (71,47), Саратовская область (71,47), Республика Башкортостан (71,20), Тюменская область (без АО) (71,12), Республика Саха (Якутия) (70,80), Чувашская Республика – Чувашия (70,71), Брянская область (70,65), Удмуртская Республика (70,62), Нижегородская область (70,59), Вологодская область (70,52), Ивановская область (70,49), Ульяновская область (70,18), Оренбургская область (70,15), Челябинская область (70,03)
69,99–65	31	Курская область (69,87), Тверская область (69,72), Новгородская область (69,69), Омская область (69,27), Республика Хакасия (69,23), Томская область (69,14), Орловская область (68,96), Пермский край (68,92), Новосибирская область (68,83), Ямало-Ненецкий автономный округ (68,77), Республика Марий Эл (68,76), Свердловская область (68,68), Сахалинская область (68,47), Смоленская область (68,41), Иркутская область (68,27), Псковская область (68,23), Архангельская область без автономного округа (68,15), Кемеровская область – Кузбасс (68,14), Алтайский край (68,04), Курганская область (68,03), Кировская область (67,89), Хабаровский край (67,36), Республика Алтай (67,17), Костромская область (67,12), Республика Бурятия (66,94), Приморский край (66,71), Красноярский край (66,42), Амурская область (66,34), Камчатский край (66,20), Республика Коми (65,99), Еврейская автономная область (65,17)
64,99 и менее	6	Забайкальский край (64,80), Республика Карелия (64,74), Республика Тыва (64,67), Ненецкий автономный округ (64,00), Магаданская область (61,91), Чукотский автономный округ (59,15)

Из *таблицы 11* следует, что в 18 субъектах Российской Федерации (22% от числа регионов, представленных в *таблице 11*) ожидаемая продолжительность жизни при рождении на селе превосходит городской уровень. В 35 регионах (42,7%) отношение ожидаемой продолжительности жизни сельского и городского населения выше среднероссийского отношения (98%), в остальных 47 регионах (57,3%) – ниже.

Т а б л и ц а 11

**Соотношение ожидаемой продолжительности жизни сельского
и городского населения по субъектам Российской Федерации, %**

Интервалы показателя, %	Число субъектов Федерации	Субъекты Федерации (значение показателя, %)
105 и более	2	Чеченская Республика (116,8), Московская область (106,4)
104,9–100	17	Ленинградская область (104,2), Тульская область (103,3), Республика Крым (102,8), Мурманская область (102,5), Калужская область (102,3), Республика Северная Осетия-Алания (101,7), Рязанская область (101,4), Владимирская область (101,3), Астраханская область (101,2), Ярославская область (101,0), Белгородская область (100,9), Тамбовская область (100,7), Республика Ингушетия (100,5), Краснодарский край (100,4), Липецкая область (100,2), Карачаево-Черкесская Республика (100,2), Республика Калмыкия (100,0)
99,9–95	46	Ростовская область (99,9), Ивановская область (99,9), Тверская область (99,6), Самарская область (99,3), Пензенская область (99,1), Республика Дагестан (99,1), Кабардино-Балкарская Республика (99,0), Брянская область (98,9), Калининградская область (98,8), Новгородская область (98,6), Псковская область (98,6), Республика Татарстан (98,5), Нижегородская область (98,5), Воронежская область (98,4), Иркутская область (98,1), Вологодская область (98,1), Российская Федерация (98,0), Республика Мордовия (98,0), Ульяновская область (97,9), Волгоградская область (97,8), Оренбургская область (97,7), Кемеровская область – Кузбасс (97,6), Саратовская область (97,5), Ставропольский край (97,5), Республика Хакасия (97,2), Ханты-Мансийский АО – Югра (97,1), Удмуртская Республика (97,0), Сахалинская область (96,7), Республика Адыгея (Адыгея) (96,7), Курская область (96,6), Челябинская область (96,5), Пермский край (96,4), Орловская область (96,3), Смоленская область (96,3), Республика Саха (Якутия) (96,3), Курганская область (96,2), Чувашская Республика – Чувашия (96,2), Республика Башкортостан (96,2), Амурская область (96,1), Омская область (95,9), Свердловская область (95,8), Хабаровский край (95,6), Алтайский край (95,6), Новосибирская область (95,4), Камчатский край (95,3), Архангельская область без автономного округа (95,1), Еврейская автономная область (95,0)
94,9–90	15	Тюменская область без автономного округа (94,9), Костромская область (94,7), Приморский край (94,5), Республика Алтай (94,4), Республика Бурятия (94,2), Кировская область (94,1), Томская область (93,9), Забайкальский край (93,9), Республика Марий Эл (93,7), Республика Тыва (93,6), Республика Коми (92,9), Красноярский край (92,7), Республика Карелия (92,4), Ямало-Ненецкий автономный округ (90,5), Магаданская область (90,1)
89,9 и менее	2	Ненецкий автономный округ (87,0), Чукотский автономный округ (84,4)

Источник: составлено автором по данным Росстата [4].

Анализируя данные *таблиц 2–11* в целом, следует сделать два вывода.

Первый. По большинству из проанализированных показателей качества жизни сельского населения (по трем из пяти: уровень безработицы, доля малоимущего населения, степень благоустройства жилищного фонда) наблюдается довольно высокий уровень региональной дифференциации, по совокупному доходу члена домохозяйства — средний, и только по ожидаемой продолжительности жизни при рождении — слабый.

Второй. В большинстве субъектов Российской Федерации значения рассмотренных показателей на селе меньше (хуже), чем в городе. Совокупный доход члена городского домохозяйства больше, чем сельского, в 77 регионах (почти 94% от их числа), уровень безработицы на селе выше, чем в городе в 66 регионах (78,6%), доля бедного населения в сельской местности выше, чем в городской в 79 регионах (96,3%), удельный вес благоустроенного жилищного фонда на селе уступает соответствующему показателю в городах во всех регионах. И только по ожидаемой продолжительности жизни соотношение между городом и селом более благоприятное: в 18 регионах (22%) этот показатель на селе выше, чем в городе.

Новые краски в картину региональной дифференциации показателей качества жизни как сельского, так и городского населения вносят данные *таблицы 12*. Из нее прежде всего следует, что *масштабы территориальных различий*, измеренные по среднеквадратическому отклонению, на селе и в городе по трем показателям сопоставимы (совокупный доход члена домохозяйства, уровень безработицы, ожидаемая продолжительность жизни); по двум — существенно различаются (доля благоустроенного жилья и удельный вес малоимущего населения). По двум показателям (совокупный доход члена домохозяйства, доля малоимущего населения) уровень региональной дифференциации выше в городе; по трем (уровень безработицы, доля благоустроенного жилья и ожидаемая продолжительность предстоящей жизни) — выше на селе.

На селе за период 2016–2022 гг. увеличились территориальные различия по двум показателям (уровень безработицы — на 15,9 п.п, доля малоимущего населения — на 14,7 п.п.). По совокупному доходу члена домохозяйства уровень региональной вариации почти не изменился (рост 0,36 п.п.). По доле благоустроенного жилья и ожидаемой продолжительности предстоящей жизни различия между регионами уменьшились. Примечательно, что в городе динамика показателей региональной дифференциации имела такую же направленность, что и на селе.

Проведенный анализ убеждает в актуальности задачи, сформулированной в начале статьи: с одной стороны, преодолеть различия в качестве жизни между городом и селом, с другой — уменьшить степень межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития села. При этом важно отметить, что если первая задача находит отражение в целом ряде документов стратегического планирования за счет

целевых установок по комплексному развитию сельских территорий¹, то вторая — в явном виде нигде не поставлена. Ее предполагается решать посредством общей политики по сокращению межрегиональной дифференциации в уровне социально-экономического развития, что, по нашему мнению, недостаточно.

Т а б л и ц а 1 2

Динамика среднеквадратического отклонения показателей качества жизни в городе и на селе за 2016–2022 гг.

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Совокупный доход члена домохозяйства</i>							
Город	32,0	33,8	33,9	34,5	35,4	35,0	—
Село	29,98	34,58	31,53	31,38	32,52	30,34	—
<i>Уровень безработицы</i>							
Город	52,8	56,2	58,6	56,0	56,0	63,7	68,1
Село	50,75	47,67	49,86	57,28	60,52	66,33	72,49
<i>Доля малоимущего населения</i>							
Город	65,5	71,0	63,8	69,4	78,3	75,8	—
Село	37,58	51,65	47,86	49,79	58,40	52,53	—
<i>Доля благоустроенного жилья</i>							
Город	17,3	16,2	16,7	14,7	14,1	13,6	13,6
Село	70,16	68,63	68,51	66,07	61,66	62,09	60,31
<i>Ожидаемая продолжительность жизни</i>							
Город	3,06	2,86	3,12	3,06	2,98	3,17	2,96
Село	5,17	4,83	5,39	4,83	4,69	5,35	5,12

Источник: составлено автором по данным Росстата [1–4].

В целях уменьшения региональных различий в качестве жизни сельского населения целесообразно осуществить ряд специальных мероприятий.

1. Определить нормативную потребность субъектов Российской Федерации в объектах социальной и инженерной инфраструктуры села и других ресурсах (услугах), определяющих качество жизни населения, с целью обоснования инвестиционных программ в этой области.

¹ Например, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года указывается на необходимость «повысить устойчивость системы расселения за счет социально-экономического развития сельских территорий» [5, с. 16]. Одной из трех целей Государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» является достижение к 2031 г. соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 70% [6].

Такие нормативы в отношении социальной инфраструктуры разрабатывались в период 1999–2016 гг. в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 октября 1999 г. № 1683-р «Об одобрении методики определения нормативной потребности субъектов Российской Федерации в объектах социальной инфраструктуры» и использовались в планировании инвестиционной деятельности. Но затем эта практика была прекращена в связи с переходом органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации к подготовке нормативов градостроительного проектирования. С одной стороны, новый порядок позволил более тщательно учитывать местные условия социально-экономического развития, но с другой — *сузил возможности федеральной и региональной власти* по перераспределению ресурсов в целях уменьшения межрегиональной дифференциации. На наш взгляд, новый и старый порядок могут сосуществовать.

2. Усовершенствовать механизмы участия субъектов Российской Федерации в Государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» — главном стратегическом документе сельского развития.

В настоящее время действует заявительный принцип участия регионов как в рассматриваемой государственной программе в целом, так и в ее отдельных мероприятиях. Получение субъектами Российской Федерации субсидий из федерального бюджета зависит прежде всего от активности исполнительных органов регионов в проводимых на федеральном уровне заявочных кампаниях, а также от возможностей субъектов в софинансировании программных мероприятий из региональных бюджетов. Кроме того, в основу программы положен т.н. проектный подход, в соответствии с которым необходимо обеспечить софинансирование мероприятий программы из внебюджетных источников.

Логика такого построения госпрограммы понятна: федеральные власти стимулируют участие регионов и бизнеса в сельском развитии. Но одновременно государство должно позаботиться об уменьшении межрегиональной дифференциации уровня социально-экономического развития села, что трудно сделать без нормативного подхода. Министерствами и ведомствами отраслей социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры нормативы обеспеченности населения отраслевыми объектами разрабатываются, *но они носят для субъектов Российской Федерации рекомендательный характер*. При таких обстоятельствах задача межрегионального выравнивания условий жизни сельского населения трудноразрешима.

По нашему мнению, целесообразно сделать участие субъектов Российской Федерации в Государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» обязательным, а также разработать и использовать при реализации госпрограммы нормативы обеспеченности сельского населения инфраструктурными объектами.

3. Осуществить корректировку документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации в области социально-экономического развития села.

В федеральном законодательстве *отсутствует обязательное требование* о разработке специальных мер в области сельского развития субъектами Российской Федерации. Как следствие, в разрабатываемых регионами стратегиях социально-экономического развития, как правило, не содержится специального раздела (направления) по устойчивому (комплексному) развитию сельских территорий. Из проанализированных стратегий 50 субъектов Российской Федерации (по состоянию на 14 декабря 2022 г.) такие разделы имелись в стратегиях только 4-х регионов (Калужская, Волгоградская, Кировская, Иркутская области), а целевые показатели по сельской местности (селу) среди целевых показателей социально-экономического развития регионов в стратегиях только 12 (Республика Тыва, Ненецкий автономный округ, Краснодарский край, Курская, Липецкая, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Пензенская, Тюменская, Новосибирская, Омская области).

В целях преодоления различий в уровне жизни между городом и селом, а также между сельскими территориями субъектов Российской Федерации целесообразно установить в федеральном законодательстве обязательность определения органами власти регионов мер по развитию села в региональных документах стратегического планирования. Кроме того, при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации целесообразно принимать во внимание не только показатели по региону в целом, но и с разбивкой на город и село.

4. Приоритетная поддержка сельского развития в регионах с депрессивными сельскими территориями.

Известно, что распределение объемов субсидий между субъектами Российской Федерации в рамках государственных программ Российской Федерации в сфере сельского развития *осуществляется по общим принципам*. Вместе с тем для регионов, в которых село находится в депрессивном состоянии, необходимы дополнительные меры по выводу его из кризиса, отличные от стандартного набора. Такие специальные меры по отношению к депрессивным сельским территориям применяются во многих странах, где осуществляется политика сельского развития, в частности в США и Европейском союзе. С этой целью проводится типология сельских районов по остроте социально-экономических проблем; на основе определенных критериев выделяются депрессивные районы; анализируются факторы (причины) депрессивного состояния; разрабатываются меры по его преодолению. В США, например, к депрессивным районам, относятся районы с недостаточно благоустроенным (или дорогим) жильем, с низким уровнем образования населения, с высокой безработицей, с постоянной бедностью населения, с уменьшающейся численностью жителей, с ускоренным ростом лиц пожилого возраста [7, с. 176–181].

В России также необходимо провести *типологию регионов по уровню социально-экономического развития села и качеству жизни сельского населения*, законодательно установить порядок и критерии отнесения субъектов Российской Федерации к регионам с депрессивными сельскими территориями и оказывать им дополнительную государственную поддержку.

Список литературы

1. Итоги выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 24.02.2024).
2. Выборочные обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 24.02.2024).
3. Доля площади жилищного фонда, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43507> (дата обращения: 24.02.2024).
4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 24.02.2024).
5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 24.02.2024).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (дата обращения: 24.02.2024).
7. Овчинников О.Г. Сельские территории США: состояние, развитие и государственная политика. Опыт для России. М.: Дашков и Ко, 2021. 471 с.

References

1. Itogi vyborochnogo nabludeniia dokhodov naseleniia i uchastiia v sotsial'nykh programmakh [Results of Sample Observation of Population Income and Participation in Social Programs], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (accessed 24 February 2024).
2. Vyborochnye obsledovaniia rabochei sily [Sample Surveys of the Labor Force], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (accessed 24 February 2024).
3. Dolia ploshchadi zhilishchnogo fonda, obespechennogo vseimi vidami blagoustroistva, v obshchei ploshchadi zhilishchnogo fonda sub"ekta Rossiiskoi Federatsii [The Share of the Area of the Housing Stock Provided with All Types of Improvement in the Total Area of the Housing Stock of the Constituent Entity of the Russian Federation],

EMISS [EMISS]. (In Russ.). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/43507> (accessed 24 February 2024).

4. Ozhidaemaia prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii [Life Expectancy at Birth], EMISS [EMISS]. (In Russ.). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (accessed 24 February 2024).

5. Strategiia prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Uтверждена распоряжением Правитель'sтва Rossiiskoi Federatsii ot 13 fevralia 2019 g. No. 207-r. [Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period until 2025. Approved by Order of the Government of the Russian Federation Dated February 13, 2019 No. 207-r.]. (In Russ.). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (accessed 24 February 2024).

6. Postanovlenie Pravitel'sтва RF ot 31 maia 2019 g. No. 696 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii "Kompleksnoe razvitie sel'skikh territorii" i o vnesenii izmenenii v nekotorye akty Pravitel'sтва Rossiiskoi Federatsii" (s izmeneniiami i dopolneniiami) [Decree of the Government of the Russian Federation of May 31, 2019 No. 696 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Integrated Development of Rural Areas" and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" (with Amendments and Additions)]. (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/72260516/> (accessed 24 February 2024).

7. Ovchinnikov O.G. Sel'skie territorii SSHA: sostoianie, razvitie i gosudarstvennaia politika. Opyt dlia Rossi [Rural Areas of the United States: Status, Development and Public Policy. Experience for Russia]. Moscow, Dashkov i Ko, 2021, 471 p. (In Russ.).

DIFFERENCES IN THE QUALITY OF LIFE OF THE RURAL POPULATION BETWEEN REGIONS AND WAYS TO OVERCOME THEM

An important condition for economic growth in the agro-industrial complex and the rural economy is the mitigation of differentiation between regions in the level and quality of life of the rural population. Significant level of differentiation between regions prevents the formation of a single economic space of the country, including the creation of a single agri-food market, rational specialization of regions, generates excessive migration flows of the population, which negatively affects the staffing of agriculture and the entire rural economy. The article analyzes the level of differentiation between regions for such important indicators of the quality of life of the rural population as the total income of a household member, the unemployment rate, the share of the poor population, the share of comfortable housing, and life expectancy. It is concluded that there are significant territorial differences, as well as an increase in interregional differentiation for 2016–2021/22 for most of these indicators. Measures to overcome territorial differences are substantiated, including the wider use of a normative approach in rural policy, improving the mechanisms for the participation of constituent entities of the Russian Federation in state rural development programs, and state support for depressed rural regions.

Keywords: quality of life of the rural population, total income of a household member, unemployment rate, share of the poor population, differentiation of the quality of life of the rural population between regions, rural policy, region.

JEL: Q00, Q01, Q14, Q18

Дата поступления – 11.03.2024 г.

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

академик РАН, доктор экономических наук, профессор, руководитель;
«Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова» – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
аграрной экономики и социального развития сельских территорий –
Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сель-
ского хозяйства» / Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1, г. Москва,
107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

PETRIKOV Alexander V.

Academician RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head;
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics. A. A. Nikonov –
branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution “Federal Scientific
Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories –
All-Russian Research Institute of Agricultural Economics” / 21, Bldg. 1,
Bolshoy Kharitonevsky Lane, Moscow, 107078.

e-mail: av_petrikov@mail.ru

Для цитирования:

Петриков А.В. Межрегиональные различия в качестве жизни сельского
населения и пути их преодоления // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113).
С. 55–76. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-55-76>

В.Н. БОБКОВ, Е.В. ОДИНЦОВА

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Проблема соответствия уровня заработной платы работников социальным стандартам уровня жизни, имея несомненные региональные особенности, актуальна для всех субъектов Российской Федерации. Полагаем, что они, определяя уровни заработной платы организаций, финансируемых из региональных бюджетов, должны исходить из общих методологических основ определения ее размеров. В статье анализируется ситуация с уровнем заработной платы наемных работников, сложившаяся в секторе организаций, которые являются основным сегментом российской занятости. Выявлено, что уровень заработной платы наиболее сильно влияет на ее качество и является одним из основных индикаторов неустойчивой занятости. Выявлены особенности распределения работников по уровню заработной платы в зависимости от уровня их квалификации и условий труда с учетом форм собственности и размеров организаций. На основе авторского инструментария проведен анализ влияния уровня заработной платы на экономическую устойчивость домохозяйств вследствие (не)достижения социально приемлемых и более высоких стандартов уровня жизни. Показано, что у более чем 80% работников уровень заработной платы в настоящее время не позволяет обеспечивать такие стандарты. Предложен способ кардинального повышения уровня заработной платы на основе разработки отраслевых социальных стандартов оплаты труда. Это позволит повысить качество занятости: сократить масштабы неустойчивой занятости, увязать уровень заработной платы с квалификацией работников и условиями их труда с учетом особенностей отраслей российской экономики, а также значительно повысить экономическую устойчивость домохозяйств.

Ключевые слова: качество занятости, уровень заработной платы, уровень жизни, стандарты денежных доходов, экономическая устойчивость домохозяйств.

JEL: J17, J31

Повышение доходов и качества жизни россиян, как подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании по экономическим вопросам с членами Правительства Российской Федерации, является безусловным приоритетом¹. Данный приоритет находит отражение в национальной повестке, закреплённой в документах стратегического планирования. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан заявлено в числе национальных интересов России. Определено, что достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается в т.ч. путем решения задач увеличения реальных доходов населения, сокращения числа малообеспеченных граждан, снижения уровня неравенства граждан в зависимости от их доходов². В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. повышение уровня и улучшение качества жизни населения включено в цели государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. Среди показателей состояния экономической безопасности в Стратегии выделены «доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» и «доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения»³. В числе национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. определены достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство. Среди целевых показателей, характеризующих достижение данной национальной цели, установлено обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения не ниже инфляции⁴.

Важная роль в формировании доходов населения принадлежит доходам от трудовой деятельности, которая *для подавляющей части занятого населения связана с занятостью по найму*. В структуре денежных доходов наибольшая доля принадлежит оплате труда наемных работников, превышающая 50% (в 2022 г. ее доля составляла 57,5%⁵). Соответственно, от уровня заработной платы, которая перераспределяется в домохозяйствах работников (с учетом соотношения числа работающих и иждивенцев, наличия и уровня других источников доходов), зависит уровень жизни домохозяйств, возможности удовлетворения на том или ином уровне потребностей работников и членов их

¹ Путин назвал приоритетом повышение доходов и качества жизни россиян. URL: <https://www.pnp.ru/economics/putin-nazval-prioritetom-povyshenie-dokhodov-i-kachestva-zhizni-rossiyan.html> (дата обращения: 25.02.2024).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 25.02.2024).

³ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420398070?marker=7D60K4> (дата обращения: 25.02.2024).

⁴ Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 25.02.2024).

⁵ Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.02.2024).

домохозяйств [1; 2]. Как показывают результаты исследований, низкие доходы от основной занятости (в т.ч. не соответствующие имеющейся профессионально-квалификационной позиции работников) обуславливают локализацию работников (и их домохозяйств) в социальных слоях с более низким уровнем жизни, приводят к большим среди населения масштабам потребления материальных и духовных благ *ниже социально приемлемых стандартов* [3; 4].

Новый этап развития России, в который она вступила в 2022 г., актуализирует стратегические цели повышения доходов, уровня и качества жизни населения, достижение которых в новых условиях требует дополнительного осмысления имеющихся проблемных аспектов для выработки целевых научно-обоснованных решений. В данном контексте поднимаемый авторами вопрос о влиянии заработной платы на качество занятости и экономическую устойчивость домохозяйств и обеспечение их достойного уровня жизни будет способствовать дополнению научно-аналитической основы принимаемых решений для достижения цели повышения доходов и уровня жизни населения через улучшение качества занятости.

***Методологические основы и эмпирические данные для оценки
влияния заработной платы на качество занятости и уровень жизни
домохозяйств***

В данном исследовании авторы концентрируют внимание на уровне заработной платы в наиболее массовом сегменте российской занятости — занятости по найму в формальном секторе экономики (в организациях). По данным Росстата, наемные работники на предприятиях, в организациях со статусом юридического лица, составляют 82,3% занятых (2022 г.)⁶. Анализ проводится для основной занятости работников (по данным статистики, 98% занятых (2022 г.) имеют только одну работу)⁷.

Уровень заработной платы, являясь важной компонентой качества занятости [5–8], *выступает индикатором* достойного труда⁸ [9] и его (не)достойного вознаграждения в (не)устойчивой занятости [10–16]. Показатели, касающиеся уровня заработной платы, отслеживаются Росстатом в рамках мониторинга хода исполнения поручений, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596-606⁹; включены в перечень национальных показателей Целей устойчивого развития¹⁰.

⁶ Итоги выборочного обследования рабочей силы — 2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 10.02.2024).

⁷ Там же.

⁸ Индикаторы достойного труда // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 25.02.2024).

⁹ Официальная статистическая информация для мониторинга хода исполнения поручений, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596-606, в соответствии с разделом 2.6 Федерального плана статистических работ // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pokazat-2.6fpsr.htm> (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁰ Национальный набор показателей ЦУР // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения: 25.02.2024).

В соответствии с авторскими разработками, уровень заработной платы — один из ключевых индикаторов неустойчивой занятости, которая является одной из важных характеристик низкого качества занятости в связи с вынужденными производственными отношениями, сопровождаемыми утратой (частично или полностью) трудовых и социальных гарантий, ассоциируемых со стандартной занятостью [11]. Неустойчивую занятость определяет уровень заработной платы, который не обеспечивает экономическую устойчивость домохозяйств (их устойчивое материальное положение). Таким образом, показатель (индикатор) уровня заработной платы также *позволяет увязать сферу занятости и уровень жизни населения.*

В рамках данного исследования авторами для проведения оценивания заработной платы рассматриваются ее возрастающие уровни, позволяющие в домохозяйствах с учетом иждивенческой нагрузки на работников обеспечивать определенные стандарты уровня жизни (см. табл. 1). Границы заработной платы, которые идентифицируют (не)устойчивый уровень жизни домохозяйств наемных работников (экономическую (не) устойчивость домохозяйств), определялись авторами *на основе стандартов душевых денежных доходов* (от наиболее низких до социально приемлемых и выше) [3]. При этом учитывался минимальный вариант иждивенческой нагрузки: пропорциональная нагрузка на одного работника из домохозяйства, состоящего из двух взрослых и одного ребенка, а также экономия на совместном потреблении. Границы уровней заработной платы фиксируются в пересчете на величину прожиточного минимума трудоспособного населения, т.е. при анализе и распределении работников по группам на основе уровня заработной платы учитывается *реальная заработная плата, оцениваемая через ее покупательную способность.*

Уровень заработной платы работников организаций рассматривался в целом по наемным работникам организаций, а также с учетом следующих параметров:

1) уровня квалификации работников, идентифицируемого на основе Общероссийского классификатора занятий¹¹ (ОКЗ): а) четвертый (высший) уровень¹², б) третий уровень¹³, в) второй уровень¹⁴, г) первый (наименьший) уровень¹⁵;

¹¹ «ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий» (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2020-ст) (ред. от 18 февраля 2021 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=177953-0&req=dos&rnd=DbWQcA&base=LAW&n=386337#CnS2UwSwTN6zap5t> (дата обращения: 10.02.2024).

¹² Идентифицируется на основе ОКЗ для работников, относящихся к числу руководителей; специалистов высшего уровня квалификации; офицеров действительной военной службы.

¹³ Идентифицируется на основе ОКЗ для работников, относящихся к числу специалистов среднего уровня квалификации; военнослужащих неофицерского состава.

¹⁴ Идентифицируется на основе ОКЗ для работников, относящихся к числу служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием; работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; квалифицированных работников сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства; квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий; операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей.

¹⁵ Идентифицируется на основе ОКЗ для работников, относящихся к числу неквалифицированных рабочих; военнослужащих рядового состава.

- 2) условий труда, в т.ч.:
 2.1) условий труда¹⁶: а) вредные или опасные, б) оптимальные или допустимые;
 2.2) продолжительности рабочей недели: а) 30 часов и менее, б) 31–40 часов, в) 41 час и более;
 3. Форма собственности организации: а) государственная, б) частная, в) смешанная¹⁷;
 4. Размер организации (по численности работников): а) микро (до 15 чел.), б) малые (до 100 чел.), в) средние (до 250 чел.), г) крупные (более 250 чел.).¹⁸ Таким образом, рассматривалась ситуация с уровнем заработной платы работников по полному кругу организаций.

Т а б л и ц а 1

Уровни реальной заработной платы и границы их идентификации

Уровень заработной платы	Границы идентификации уровня заработной платы ^{*)} (2022 г.)
Не обеспечивает устойчивое материальное положение домохозяйств (экономическую устойчивость)	
Не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни (душевые доходы менее 1 ПМ ^{**)})	< 1,3 ПМтр ^{***)}
Обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает низкие стандарты уровня жизни (душевые доходы 1–2 ПМ)	1,3–2,6 ПМтр
Обеспечивает низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни (душевые доходы 2–3,1 ПМ)	2,6–4,0 ПМтр
Обеспечивает устойчивое материальное положение домохозяйств (экономическую устойчивость)	
Обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни (душевые доходы 3,1 ПМ и выше)	≥ 4,0 ПМтр

Источник: составлено авторами.

^{*)} Использовалась величина прожиточного минимума, определенная по сопоставимой методологии 2013–2020 гг. [3].

^{**)} Прожиточный минимум.

^{***)} Прожиточный минимум трудоспособного населения.

¹⁶ Классификация в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О специальной оценке условий труда» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/4a4183762b40bc594a54f8ae5656a21be2633daf/ (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁷ На основе данных РМЭЗ государственная форма собственности определяется в случае, если владельцем организации является государство, частная – в случае, если (со) владельцами организации являются организации, частные лица, смешанная – в случае, если совладельцами организации являются государство и организации, частные лица.

¹⁸ Классификация в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902053196> (дата обращения: 10.02.2024).

При проведении исследования мы рассматривали ситуацию *в динамике* по следующим реперным точкам: 2014 г. (валютно-финансовый кризис в условиях внешнего санкционного давления), 2020 г. (коронакризис), 2021 г. (восстановление после коронакризиса), 2022 г. (начало нового этапа развития, усиление санкционного давления в условиях обострения геополитического противостояния).

Эмпирическая база для проведения исследования была составлена на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹⁹ (далее – РМЭЗ). Были востребованы данные РМЭЗ следующих волн обследования – 23 волна (2014 г.), 29 волна (2020 г.), 30 волна (2021 г.) и 31 волна (2022 г.; наиболее актуальная на момент проведения исследования). Для проведения исследования из массивов по индивидам соответствующих волн РМЭЗ были отобраны лица в возрасте 15 лет и старше, которые являются наемными работниками организаций (всего 5,3 тыс. чел. – в 2014 г., 4,8 тыс. чел. – в 2020–2022 гг.²⁰). Для повышения точности оценивания данные о распределении работников организаций по заработной плате, полученные на основе выборки РМЭЗ (является репрезентативной по полу, возрасту, типу поселения), были дополнительно скорректированы (для приведения в соответствие с генеральной совокупностью) с учетом данных Росстата о распределении работников организаций по другим рассматриваемым параметрам занятости²¹.

***Уровень и динамика заработной платы
как индикатора качества занятости и фактора формирования
уровня жизни домохозяйств***

Как показывают данные РМЭЗ, подавляющая часть наемных работников организаций получают заработную плату, *уровня которой недостаточно* для обеспечения устойчивого материального положения их домохозяйств (социально приемлемых и выше стандартов уровня жизни) (см. рис. 1). В 2022 г. доля таких работников составляла 89,2% и была выше, чем в 2021 г. (восстановление после коронакризиса) – 85,0%, в 2020 г. (коронакризис) – 86,5% и в 2014 г. (валютно-финансовый кризис в условиях внешнего санкционного давления) – 86,1%.

¹⁹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

²⁰ Ошибка выборки $\pm 1,34\%$ в 2014 г., $\pm 1,41\%$ в 2020–2022 гг. (при доверительной вероятности 95%).

²¹ В качестве такого параметра занятости (с учетом наличия сопоставимых данных Росстата) использовался параметр формы собственности организаций.

По данным Росстата, доля работников, занятых в организациях (без субъектов малого предпринимательства), имеющих заработную плату менее 4ПМтр, составила 65,9% в 2021 г. и 64,0% в 2023 г.²² Расхождения с полученными авторами результатами на основе данных РМЭЗ объясняются различиями в методологии: особенности определения размеров заработной платы статорганами и на основе данных РМЭЗ, использование при оценивании уровня заработной платы разных величин ПМтр (авторами применялся ПМтр, определяемый по сопоставимой методологии, действующей до 2020 г.), различия в охвате наемных работников организаций (авторами рассматривались наемные работники организаций по полному их кругу).

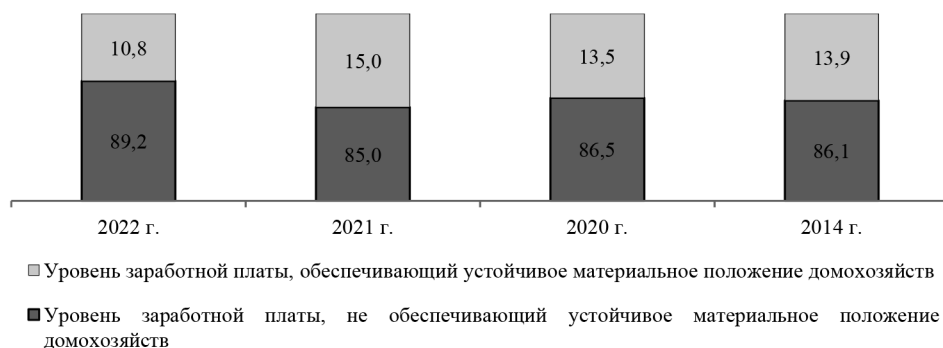

Рис. 1. Распределение работников организаций по уровню заработной платы, 2014–2022 гг., %

Источник: оценка авторов на основе данных 23, 29–31 волн РМЭЗ.

Индикатор уровня заработной платы, идентифицирующий долю работников с уровнем заработной платы, не обеспечивающим устойчивого материального положения домохозяйств, является наиболее распространенным проявлением неустойчивой занятости для наемных работников организаций. С данным проявлением неустойчивой занятости работники сталкиваются в два и более раз чаще, чем с другими ее проявлениями (см. табл. 2).

Работники с уровнем заработной платы, не обеспечивающим экономическую устойчивость их домохозяйств, включают три подгруппы, различающиеся по ее уровню (по мере нарастания неустойчивого материального положения домохозяйств, которое формируется за счет доходов от занятости) (см. табл. 3).

²² Индикаторы достойного труда, распределение численности работников организаций по размерам начисленной заработной (в пересчете на величину прожиточного минимума трудоспособного населения) по видам экономической деятельности // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 29.02.2024).

Т а б л и ц а 2

**Динамика индикаторов неустойчивой занятости, 2014–2022 гг.
(наемные работники организаций, %)^{*)}**

Индикатор	2022	2021	2020	2014
Занятость на основе устной договоренности без оформления документов	7,1	7,0	6,7	7,1
Уровень заработной платы, не обеспечивающий устойчивого материального положения домохозяйств	89,2	85,0	86,5	86,1
Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя	1,4	3,7	8,5	2,0
Отсутствие оплачиваемого отпуска	23,8	28,2	33,0	30,6
Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы	3,8	5,5	12,9	5,2
Задолженность по заработной плате	0,9	1,0	2,1	3,2
Неофициальная (частично или полностью) заработная плата	11,3	11,6	11,9	10,3
Отклоняющееся от стандартного рабочее время: продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы)	41,4	43,5	43,2	44,5

Источник: оценка авторов на основе данных 23, 29–31 волн РМЭЗ.

^{*)} Индикаторы неустойчивой занятости были идентифицированы авторами в [12].

Т а б л и ц а 3

**Распределение наемных работников организаций
по уровню заработной платы, 2014–2022 г.**

Год	Уровень заработной платы				
	Менее 4,0 ПМтр (не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни)	Менее 1,3 ПМтр (не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни)	От 1,3 до 2,6 ПМ тр (обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает низкие стандарты уровня жизни)	От 2,6 до 4,0 ПМтр (обеспечивает низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни)	4,0 ПМтр и более (обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни)
<i>Наемные работники организаций, всего, %</i>					
2022	89,2	13,7	49,7	25,8	10,8
2021	85,0	12,2	43,9	28,9	15,0
2020	86,5	11,5	44,7	30,3	13,5
2014	86,1	16,1	38,5	31,5	13,9

Источник: оценка авторов на основе данных 23; 29–31 волн РМЭЗ.

Первая подгруппа. Работники с уровнем заработной платы, обеспечивающим низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивающим социально приемлемые стандарты уровня жизни. Эта подгруппа в 2022 г. составляла 25,8%. Ее масштабы снизились по сравнению с 2021 г. (28,9%) на 3,1 п.п., продолжив тенденцию снижения, наметившуюся в более ранние годы рассматриваемого периода.

Вторая подгруппа. Работники с уровнем заработной платы, обеспечивающим наиболее низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивающим низкие стандарты уровня жизни. Эта подгруппа была наиболее массовой среди рассматриваемых групп по уровню заработной платы. В 2022 г. она охватывала 49,7% работников, достигнув наибольших масштабов в рассматриваемый период в связи с перемещением в нее работников из более высокооплачиваемых групп (относительно 2021 г. (43,9%) доля подгруппы увеличилась на 5,8 п.п.).

Третья подгруппа. Работники с уровнем заработной платы, не обеспечивающим наиболее низкие стандарты уровня жизни. Работники данной подгруппы отличаются наиболее уязвимым положением в связи с глубиной неустойчивого материального положения их домохозяйств вследствие низкого уровня заработной платы. Их доля в 2022 г. составляла 13,7% и была выше, чем в 2020–2021 гг. (11,5–12,2%), но меньше относительно 2014 г. (16,1%).

Доля работников, уровень заработной платы которых обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни, в рассматриваемый период была небольшой: в 2022 г. она составляла 10,8% (что было меньше доли работников, у которых заработная плата не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, — 13,7%). Относительно 2021 г. (15,0%, что было выше по сравнению с 2020 г. на 1,5 п.п.) доля таких работников снизилась на 4,2 п.п. В 2014 г. их доля составляла 13,9% и, как и в 2022 г., уступала доле работников с уровнем заработной платы, который не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни (16,1%).

Динамика масштабов групп работников с разными стандартами заработной платы в рассматриваемый период обусловлена изменениями ее покупательной способности, качественного и количественного состава работников организаций, финансово-экономических характеристик организаций в условиях валютно-финансового кризиса вследствие внешнего санкционного давления 2014 г., коронакризиса 2020 г., восстановления после коронакризиса в 2021 г., усиления внешнего санкционного давления и обострения геополитического противостояния в 2022 г. Ухудшение динамики в 2022 г. относительно 2021 г. связано с частичным закрытием организаций вследствие санкций, изменением условий их деятельности (разрыв и изменение логистических цепочек и пр.), инфляционными процессами, изменением в составе рабочей силы (мобилизация, релокация и др.) и ее перетоком между отраслями экономики (гражданским и оборонным секторами) и др.

Уровень заработной платы разных категорий работников

Рассмотрение распределения работников организаций по уровню заработной платы с учетом выбранных параметров занятости (уровень квалификации работников, условия их труда, а также принадлежность к разным формам собственности и размер организаций) выявило следующее.

Распределение работников организаций по стандартам заработной платы в зависимости от уровня квалификации работников в целом характеризует нарастание доли тех работников, уровень заработной платы которых не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни, при понижении уровня квалификации: с 82,0% при четвертом (высшем) уровне квалификации до 94,3% при втором и 86,6% при первом (наименьшем) уровне квалификации. Также следует отметить, что для первого уровня квалификации выявлены наиболее низкая доля работников с уровнем заработной платы, который не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни (7,6%), а также более высокая (относительно работников со вторым и третьим уровнями квалификации) доля работников, уровень заработной платы которых обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни (13,4%). В данном случае может иметь место влияние фактора спроса на работников данной квалификации.

Различия в условиях труда работников следующим образом отражаются в их распределении по уровню заработной платы. Среди работников организаций с вредными или опасными условиями труда (83,4%) меньше относительно занятых в оптимальных или допустимых условиях труда (90,2%) доля тех, уровня заработной платы которых не достаточно для обеспечения социально приемлемых и выше стандартов уровня жизни. Доля работников с заработной платой, уровень которой не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, *различается почти в два раза в зависимости от условий труда работников*: 14,5% при оптимальных или допустимых условиях труда и 7,8% при вредных или опасных условиях труда. Аналогичные различия и в доле работников с уровнем заработной платы, который позволяет обеспечить стандарты уровня жизни не ниже социально приемлемых: 9,8% и 16,6% соответственно.

Продолжительность рабочего времени является важным фактором, который задает распределение по уровню заработной платы. По данным Росстата, 95,7% наемных работников получают заработную плату на основной работе за отработанное время²³. Как следует из полученных на основе РМЭЗ данных, доля работников, уровень заработной платы которых не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни, снижается по мере увеличения продолжительности рабочей недели (см. табл. 4). Наибольшая доля таких работников фиксируется среди занятых с продолжительностью рабочей недели 30 часов и менее — 96,9%. Среди работников с продолжительностью рабочей недели 31–40 часов

²³ Итоги выборочного обследования рабочей силы — 2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 10.02.2024).

(наиболее распространенная модель занятости²⁴) доля тех, у кого уровень заработной платы не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни, ниже и составляет 89,5%. Среди работников с рабочей неделей 41 час и более доля тех, у кого уровень заработной платы не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни, еще ниже — 87,3%. При этом наибольшие различия (порядка четырех раз) наблюдаются при «контрастных» уровнях заработной платы:

- 1) который не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни (доля таких работников снижается с 44,7% при рабочей неделе не более 30 часов до 11,3% при рабочей неделе 41 час и более);
- 2) который обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни (доля таких работников увеличивается с 3,1% при рабочей неделе не более 30 часов до 12,7% при рабочей неделе 41 час и более).

Занятость в организациях разной формы собственности (государственной, частной, смешанной) также оказывает влияние на распределение работников по уровню заработной платы. Доля работников, уровень заработной платы которых не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни, *снижается при переходе* от организаций государственной формы собственности (92,3%) к частной (88,3%) и смешанной (82,3%) (см. табл. 4). Соответственно, нарастает доля работников с уровнем заработной платы, обеспечивающим социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни: с 7,7% в организациях государственной формы собственности до 11,7% в частной и 17,7% в смешанной. Доля работников, уровня заработной платы которых недостаточно для обеспечения наиболее низких стандартов уровня жизни, в зависимости от формы собственности организаций различается почти в три раза: в организациях государственной формы собственности доля таких работников составляет 18,0%, в частной достигает 12,0%, а в смешанной снижается до 6,0%.

Размер организаций (по численности работников) также влияет на распределение работников по уровню заработной платы. В менее крупных организациях выше доля работников, уровень заработной платы которых не позволяет обеспечить социально приемлемые стандарты уровня жизни: в микроорганизациях (с численностью работников до 15 чел.) их доля составляет 94,8%, а в крупных организациях (более 250 чел.) их доля снижается до 82,2% (см. табл. 4). При этом доля работников, уровень заработной платы, который не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, различается более чем в три раза: снижается с 20,7% в микро- до 5,9% в крупных организациях. Как показал дополнительный анализ данных РМЭЗ, доля работников с таким уровнем заработной платы в микро- и малых организациях государственной формы собственности (29,3% и 18,5%) *выше*, чем в аналогичных

²⁴ Согласно данным Росстата, у 90,3% наемных работников фактическое количество рабочих часов в неделю на основной работе составило 31–40 часов в неделю. См.: Итоги выборочного обследования рабочей силы — 2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (дата обращения: 10.02.2024).

по размеру организациях частной (17,6% и 9,6%) и смешанной (19,2% и 5,8%) форм собственности.

Т а б л и ц а 4

Распределение наемных работников организаций по уровню заработной платы в зависимости от параметров занятости, 2022 г., %

Параметры занятости	Уровень заработной платы				
	I	IA	IB	IC	II
Наемные работники организаций – всего	89,2	13,7	49,7	25,8	10,8
В т.ч.:					
С уровнем квалификации					
Четвертый (высший) уровень	82,0	9,2	42,2	30,6	18,0
Третий уровень	89,7	10,9	51,0	27,8	10,3
Второй уровень	94,3	20,3	54,4	19,6	5,7
Первый (наименьший) уровень	86,6	7,6	46,8	32,2	13,4
С условиями труда					
Вредные или опасные	83,4	7,8	43,0	32,6	16,6
Оптимальные или допустимые	90,2	14,5	50,8	24,9	9,8
С продолжительностью рабочей недели					
30 часов и менее	96,9	44,7	39,3	12,9	3,1
31–40 часов	89,5	11,6	51,5	26,4	10,5
41 час и более	87,3	11,3	48,6	27,4	12,7
С учетом формы собственности организаций					
Государственная	92,3	18,0	51,4	22,9	7,7
Частная	88,3	12,0	49,8	26,5	11,7
Смешанная	82,3	6,0	42,9	33,4	17,7
С учетом размера организации					
Микро (до 15 чел.)	94,8	20,7	54,7	19,4	5,2
Малые (до 100 чел.)	89,5	13,5	51,0	25,0	10,5
Средние (до 250 чел.)	85,6	9,7	44,5	31,4	14,4
Крупные (более 250 чел.)	82,2	5,9	41,5	34,8	17,8
Уровень заработной платы: I – уровень заработной платы, который не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни (менее 4,0 ПМтр). IA – уровень заработной платы, который не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни (менее 1,3 ПМтр). IB – уровень заработной платы, который обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает низкие стандарты уровня жизни (от 1,3 до 2,6 ПМтр). IC – уровень заработной платы, который обеспечивает низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни (от 2,6 до 4,0 ПМтр). II – уровень заработной платы, который обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни (4,0 ПМтр и более).					

Источник: оценка авторов на основе данных 31 волны РМЭЗ.

Для уровня заработной платы, который обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни, обратная картина — в микроорганизациях доля работников с таким уровнем заработной платы (5,2%) более чем в три раза меньше, чем в крупных организациях (17,8%) (см. табл. 4). При этом в крупных организациях государственной формы собственности (14,1%) доля работников, уровень заработной платы которых обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни, меньше, чем в крупных организациях частной (16,9%) и смешанной (26,6%) форм собственности.

Объективные характеристики занятости работников обуславливают их субъективные оценки имеющейся занятости. Как показали полученные данные на основе РМЭЗ, неудовлетворенность работников оплатой труда снижается с ростом уровня заработной платы: с 46,1% при уровне заработной платы, который не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, до 11,1% при уровне заработной платы, который обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни (см. табл. 5). Аналогично и доля работников, которые хотели бы найти другую работу, снижается с ростом уровня заработной платы (с 14,9 до 9,1%).

Т а б л и ц а 5

Распределение наемных работников организаций по уровню заработной платы с учетом субъективных оценок имеющейся занятости, 2022 г., %

Характер субъективной оценки	Уровень заработной платы				
	Менее 4,0 ПМГр (не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни)	Менее 1,3 ПМГр (не обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни)	От 1,3 до 2,6 ПМГр (обеспечивает наиболее низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает низкие стандарты уровня жизни)	От 2,6 до 4,0 ПМГр (обеспечивает низкие стандарты уровня жизни, но не обеспечивает социально приемлемые стандарты уровня жизни)	4,0 ПМГр и выше (обеспечивает социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни)
Наемные работники организаций — всего	89,2	13,7	49,7	25,8	10,8
Из них					
Не удовлетворены оплатой труда	31,6	46,1	32,8	21,3	11,1
Хотели бы найти другую работу	11,2	14,9	11,3	8,8	9,1

Источник: оценка авторов на основе данных 31 волны РМЭЗ.

Для работников, которые не высказали неудовлетворенности оплатой труда или не хотят менять работу, при уровне заработной платы, которого недостаточно для обеспечения социально приемлемых стан-

дартов уровня жизни, в т.ч. наиболее низких, могут иметь место дополнительные факторы, определяющие их восприятие имеющейся занятости — ситуация на локальном рынке труда (отсутствие более качественных рабочих мест), наличие и уровень других доходов (в т.ч. от вторичной занятости), удовлетворенность другими параметрами имеющейся занятости и пр.

Заключение

Полученные результаты влияния уровня заработной платы на качество занятости работников и экономическую устойчивость их домохозяйств показывают, что вследствие преобладания уровня заработной платы, не обеспечивающей у наемных работников социально приемлемого и выше уровня жизни их домохозяйств, масштабируется неустойчивая занятость. По оценкам авторов на основе данных РМЭЗ, неустойчиво занятые работники, определяемые на основе комплекса индикаторов, включая уровень заработной платы, в 2022 г. составляли 88,6% среди занятых по найму в секторе организаций. Если не учитывать в числе индикаторов уровень заработной платы, то масштабы неустойчивой занятости снижаются более чем в три раза (до 27,8%), в т.ч. доля наиболее уязвимых работников (с наиболее высокой концентрацией неустойчивой занятости) снижается более чем в шестнадцать раз (с 6,5 до 0,4%), а доля устойчиво занятых увеличивается более чем в шесть раз (с 7,2 до 45,0%).

Масштабированное негативное влияние на качество занятости работников уровня заработной платы, не обеспечивающей социально приемлемого и выше уровня жизни их домохозяйств, проявляется у более 80% (2022 г.) работников разного уровня квалификации, занятых в оптимальных/допустимых или вредных/опасных условиях труда, а также при различной продолжительности рабочего времени, в организациях разных форм собственности и размера.

В целом у подавляющей части (более 89,2%, 2022 г.) работников организаций занятость не может обеспечить социально приемлемые и выше стандарты уровня жизни в расчете на наиболее типичное российское домохозяйство, состоящее из двух родителей и одного ребенка. У около 14% работников организаций из-за недостаточного уровня заработной платы имеются риски бедности (наиболее низкие стандарты уровня жизни), у порядка 50% работников заработная плата позволяет преодолеть границу наиболее низких стандартов уровня жизни, но ее недостаточно для обеспечения низких стандартов уровня жизни. Данная группа работников и их домохозяйства также находятся в зоне риска, поскольку их трудовых доходов может оказаться недостаточно, чтобы застраховать себя от рисков оказаться за чертой бедности при наступлении неблагоприятных жизненных обстоятельств. Еще порядка четверти работников получают заработную плату, которая позволяет обеспечить низкие стандарты уровня жизни, но не выводит домохозяйства на уровень социально приемлемых стандартов уровня жизни.

Дополнительный анализ на основе данных РМЭЗ показал, что если скорректировать расчеты на домохозяйство из двух взрослых и двух детей, то доля работников с уровнем заработной платы менее социально приемлемого стандарта (5,1 ПМтр) возрастает в целом по организациям до 95,3%. В т.ч. доля работников организаций, уровня заработной платы которых по основному месту работы недостаточно для обеспечения душевых доходов в размере регионального ПМ, увеличивается почти в два раза: с 13,7 до 24,9%.

Проведенное исследование подтвердило, что проблема больших масштабов наиболее низкого и низкого уровня реальной заработной платы по основному месту занятости работников в организациях настоятельно *требует кардинальных решений*. Исходя из всего этого, необходимо проведение масштабного системного повышения реальной заработной платы.

Это позволит кардинально снизить масштабы неустойчивой занятости и повысить качество занятости, приведет к повышению уровня жизни домохозяйств и снизит финансовую нагрузку на консолидированный государственный бюджет расходов на социальную поддержку населения. Охват домохозяйств социальной поддержкой будет ограничен естественными масштабами — домохозяйствами, в которых ограничена трудоспособность работников и/или имеется большая иждивенческая нагрузка (домохозяйства с тремя и более детьми).

Проблема обеспечения уровня заработной платы, позволяющей достигать социально приемлемого уровня жизни домохозяйств, требует также глубоких исследований в аспектах ее взаимосвязи с профессиями, уровнями квалификации работников, условиями труда (оптимальные, допустимые, вредные, опасные и часы работы), влияющими на ее дифференциацию внутри организаций и отраслей.

Одним из важных направлений, позволяющих обосновать размеры повышения реальной заработной платы и ее распределения в организациях и отраслях экономики, на наш взгляд, должно стать обоснование и введение отраслевых социальных стандартов оплаты труда работников основных профессий. Для ряда профессий и отраслей во Всероссийском центре уровня жизни (1991–2017 гг.) были разработаны отраслевые социальные стандарты оплаты труда, которые базировались не на действующем прожиточном минимуме, а на воспроизводственных потребительских бюджетах. Проведенная адаптация отраслевых социальных стандартов оплаты труда в горно-металлургическом комплексе, угольной отрасли и ряде других показала, что построенные с их учетом отраслевые системы оплаты труда позволяли повысить уровень номинальной среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций по сравнению с фактически сложившимся от 3 до 7 раз [17, с. 17]. Полагаем, что эти исследования необходимо продолжить, разрабатывать и вводить отраслевые стандарты оплаты труда в рамках соглашений социального партнерства с учетом достижения социально приемлемых стандартов уровня жизни и экономической устойчивости домохозяйств.

Для мониторинга достижения стратегических целевых показателей в области повышения уровня жизни, обеспечения достойного труда и экономической безопасности целесообразно проводить отслеживание индикаторов заработной платы, уровень которой обуславливает риски неустойчивого материального положения домохозяйств работников: риски бедности, низкой обеспеченности и обеспеченности ниже социально приемлемого уровня. Это позволит более точно идентифицировать уязвимые группы работников и более адресно прорабатывать вопросы повышения качества занятости и уровня жизни домохозяйств.

Список литературы

1. Bobkov V.N., Odintsova E.V. The Employment Quality Potential of Generation Groups of Workers and the Economic Sustainability of Their Households // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023. Vol. 16. N 3. P. 196–211.
2. Соболева И.В. Воспроизводственная функция заработной платы и трудовая мотивация в современной России // *Вопросы политической экономии*. 2019. № 3. С. 95–104.
3. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: [Ежегодник]. Вып. 1 (202) / В.Н. Бобков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2023. 166 с.
4. Средние классы в капиталистической России: научная монография / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: КНОРУС, 2018. 208 с.
5. Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework, prepared by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. UNECE. United Nations, New York & Geneva, 2015. 320 p.
6. Huneus F., Landerretche O., Puentes E., Selman J. A multidimensional employment quality index for Brazil, 2002–11 // *International Labour Review*. 2015. Vol. 154. N 2. P. 195–226.
7. González P., Sehnbruch K., Apablaza M. et al. A multidimensional approach to measuring quality of employment (QoE) deprivation in six Central American countries // *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 158. P. 107–141.
8. Sehnbruch K., González P., Apablaza M., Méndez R., Arriagada V. The Quality of Employment (QoE) in Nine Latin American Countries: A Multidimensional Perspective // *World Development*. 2020. Vol. 127. DOI:10.1016/j.worlddev.2019.104738
9. Decent Work Indicators: Guidelines for Producers and Users of Statistical and Legal Framework Indicators: ILO Manual: Second Version. International Labour Office. Geneva: ILO, 2013. 257 p.
10. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения / В.Н. Бобков, Е.В. Одинцова, А.В. Попов, И.А. Шичкин; под ред. В.Н. Бобкова; Российский научный фонд, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. Ижевск: Шелест, 2023. 104 с.
11. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: научная монография / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: КНОРУС, 2018. 342 с.
12. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Иванова Т.В., Чащина Т.В. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 4. С. 502–520.

13. Кученкова А.В. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 84–96.

14. García-Pérez C., Prieto-Alaiz M., Simón H. A New Multidimensional Approach to Measuring Precarious Employment // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 134. P. 437–454.

15. Padrosa E., Bolibar M., Julià M. et al. Comparing Precarious Employment Across Countries: Measurement Invariance of the Employment Precariousness Scale for Europe (EPRES-E) // *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 154. P. 893–915.

16. Puig-Barrachina V., Vanroelen C., Vives A. et al. Measuring Employment Precariousness in the European Working Conditions Survey: The Social Distribution in Europe // *Work* 49. 2014. N. 49. P. 143–161. DOI:10.3233/WOR-131645

17. Гродский В.С. Какой должна быть экономика российской цивилизации // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 1. С. 9–20.

References

1. Bobkov V.N., Odintsova E.V. The Employment Quality Potential of Generation Groups of Workers and the Economic Sustainability of Their Households, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 196–211.

2. Soboleva I.V. Vosproizvodstvennaia funktsiia zarabotnoi platy i trudovaiia motivatsiia v sovremennoi Rossii [The Reproduction Function of Wages and Work Motivation in Modern Russia], *Voprosy politicheskoi ekonomii* [Problems in Political Economy], 2019, No. 3, pp. 95–104. (In Russ.).

3. Bobkov V.N. Monitoring dokhodov i urovnia zhizni naseleniia Rossii – 2022 god [Monitoring of Incomes and Living Standards of the Russian Population – 2022]. Iss. 1 (202), responsible editors. V.N. Bobkov, A.A. Guliugina. Moscow, IE RAN, 2023, 166 p. (In Russ.).

4. Srednie klassy v kapitalisticheskoi Rossii: nauchnaia monografiia [Middle Classes in the Capitalist Russia: a Scientific Monograph], chief scientific editor V.N. Bobkov. Moscow, KNORUS, 2018, 208 p. (In Russ.).

5. Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework, prepared by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. UNECE. United Nations. New York & Geneva, 2015, 320 p.

6. Huneus F., Landerretche O., Puentes E., Selman J. A multidimensional employment quality index for Brazil, 2002–11, *International Labour Review*, 2015, Vol. 154, No. 2, pp. 195–226.

7. González P., Sehnbruch K., Apablaza M. et al. A Multidimensional Approach to Measuring Quality of Employment (QoE) Deprivation in Six Central American Countries, *Social Indicators Research*, 2021, Vol. 158, pp. 107–141.

8. Sehnbruch K., González P., Apablaza M., Méndez R., Arriagada V. The Quality of Employment (QoE) in Nine Latin American Countries: A Multidimensional Perspective, *World Development*, 2020, Vol. 127. DOI:10.1016/j.worlddev.2019.104738

9. Decent work indicators: guidelines for producers and users of statistical and legal framework indicators: ILO manual: second version. International Labour Office. Geneva, ILO, 2013, 257 p.

10. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Popov A.V., Shichkin I.A. Vliianie prekarizatsii na kachestvo zaniatosti i uroven' zhizni pokolennykh grupp ekonomicheski aktivnogo naseleniia [The Impact of Precarization on the Quality of Employment and the Standard of Living of Generational Groups of Economically Active Population], edited

by V.N. Bobkova. Rossiiskii nauchnyi fond, Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova. Izhevsk, Shelest, 2023, 104 p. (In Russ.).

11. Neustoichivaia zaniatost' v Rossiiskoi Federatsii: teoriia i metodologiya vyivleniia, otsenivanie i vektor sokrashcheniia: nauchnaia monografiia [Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methodology of Identification, Evaluation and Reduction: Scientific Monograph], chief scientific editor V.N. Bobkov. Moscow, KNORUS, 2018, 342 p. (In Russ.).

12. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., Chashchina T.V. Znachimye indikatory neustoichivoi zaniatosti i ikh prioritetsnost' [Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2022, Vol. 18, No. 4, pp. 502–520. (In Russ.).

13. Kuchenkova A.V. Prekarizatsiia zaniatosti kak faktor differentsiatsii zarabotnoi platy i sotsial'nogo samochuvstviia rabotnikov [Employment Precarization as a Factor of Wages Differentiation and Social Wellbeing], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology], 2021, Vol. 21, No. 1, pp. 84–96. (In Russ.).

14. García-Pérez C., Prieto-Alaiz M., Simón H. A New Multidimensional Approach to Measuring Precarious Employment, *Social Indicators Research*, 2017, Vol. 134, pp. 437–454.

15. Padrosa E., Bolibar M., Juliá M. et al. Comparing Precarious Employment Across Countries: Measurement Invariance of the Employment Precariousness Scale for Europe (EPRES-E), *Social Indicators Research*, 2021, Vol. 154, pp. 893–915.

16. Puig-Barrachina V., Vanroelen C., Vives A. et al. Measuring Employment Precariousness in the European Working Conditions Survey: The Social Distribution in Europe, *Work* 49, 2014, No. 49, pp. 143–161. DOI:10.3233/WOR-131645

17. Grodskii V.S. Kakoi dolzhna byt' ekonomika rossiiskoi tsivilizatsii [What the Economy of The Russian Civilization Should Be], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2020, Vol. 16, No. 1, pp. 9–20. (In Russ.).

THE IMPACT OF WAGE LEVELS ON THE QUALITY OF EMPLOYMENT AND ECONOMIC SUSTAINABILITY OF HOUSEHOLDS

The problem of compliance of the wage level of employees with social standards of living standards, having undoubted regional features, is relevant for all subjects of the Russian Federation. When determining the wage of organizations funded from regional budgets, we believe they should proceed from the general methodological basis for determining its size. In the article is analyzed the situation with the wage level of employees in the sector of organizations, which is the main segment of Russian employment. It has been revealed that the level of wages most strongly affects its quality and is one of the main indicators of precarious employment. The peculiarities of the distribution of employees by wage level are revealed, depending on the level of qualification of employees and their working conditions, taking into account the forms of ownership and the size of organizations. Based on the author's tools, the analysis of the impact of wage levels on the economic sustainability of households due to (not) achieving socially acceptable and higher standards of living is carried out. It is shown that for more than 80% of employees, the wage level currently does not allow to ensure such standards. A radical increase in the wage level is proposed

based on the development of industry-specific social wage standards. This will improve the quality of employment: reduce the scale of precarious employment, link the level of wages with the qualifications of employees and their working conditions, taking into account the characteristics of sectors of the Russian economy, as well as significantly increase the economic sustainability of households.

Keywords: quality of employment, wage level, standard of living, standards of monetary income, economic sustainability of households.

JEL: J17, J31

Дата поступления — 01.03.2024 г.

БОБКОВ Вячеслав Николаевич

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: bobkovvn@mail.ru

ОДИНЦОВА Елена Валерьевна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни;

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.

e-mail: odin_ev@mail.ru

BOBKOV Vyacheslav N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Researcher, Head of the Department of Socioeconomic Research of Quality and Standard of Living;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: bobkovvn@mail.ru

ODINTSOVA Elena V.

Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher of the Department of Socioeconomic Research of Quality and Standard of Living;

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.

e-mail: odin_ev@mail.ru

Для цитирования:

Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Влияние уровня заработной платы на качество занятости и экономическую устойчивость домохозяйств // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 77–95. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-77-95>

Е.А. ЛЯШЕНКО, А.Д. ЖУКОВСКИЙ

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Сегодня развитие экономических систем происходит в эпоху трансформаций, обуславливающих формирование новых моделей экономики. Россия не стала здесь исключением. Основным импульсом для трансформационных процессов в экономике нашей страны стали непосредственно связанные с политическими событиями антироссийские санкции со стороны США, Канады, европейских и других стран. Все это создает угрозы для политической, экономической и социальной безопасности России. В современных реалиях ключевой стратегической задачей преодоления данных кризисных явлений и шоков является формирование новой индустриализации, основанной на отечественных инновациях. В этих условиях важно оценить инновационный потенциал регионов с целью дальнейшей выработки управленческих решений. Авторами предложен и апробирован методический подход к оценке уровня инновационного развития субъектов Российской Федерации. Алгоритм данного подхода включает выборку официальных статистических данных, определение коэффициентов локализации, усреднение и оценку их динамики. Было определено, что за период 2011–2022 гг. улучшили свои показатели эффективности экономики и локализации инноваций менее трети российских регионов. Регионы-лидеры инновационного развития имеют высокий уровень локализации изучаемых характеристик. Регионы, характеризующиеся низкими коэффициентами локализации, являются традиционно отстающими и имеющими невысокие показатели экономического, в т.ч. инновационного, развития. Проблемы инновационного развития регионов под влиянием трансформационных процессов весьма многоаспектны, поэтому в ограниченном пространстве данной статьи дана только оценка инновационного развития на основе авторского методического подхода.
Ключевые слова: регион, инновационный потенциал территории, экономическое развитие региона, оценка локализация инновационной деятельности.

JEL: O10, O11, O30

На сегодня опубликовано большое количество работ, посвященных оценке инновационного развития регионов. Основными подходами к этой проблеме, по нашему мнению, являются два. Первый основан на использовании в динамике официальных статистических данных, характеризующих инновационное развитие территории. Второй, который мы считаем более корректным, включает расчет и оценку интегральных показателей. К ним относятся разного рода индексы, индикаторы и рейтинги, о чем достаточно подробно говорится в трудах [1–4]¹.

Одна из проблем исследований в рамках второго направления – *отсутствие* в открытом доступе *необходимой статистической информации*. Поэтому многие экономисты формируют свой авторский подход к оценке инновационного развития региона. В частности, И.Р. Руйга предлагает систематизировать показатели эффективности инновационного развития с позиции устойчивости, на основе чего определяется интегральный индекс и далее полученные результаты интерпретируются с позиции риска и угроз инновационного развития [7]. Коллектив исследователей в лице В.В. Кулибановой, Х.С. Пак и Д.А. Бацунова разработал методику определения индекса инновационного развития региона по средней геометрической на основе общедоступных статистических данных, сведенных в два подиндекса: потенциальных инновационных возможностей территории и результативности их использования [8]. Свои методики оценки инновационного развития региона предлагают [9–13] и многие другие. Примечателен опыт В.Н. Ряпухиной [14; 15], Ю.А. Дорошенко и др. [16], которые для оценки инновационного развития региона применили коэффициенты локализации, рассчитываемые по официальным статистическим данным, характеризующим инновационные результаты и необходимые для этого ресурсы. Коэффициенты локализации могут быть использованы для оценки территориального разнообразия социальных и экономических явлений и анализа пространственных связей [17].

Методический подход к исследованию

Опираясь на существующую теоретико-методологическую базу исследования инноваций, предлагаем методический подход к оценке инновационного развития регионов, включающий 4 этапа.

Этап 1. Выборка официальных статистических данных по направлениям:

- характеризующим инновационный потенциал территории;
- оценивающим эффективность экономики субъектов Российской Федерации.

¹ Из последних исследований в рамках этого подхода выделим работу [5], в которой систематизированы методики оценки инновационного развития регионов, включающие, например, такие, как Рейтинг инновационного развития регионов Высшей школы экономики, Карта российского инновационного пространства, Индекс инновационности регионов России Независимого института социальной политики и другие. Обратим внимание также работу [6], где обозначены векторы в разработанных на сегодня методических подходах к анализу инновационности регионов.

Структура используемой в методическом подходе информации может варьировать, исходя из имеющихся данных и целей анализа.

Этап 2. Определение коэффициентов локализации по выбранным показателям. Это позволяет оценить степень концентрации определенной характеристики на территории и провести сравнение регионов по данному параметру в динамике за ряд лет. Для расчета названных коэффициентов используется общеизвестный алгоритм. Относительный показатель может быть представлен в виде удельного веса или доли исследуемых количественных характеристик территории.

$$K_{\text{л}} = \frac{\text{Относительный показатель количественной характеристики регионов}}{\text{Относительный показатель количественной характеристики страны}} \quad (1)$$

Этап 3. Усреднение полученных коэффициентов локализации в пределах ранее обозначенных направлений, что позволяет получить интегральную оценку инновационного потенциала территории и эффективности ее экономики и определить зоны локализации данных характеристик региона.

Этап 4. Оценка динамики изменения усредненных коэффициентов локализации за исследуемый период на основе определения темпов прироста показателей, что позволяет произвести дальнейшее позиционирование региона в матрице.

Оценка тенденции инновационного развития субъектов Российской Федерации на основе авторского методического подхода

В рамках этапа 1 был сформирован перечень статистических данных, характеризующих развитие науки, инноваций и эффективность экономики России в 2011, 2015, 2020, 2022 гг. по 83 субъектам Федерации (из анализа исключены вновь присоединенные после 2014 г. территории). Выбор названных временных интервалов обусловлен следующими причинами.

Развитие России в 2011 г. оценивалось как позитивное (отсутствие каких-либо шоков для экономики, что выразилось положительным приростом ВВП, рекордным ростом инвестиций в экономику и т.п.). 2015 г. — второй год действия санкций, введенных в связи с присоединением Крыма и событиями на Донбассе. 2020 г. характеризуется глобальной трансформацией экономик всех стран в связи с пандемией *COVID-19*. В 2022 г. на наше государство со стороны внешнего мира было наложено восемь пакетов ограничительных мер, что вызвало изменение экономического пространства всего мира.

В связи с отсутствием необходимых годовых данных за 2011 или 2022 гг. при выборке *часть показателей была исключена*, в частности, показатели, рассчитываемые с использованием валового регионального продукта (доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей эконо-

мики, доля инвестиций в основной капитал, доля внутренних затрат на исследования и разработки и др.).

В *таблице 1* представлены используемые статистические данные и рассчитываемые на их основе две группы коэффициентов локализации, которые впоследствии будут усреднены.

Т а б л и ц а 1

**Система коэффициентов локализации, сформированная
на основе статистических данных по инновационной деятельности
и эффективности экономики региона**

Коэффициенты локализации (Кл)		Алгоритм расчета
<i>Характеризующие инновационную деятельность на территории</i>		
Усредненный коэффициент локализации – Кл ₁	Кл персонала, занятого НИР (Кл ₁)	$\frac{\text{Доля персонала, занятого НИР, в численности занятых в регионе}}{\text{Доля персонала, занятого НИР, в численности занятых в России}}$
	Кл организаций, осуществляющих технологические инновации (Кл ₂)	$\frac{\text{Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций региона}}{\text{Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций России}}$
	Кл выпуска инновационных товаров, работ, услуг (Кл ₃)	$\frac{\text{Доля инновационных товаров, работ, услуг в регионе}}{\text{Доля инновационных товаров, работ, услуг в России}}$
<i>Характеризующие эффективность экономики территории</i>		
Усредненный коэффициент локализации – Кл ₂	Кл износа основных фондов (Кл ₄)	$\frac{\text{Степень износа основных фондов в регионе}}{\text{Степень износа основных фондов в России}}$
	Кл инновационно активных организаций (Кл ₅)	$\frac{\text{Доля инновационных активных организаций в регионе}}{\text{Доля инновационных активных организаций в России}}$
	Кл изобретательской активности (Кл ₆)	$\frac{\text{Уровень изобретательской активности в регионе}}{\text{Уровень изобретательской активности в России}}$

Источник: составлено авторами.

В рамках этапа 2 были рассчитаны коэффициенты локализации в динамике за 2011, 2015, 2020, 2022 гг. по 83 субъектам Федерации.

Затем, в рамках этапа 3 проведено усреднение коэффициентов в пределах двух направлений, обозначенных выше в *таблице 1*. В качестве критериев определения зон локализации использованы соотношения:

Кл₁ > 1, Кл₂ > 1 – зона повышенной локализации инновационной деятельности и эффективности региональной экономики;

$Клу_1 > 1$, $Клу_2 < 1$ – зона повышенной локализации инновационной деятельности и сниженной локализации эффективности региональной экономики;

$Клу_1 < 1$, $Клу_2 > 1$ – зона сниженной локализации инновационной деятельности и повышенной локализации эффективности региональной экономики;

$Клу_1 < 1$, $Клу_2 < 1$ – зона сниженной локализации инновационной деятельности и эффективности региональной экономики.

Итоги расчетов представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

**Усредненные коэффициенты локализации инновационной деятельности
и эффективности региональной экономики в динамике
за 2011, 2015, 2020, 2022 гг.**

Субъект Российской Федерации	Усредненные коэффициенты локализации инновационной деятельности				Усредненные коэффициенты локализации эффективности экономики региона			
	2011	2015	2020	2022	2011	2015	2020	2022
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	0,619	0,742	1,333	1,115	0,818	0,923	1,073	1,130
Брянская область	0,667	0,980	0,895	0,630	0,740	0,700	0,724	0,777
Владимирская область	0,954	1,042	1,005	0,773	0,864	1,018	1,042	0,880
Воронежская область	1,043	1,225	1,068	0,841	1,188	1,187	1,142	0,992
Ивановская область	0,377	0,240	0,544	0,611	1,866	1,008	0,970	0,897
Калужская область	1,118	1,140	0,920	1,091	0,774	0,848	1,091	1,145
Костромская область	0,493	0,378	0,497	0,225	0,775	0,811	0,781	0,901
Курская область	0,724	0,639	0,765	0,714	1,148	0,972	0,927	0,804
Липецкая область	0,871	1,283	0,760	0,572	0,815	1,190	0,841	0,852
Московская область	1,284	1,568	1,625	1,551	0,907	0,914	1,281	1,615
Орловская область	0,805	0,420	0,684	0,427	1,054	0,808	0,912	1,070
Рязанская область	0,612	0,786	0,783	0,762	0,825	1,011	0,947	0,883
Смоленская область	0,352	0,403	0,515	0,573	0,698	0,720	0,705	0,910
Тамбовская область	0,572	0,687	0,647	0,689	0,700	0,811	0,961	0,726
Тверская область	0,989	0,721	0,974	0,881	0,717	0,832	0,930	0,929
Тульская область	1,217	1,142	1,515	1,287	0,888	0,956	1,064	0,929
Ярославская область	1,314	0,895	0,992	1,014	1,026	0,837	0,927	0,915

Источник: составлено авторами по [18].

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Москва	2,027	2,547	1,715	1,799	2,136	2,716	1,513	0,851
Республика Карелия	0,415	0,352	0,467	0,487	0,711	0,665	0,731	0,637
Республика Коми	0,706	0,421	0,388	0,471	0,698	0,610	0,794	0,917
Архангельская область	0,347	0,355	0,685	0,320	0,718	0,673	0,664	0,701
Архангельская область (без Ненецкого автономного округа)	0,352	0,422	1,053	0,453	0,781	0,685	0,643	0,705
Вологодская область	0,509	1,089	0,433	0,342	0,729	0,665	0,929	0,971
Калининградская область	0,257	0,292	0,354	0,347	0,511	0,529	0,624	0,700
Ленинградская область	0,641	0,674	0,512	0,639	0,787	0,723	0,691	0,724
Мурманская область	0,385	0,563	1,094	1,483	0,723	0,774	0,748	0,806
Новгородская область	0,608	0,624	0,631	0,957	0,729	0,795	0,855	0,864
Псковская область	0,526	0,398	0,311	0,282	0,783	0,720	0,801	0,731
Санкт-Петербург	1,990	1,772	1,969	1,866	1,581	1,454	2,478	1,538
Республика Адыгея	0,604	0,679	0,395	0,793	0,653	0,654	0,586	0,612
Республика Калмыкия	0,092	0,164	0,271	0,233	0,433	0,677	0,569	0,593
Краснодарский край	0,299	0,368	0,378	0,313	0,639	0,622	0,575	0,627
Астраханская область	0,404	0,750	0,237	0,269	0,629	0,646	0,754	0,903
Волгоградская область	0,614	0,443	0,464	0,541	0,830	0,819	0,873	0,857
Ростовская область	0,735	1,142	1,193	1,567	0,780	0,938	0,959	1,355
Республика Дагестан	0,100	0,316	0,223	0,406	0,793	0,564	0,483	0,465
Республика Ингушетия	0,043	0,302	0,611	0,239	0,444	0,405	0,374	0,354
Кабардино-Балкарская Республика	0,726	0,339	0,441	0,398	0,772	0,502	0,661	0,638
Карачаево-Черкесская Республика	1,480	0,188	0,395	0,396	0,570	0,434	0,481	0,420
Республика Северная Осетия-Алания	0,256	0,228	0,257	0,242	0,729	0,489	0,649	0,673
Чеченская республика	0,072	0,108	0,161	0,146	0,341	0,306	0,414	0,385
Ставропольский край	0,772	0,871	0,689	0,954	0,698	0,676	0,600	0,713
Республика Башкортостан	0,893	0,884	1,102	0,806	1,032	0,961	1,380	1,078
Республика Марий Эл	0,525	0,686	0,689	0,817	1,037	0,842	0,853	0,968

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Республика Мордовия	1,639	1,745	1,824	2,003	0,854	1,015	1,188	1,156
Республика Татарстан	1,619	1,802	1,826	2,176	1,215	1,424	1,410	1,764
Удмуртская Республика	0,783	0,599	0,989	1,017	1,025	0,873	0,940	1,010
Чувашская Республика	0,889	1,462	1,099	0,867	1,064	1,402	1,013	0,937
Пермский край	1,124	0,977	1,266	0,952	1,177	1,050	1,020	1,226
Кировская область	0,721	0,612	0,959	0,799	0,817	0,825	0,933	0,835
Нижегородская область	2,199	1,845	2,119	2,029	1,114	0,856	1,004	1,066
Оренбургская область	0,669	0,525	0,407	0,736	0,989	0,849	0,738	0,769
Пензенская область	1,042	1,106	1,204	0,889	1,034	1,070	1,055	0,975
Самарская область	1,845	1,191	1,108	1,216	1,013	0,824	1,138	1,237
Саратовская область	0,465	0,586	0,495	0,491	0,779	0,750	0,837	0,875
Ульяновская область	1,661	0,973	1,475	1,299	1,029	0,836	1,197	1,125
Курганская область	0,669	0,359	0,610	0,489	1,089	0,630	1,011	0,961
Свердловская область	1,019	0,936	1,106	1,181	1,088	0,904	1,056	1,140
ХМАО	0,601	0,368	0,413	0,281	0,737	0,678	0,836	0,775
ЯНАО	0,358	0,266	0,169	0,138	0,795	0,789	0,787	0,800
Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	0,511	0,607	1,246	0,775	0,672	1,003	0,879	0,804
Челябинская область	0,568	0,592	0,715	1,199	0,885	0,824	0,844	0,899
Республика Алтай	1,046	0,486	0,448	0,649	0,963	0,633	0,470	0,475
Республика Тыва	0,264	0,219	0,245	0,195	0,528	0,487	0,607	0,429
Республика Хакасия	0,260	0,131	0,180	0,153	0,480	0,393	0,482	0,528
Алтайский край	0,562	0,702	0,605	0,518	0,867	0,914	1,102	0,887
Красноярский край	0,566	0,685	0,754	0,660	0,961	0,826	0,859	0,903
Иркутская область	0,394	0,508	0,425	0,393	0,654	0,783	0,732	0,750
Кемеровская область	0,226	0,284	0,372	0,285	0,704	0,618	0,685	0,716
Новосибирская область	1,272	1,467	1,262	1,426	0,908	0,966	0,915	1,096
Омская область	0,815	0,724	1,402	1,044	0,781	0,739	0,878	0,843
Томская область	0,734	0,748	0,700	0,604	1,571	1,450	1,685	1,627
Республика Бурятия	0,626	0,293	0,419	0,960	0,810	0,614	0,581	0,607

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Республика Саха (Якутия)	0,405	0,422	0,433	0,457	0,704	0,677	0,752	0,943
Забайкальский край	1,224	0,607	0,260	0,254	0,536	0,535	0,482	0,475
Камчатский край	0,817	0,495	0,478	0,368	1,103	0,754	0,774	0,616
Приморский край	0,721	0,512	0,719	0,789	0,920	0,664	0,729	0,784
Хабаровский край	0,803	0,962	1,483	1,058	0,993	0,802	0,676	0,694
Амурская область	0,713	0,557	0,433	0,419	0,742	0,747	0,692	0,674
Магаданская область	1,219	0,962	0,342	0,400	1,602	0,871	0,711	0,707
Сахалинская область	3,351	1,028	0,491	0,441	0,373	0,427	0,649	0,664
Еврейская автономная область	0,250	0,257	0,253	0,183	0,404	0,637	0,730	0,634
Чукотский автономный округ	0,470	0,719	0,201	0,242	0,801	0,991	0,620	0,571
Число регионов с коэффициентом локализации более 1	21	18	24	20	22	14	21	17
Число регионов с коэффициентом локализации менее 1	62	65	59	63	61	69	62	66

Оценка зон локализации выявила довольно *четкие тенденции* по ряду регионов. Так, в Санкт-Петербурге и Республике Татарстане во всех временных периодах коэффициент локализации превышал 1 или 2, что характеризует данные регионы как территории с наиболее высокими уровнями инновационного развития и эффективности экономики. Также к этой группе можно отнести Москву (исключением здесь стал 2022 г., в котором коэффициент локализации был менее 1).

Названные регионы, согласно Рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации, составляемому ежегодно Высшей школой экономики, являются постоянными лидерами в области инновационной деятельности. Другой рейтинг, а именно Рейтинг регионов *SMART* (Ассоциация инновационных регионов России), подтверждает высокие позиции Москвы, Санкт-Петербурга и Республики Татарстан. Московская, Тульская, Нижегородская, Самарская, Новосибирская, Воронежская, Калужская, Ростовская, Пензенская, Ульяновская, Свердловская области, Республика Мордовия также показали высокий инновационный потенциал в каждом или почти в каждом исследуемом году: коэффициент локализации превышал 1. Таким образом, вышеназванные субъекты Федерации продемонстрировали устойчивость инновационного развития в периоды внешних трансформационных воздействий.

Крайне низкие значения коэффициента локализации инновационной деятельности показали регионы с традиционно невысоким уровнем социально-экономического и инновационного развития: Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Республика Тыва, Республика Хакасия, Забайкальский край, Еврейская автономная область.

Обратим внимание на составляющее менее 1 значение коэффициента локализации инновационной деятельности по Томской области, которая в соответствии с рейтингами относится к территории с высокими инновационными возможностями. Несмотря на данное обстоятельство, область демонстрирует высокие значения коэффициента локализации эффективности экономики. Если проанализировать составляющие усредненного коэффициента, то можно отметить, что область обладает высоким научно-исследовательским потенциалом, поскольку уровень изобретательской активности по коэффициенту локализации — один из самых высоких в стране.

По большинству других субъектов Российской Федерации усредненные коэффициенты локализации в основном не превышают 1, что согласуется с общеизвестными рейтингами социально-экономического и инновационного развития российских территорий. Число регионов с коэффициентом локализации более 1 за весь период не превышает трети от всех; диапазон значений доли таких регионов варьируется от 16,9 до 28,9%.

В рамках этапа 4 проведена оценка динамики «самочувствия» регионов в годы наибольших трансформационных воздействий. Изменения коэффициентов локализации можно систематизировать по 4 группам:

1. Положительные темпы прироста усредненных коэффициентов инновационной деятельности и эффективности экономики региона.

2. Положительный темп прироста усредненного коэффициента инновационной деятельности и отрицательный — по эффективности экономики региона.

3. Отрицательный темп прироста усредненного коэффициента инновационной деятельности и положительный — по эффективности экономики региона.

4. Отрицательные темпы прироста усредненных коэффициентов инновационной деятельности и эффективности экономики региона.

Исходя из данных критериев проведем позиционирование регионов в матрице.

Как показано в *таблице 3*, за 2011–2022 гг. только 24 региона из 83 (28,9%) улучшили свои позиции по инновационному и экономическому развитию. В 22 регионах (26,5%) произошло замедление роста по обоим направлениям. В 14 регионах (16,9%) продемонстрировали положительный рост показатели инновационной деятельности одновременно со снижением эффективности региональной экономики. В 23 регионах (27,7%), наоборот, произошло повышение эффективности экономики на фоне замедления инновационного развития территории.

Таким образом, *только 24 субъекта Федерации смогли улучшить свои показатели*. В остальных регионах наблюдается замедление экономиче-

ского и инновационного развития и ухудшение ситуации, на что, безусловно, повлияли внешние трансформационные факторы.

Т а б л и ц а 3

**Позиционирование субъектов Российской Федерации по критерию
динамики изменения коэффициентов локализации**

Ситуация	Повышение эффективности экономики региона	Снижение эффективности экономики региона
Активизация инновационного развития региона	Белгородская область, Московская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тульская область, Калининградская область, Мурманская область, Новгородская область, Республика Калмыкия, Ростовская область, Чеченская республика, Ставропольский край, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Кировская область, Саратовская область, Свердловская область, Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО), Челябинская область, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Республика Саха (Якутия)	Ивановская область, Республика Карелия, Архангельская область (кроме Ненецкого автономного округа), Республика Адыгея, Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Оренбургская область, Красноярский край, Республика Бурятия, Приморский край, Хабаровский край
Замедление инновационного развития региона	Брянская область, Владимирская область, Калужская область, Костромская область, Липецкая область, Орловская область, Тверская область, Республика Коми, Вологодская область, Астраханская область, Волгоградская область, Республика Башкортостан, Пермский край, Самарская область, Ульяновская область, ХМАО, ЯНАО, Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская область, Томская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область	Воронежская область, Курская область, Ярославская область, Москва, Архангельская область, Ленинградская область, Псковская область, Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чувашская Республика, Нижегородская область, Пензенская область, Курганская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Забайкальский край, Камчатский край, Амурская область, Магаданская область, Чукотский автономный округ

Источник: составлено авторами.

Оценка значений темпов прироста усредненных коэффициентов локализации показала, что значимое изменение уровня инновационного развития произошло в следующих регионах: Белгородская (+80,09%), Ивановская (+62,21%), Костромская (+54,47%), Смоленская (+62,49%), Мурманская (+285,11%), Новгородская (+57,39%), Ростовская (+113,12%), Челябинская (+110,90%), Магаданская (–67,19%), Сахалинская (–86,85%) области, Калмыкия (+152,85%), Дагестан (+307,33%), Ингушетия (+461,81%), Карачаево-Черкесская Республика (–73,25%), Чеченская Республика (+102,75%), Ханты-Мансийский автономный округ (–53,15%), Ямало-Ненецкий автономный округ (–61,53%), Забайкальский край (–79,24%), Камчатский край (–54,97%).

Анализ значений темпов прироста усредненных коэффициентов локализации, характеризующих эффективность региональной экономики, выявил существенные изменения по следующим субъектам Российской Федерации: Ивановская (-51,94%), Московская (+78,01%), Ростовская (+73,87%), Сахалинская (+77,86%), Еврейская автономная области (+56,99%), Москва (-60,15%), Республика Алтай (-50,67%).

Заключение

Современный период характеризуется воздействием трансформационных факторов не только на глобальный мир, но и на Россию в частности. С целью определения тенденций экономического, в т.ч. инновационного, развития российских регионов в условиях санкций со стороны внешнего мира, вводимых с 2014 г. и по настоящее время, а также пандемии *COVID-19* авторами проведено исследование, базирующееся на применении методического подхода, в основе которого лежит использование коэффициентов локализации. Они позволяют оценить концентрацию определенной количественной характеристики территории в изучаемом регионе.

Анализ степени локализации инновационной деятельности и эффективности региональной экономики показал, что только 28,9% субъектов Российской Федерации с 2011 по 2022 г. улучшили свои показатели, в частности, вариативно для разных регионов изменились коэффициенты локализации: персонала, занятого НИР; организаций, осуществляющих технологические инновации; инновационных товаров, работ, услуг; износа основных фондов, инновационно активных организаций; изобретательской активности.

Позиционирование регионов показало, что по ряду субъектов Федерации (Москва, Санкт-Петербург и Республика Татарстан), являющихся традиционно сильными в инновационном и социально-экономическом аспектах, коэффициенты локализации всегда превышают единицу во все временные интервалы, что характеризует эти регионы как устойчивые и адаптирующиеся к трансформационным воздействиям извне. Напротив, регионы, занимающие последние строки в различных рейтингах и являющиеся слабыми, характеризуются низкими коэффициентами локализации (менее 0,1–0,3). Таких регионов насчитывается примерно четверть от исследуемых.

Кроме того, позиционированы территории, имеющие разнонаправленные векторы активизации и замедления инновационного и экономического развития. К ним относятся 45% исследуемых субъектов Российской Федерации.

Таким образом, авторский методический подход позволяет на основе использования принципа локализации оценить инновационное развитие регионов в свете эффективности их экономики, что в дальнейшем может быть использовано при разработке и реализации антикризисных мер со стороны государства.

Список литературы

1. Митяков С.Н. Инновационное развитие регионов России: методика рейтингования // *Инновации*. 2017. № 9. С. 97–104.
2. Михеева Н.Н. К вопросу об инновационных рейтингах российских регионов // *Современные производительные силы*. 2013. № 2. С. 54–67.
3. Тихий В.И., Корева О.В. Региональный индекс инноваций: методика расчета и ее применение для оценки инновационного развития регионов // *Инновации в обществе: сборник статей*. Орел, 2017. С. 15–19.
4. Яшин С.Н. Метод расчета интегрального индекса инновационного развития региона // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2017. № 10 (4). С. 360–374.
5. Митус А.А., Гармашова Е.П., Баранов А.Г., Дребот А.М. Методика оценки инновационного развития региона (на примере регионов Южного федерального округа) // *Креативная экономика*. 2020. № 14 (12). С. 3259–3276.
6. Третьякова Е.А., Носков А.А. Инновационная деятельность регионов Северо-Западного Федерального округа: сопоставительный оценочный анализ // *Балтийский регион*. 2021. № 13 (1). С. 4–22.
7. Руйга И.Р. Эмпирическая оценка эффективности устойчивого инновационного развития регионов ресурсного типа // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 14 (12). С. 1863–1872.
8. Кулибанова В.В., Пак Х.С., Бацунов Д.А. Разработка методики измерения уровня инновационного развития региона // *т-Есопому*. 2023. № 16 (2). С. 75–86.
9. Киселев В.Н. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации // *Инновации*. 2010. № 4. С. 44–55.
10. Лавриненко А.Р. Индекс инновационного развития регионов Республики Беларусь: методика построения и стратегический анализ // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки*. 2014. № 5. С. 28–37.
11. Макарук О. Комплексный индекс инновационного развития регионов // *Наука и инновации*. 2017. № 1 (167). С. 38–42.
12. Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Комплексная оценка устойчивости региональных систем // *т-Есопому*. 2022. № 15 (3). С. 51–63.
13. Францева М.В. Разработка подходов к оценке научно-технологического развития на основе сравнительного анализа ключевых показателей, используемых в международной и российской практике // *Управление наукой и наукометрия*. 2023. № 18 (2). С. 248–269.
14. Ряпухина В.Н. Инструментарий оценки степени локализации инновационной деятельности в регионе // *Креативная экономика*. 2018. № 12 (7). С. 953–964.
15. Ряпухина В.Н. Оценка эффективности инновационного развития регионов: методика и построение рейтинга // *Вопросы инновационной экономики*. 2018. № 8 (3). С. 391–404.
16. Дорошенко Ю.А., Старикова М.С., Ряпухина В.Н. Выявление моделей индустриально-инновационного развития региональных экономических систем // *Экономика региона*. 2022. № 18 (1). С. 78–91.
17. Голяшев А.В., Кельман Ю.Ф. Индекс локализации в социальной и экономической географии: традиция и новые подходы // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 3 (46). С. 376–380.
18. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 17.10.2023).

References

1. Mitiakov S.N. Innovatsionnoe razvitie regionov Rossii: metodika reitingovaniia [Innovative Development of Russian Regions: Rating Methodology], *Innovatsii* [Innovations], 2017, No. 9, pp. 97–104. (In Russ.).
2. Mikheeva N.N. K voprosu ob innovatsionnykh reitingakh rossiiskikh regionov [On the Issue of Innovation Ratings of Russian Regions], *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern Productive Forces], 2013, No. 2, pp. 54–67. (In Russ.).
3. Tikhii V.I., Koreva O.V. Regional'nyi indeks innovatsii: metodika rascheta i ee primeneniye dlia otsenki innovatsionnogo razvitiia regionov [Regional Innovation Index: Calculation Methodology and Its Application to Assess the Innovative Development of Regions], *Innovatsii v obshchestve: sbornik statei* [Innovations in Society: Collection of Articles], Orel, 2017, pp. 15–19. (In Russ.).
4. Iashin S.N. Metod rascheta integral'nogo indeksa innovatsionnogo razvitiia regiona [The Method of Calculating the Integral Index of Innovative Development of the Region], *Finansovaya analitika: problemy i resheniia* [Financial Analytics: Problems and Solutions], 2017, No. 10 (4), pp. 360–374. (In Russ.).
5. Mitus A.A., Garmashova E.P., Baranov A.G., Drebot A.M. Metodika otsenki innovatsionnogo razvitiia regiona (na primere regionov Iuzhnogo federal'nogo okruga) [Methodology for Assessing the Innovative Development of the Region (on the Example of the Regions of the Southern Federal District)], *Kreativnaia ekonomika* [Creative Economy], 2020, No. 14 (12), pp. 3259–3276. (In Russ.).
6. Tret'iakova E.A., Noskov A.A. Innovatsionnaia deiatel'nost' regionov Severo-Zapadnogo Federal'nogo okruga: sopostavitel'nyi otsenochnyi analiz [Innovative Activity of the Regions of the North-Western Federal District: Comparative Evaluation Analysis], *Baltiiskii region* [The Baltic Region], 2021, No. 13 (1), pp. 4–22. (In Russ.).
7. Ruiga I.R. Empiricheskaya otsenka effektivnosti ustoichivogo innovatsionnogo razvitiia regionov resursnogo tipa [Empirical Assessment of the Effectiveness of Sustainable Innovative Development of Resource-Type Regions], *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanities], 2021, No. 14 (12), pp. 1863–1872. (In Russ.).
8. Kulibanova V.V., Pak Kh.S., Batsunov D.A. Razrabotka metodiki izmereniia urovnia innovatsionnogo razvitiia regiona [Development of a Methodology for Measuring the Level of Innovative Development of the Region], *⌘-Economy* [⌘-Economy], 2023, No. 16 (2), pp. 75–86. (In Russ.).
9. Kiselev V.N. Sravnitel'nyi analiz innovatsionnoi aktivnosti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Comparative Analysis of Innovation Activity of the Subjects of the Russian Federation], *Innovatsii* [Innovations], 2010, No. 4, pp. 44–55. (In Russ.).
10. Lavrinenko A.R. Indeks innovatsionnogo razvitiia regionov Respubliki Belarus': metodika postroeniia i strategicheskii analiz [The Index of Innovative Development of the Regions of the Republic of Belarus: Methodology of Construction and Strategic Analysis], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences], 2014, No. 5, pp. 28–37. (In Russ.).
11. Makaruk O. Kompleksnyi indeks innovatsionnogo razvitiia regionov [Comprehensive Index of Innovative Development of Regions], *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2017, No. 1 (167), pp. 38–42. (In Russ.).
12. Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Iu. Kompleksnaia otsenka ustoichivosti regional'nykh sistem [Comprehensive Assessment of the Sustainability of Regional Systems], *⌘-Economy* [⌘-Economy], 2022, No. 15 (3), pp. 51–63. (In Russ.).

13. Frantseva M.V. Razrabotka podkhodov k otsenke nauchno-tekhnologicheskogo razvitiia na osnove sravnitel'nogo analiza kliuchevykh pokazatelei, ispol'zuemykh v mezhdunarodnoi i rossiiskoi praktike [Development of Approaches to the Assessment of Scientific and Technological Development Based on a Comparative Analysis of Key Indicators Used in International and Russian Practice], *Upravlenie naukoj i naukometriia* [Science Management and Scientometry], 2023, No. 18 (2), pp. 248–269. (In Russ.).

14. Riapukhina V.N. Instrumentarii otsenki stepeni lokalizatsii innovatsionnoi deiatel'nosti v regione [Tools for Assessing the Degree of Localization of Innovation Activity in the Region], *Kreativnaia ekonomika* [Creative Economy], 2018, No. 12 (7), pp. 953–964. (In Russ.).

15. Riapukhina V.N. Otsenka effektivnosti innovatsionnogo razvitiia regionov: metodika i postroenie reitinga [Assessment of the Effectiveness of Innovative Development of Regions: Methodology and Rating], *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki* [Issues of Innovative Economics], 2018, No. 8 (3), pp. 391–404. (In Russ.).

16. Doroshenko Iu.A., Starikova M.S., Riapukhina V.N. Vyivlenie modelei industrial'no-innovatsionnogo razvitiia regional'nykh ekonomicheskikh system [Identification of Models of Industrial and Innovative Development of Regional Economic Systems], *Ekonomika regiona* [The Economy of the Region], 2022, No. 18 (1), pp. 78–91. (In Russ.).

17. Goliashv A.V., Kel'man Iu.F. Indeks lokalizatsii v sotsial'noi i ekonomicheskoi geografii: traditsiia i novye podkhody [Localization Index in Social and Economic Geography: Tradition and New Approaches], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* [The World of Science, Culture, and Education], 2014, No. 3 (46), pp. 376–380. (In Russ.).

18. Ofitsial'naia statistika [Official statistics], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)* [Federal State Statistics Service (Rosstat)]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed 17 October 2023).

ASSESSMENT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONS IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

Today, the development of economic systems is taking place in an era of transformations that lead to the formation of new economic models. Russia is no exception here. The main impetus for the transformation processes in our country's economy was the anti-Russian sanctions directly related to political events from the United States, Canada, European and other countries. All this poses threats to Russia's political, economic and social security. Therefore, in modern realities caused by sanctions pressure, the key strategic task of overcoming crisis phenomena and shocks is the formation of a new industrialization based on domestic innovations. It is important to assess the innovative potential of the regions in order to further develop management decisions. The authors proposed and tested a methodological approach to assessing the level of innovative development of the subjects of the Russian Federation. The algorithm of this approach includes sampling official statistical data, determining localization coefficients, averaging and evaluating their dynamics. It was determined that in the period 2011-2022, less than a third of Russian regions improved their economic efficiency and innovation localization indicators. The leading regions of innovative development have a high level of localization of the studied characteristics. Regions characterized by low localization coefficients are traditionally lagging behind and have low indicators of economic, including innovative development. The problems of innovative development of regions under the

influence of transformational processes are very multidimensional, therefore, in the limited space of this article, only an assessment of innovative development based on the author's methodological approach is given.

Keywords: region; innovative potential of the territory; economic development of the region; assessment of localization of innovative activity.

JEL: O10, O11, O30

Дата поступления — 16.02.2024 г.

ЛЯШЕНКО Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный экономический университет» / ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45, г. Екатеринбург, 620144.

e-mail: lyashea@usue.ru

ЖУКОВСКИЙ Андрей Дмитриевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление»

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» / Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, 125176.

e-mail: adzhukovskij@fa.ru

LYASHENKO Elena A.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ural State University of Economics» / 62/45, 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144.

e-mail: lyashea@usue.ru

ZHUKOVSKII Andrei D.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration;

Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation» / 49/2, Leningradsky Av., Moscow, 125167.

e-mail: adzhukovskij@fa.ru

Для цитирования:

Ляшенко Е.А., Жуковский А.Д. Оценка инновационного развития регионов в условиях структурной трансформации экономики // *Федерализм*. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 96–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-96-110>

Л.Н. ЛЫКОВА

ИТОГИ 2023 г. ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ. ПРОСМАТРИВАЕТСЯ ЛИ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ? *

Благоприятная в целом ситуация с исполнением консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2023 г. связана с позитивной динамикой ключевых макроэкономических показателей, выразившейся в росте налоговых доходов бюджетов. В условиях в целом высоких темпов роста налоговых доходов безвозмездные поступления из федерального бюджета показали незначительный номинальный рост. В большинстве регионов имело место сокращение безвозмездных поступлений, что может косвенно свидетельствовать о намечившемся пересмотре сложившейся модели межбюджетных отношений. Просматривается определенная зависимость динамики трансфертов от динамики налоговых доходов и наличия средств (прошлогодных профицитов) на бюджетных счетах субъектов Российской Федерации. Структура налоговых поступлений в разрезе видов экономической деятельности пока не показывает существенных изменений. Просматривается выраженное сокращение доли оптовой и розничной торговли на фоне роста доли финансового сектора и добывающих видов деятельности. Расходы региональных бюджетов в 2023 г. росли более активно, чем доходы, что привело к формированию дефицита консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. Различающиеся темпы роста бюджетных расходов имеют своим следствием продолжающуюся концентрацию расходов регионального уровня в относительно узкой группе наиболее мощных с точки зрения экономического потенциала регионов. Увеличение объема накопленного государственного субфедерального долга происходит в условиях активного замещения рыночных форм долговых обязательств кредитами Минфина России.

Ключевые слова: налог на прибыль организаций, налоговые доходы бюджета, налог на доходы физических лиц, региональные бюджеты, субъект Российской Федерации, межбюджетные трансферты, государственный долг субъектов Российской Федерации.

JEL: H20, H50, H60, H77

* Статья подготовлена в рамках совместной деятельности ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», ФГБУН «Институт экономики РАН» и ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН» в составе консорциума «Региональная политика», созданного в рамках ПСАЛ «Приоритет-2030».

Экономическая ситуация 2023 г. в России в целом *характеризовалась позитивной динамикой* ряда макроэкономических показателей. Так, по предварительным оценкам, ВВП превысил значения 2022 г. на 3,6%, а реальные располагаемые доходы увеличились на 5,4% [1]. Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности составил 105,1, а индекс промышленного производства – 103,5. При этом динамика цен существенно опережала эти показатели – индекс потребительских цен составил 105,9, а индекс цен производителей – 104,0 [2].

Динамика промышленного производства существенно различалась по регионам страны. Наиболее высокими были значения индекса промышленного производства в Камчатском крае и Чувашской Республике, где они составили 129,5 и 127,2 соответственно. В то же время в 19 субъектах Российской Федерации (далее – субъекты РФ) имело место сокращение промышленного производства. Это в основном регионы с высокой долей добывающих видов экономической деятельности, преимущественно связанной с добычей углеводородов (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, Красноярский край, Иркутская область и некоторые др.). Сокращение объемов производства в некоторых из них затронуло не только добывающие виды экономической деятельности, но и перерабатывающие [3]. В то же время в ряде регионов на фоне сокращения объемов производства в добывающих видах деятельности активизировались перерабатывающие виды (Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Татарстан). Различающаяся динамика двух составляющих отечественной промышленности наряду с различной динамикой и других видов экономической деятельности в субъектах РФ не могла не сказаться на доходах субфедеральных бюджетов и в целом на исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2023 г.

Динамика и структура доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ

Доходы консолидированных бюджетов субъектов Федерации по итогам 2023 г. сложились в сумме 22 325,1 млрд руб., превысив показатели 2022 г. на 12,9%, или на 2 558,2 млрд руб. (см. табл. 1). В реальном исчислении прирост доходов региональных бюджетов был не столь значительным и составил 6,7%. Необходимо отметить, что *поступления налоговых доходов росли более быстрыми темпами, чем общая сумма доходов*. Так, налоговые доходы субфедеральных бюджетов (налоговые доходы, администрируемые ФНС) по итогам 2023 г. возросли на 16,7%, или на 2 360,6 млрд руб. (на 10,2% в реальном исчислении).

Динамика общей суммы налоговых поступлений в консолидированные бюджеты субъектов РФ различалась по регионам. В подавляющем большинстве из них наблюдался рост налоговых доходов, и только в 8 субъектах РФ налоговые доходы сократились (см. табл. 2). Еще в 5 регионах темпы роста налоговых доходов были ниже темпов инфляции.

Т а б л и ц а 1

**Показатели исполнения консолидированных бюджетов
субъектов РФ в 2022–2023 гг.**

Показатели	2022, млрд руб.	2023, млрд руб.	2023, % к 2022	Прирост 2023 по сравнению с 2022, млрд руб.
Доходы — всего	19 676,9	22 325,1	112,9	2 648,2
В т.ч.:				
Налог на прибыль	4 686,5	6 003,9	128,1	1 317,4
НДФЛ	5 580,1	6 379,6	114,3	799,5
в т.ч. исчисленный по ставке 15%	1 016,1	987,2	097,2	-28,9
Акцизы	1 116,9	1 189,6	106,5	72,7
в т.ч.:				
на автомобильный бензин	389,2	399,8	102,7	10,6
на дизельное топливо	352,5	386,8	109,7	34,3
на пиво	181,8	194,4	106,9	12,6
иные акцизы	193,4	208,6	106,5	15,2
Налоги на имущество	1 632,2	1 683,1	103,1	50,9
Налоги на совокупный доход	980,6	1 033,8	105,4	53,2
в т.ч.:				
упрощенная система налогообложения	885,0	951,9	107,6	66,9
патентная система	43,8	19,3	44,1	-24,5
налог на профессиональный доход	37,5	37,3	99,6	-0,2
Безвозмездные поступления	3 921,3	4 028,9	102,7	107,6
в т.ч.:				
дотации	1 019,9	1 551,0	152,1	531,1
субсидии	1 669,2	1 575,9	94,4	-93,3
субвенции	428,5	279,2	65,2	-149,3
иные межбюджетные трансферты	803,7	622,8	77,5	-180,9
Расходы — всего	1 9626,3	22 525,3	114,8	2 899,0
Сальдо	50,6	-200,2		

Источник: рассчитано по [4; 5].

Общая сумма потерь налоговых доходов в этих регионах составила 106,8 млрд руб. Наиболее существенное сокращение налоговых доходов (по абсолютным значениям) имело место в Санкт-Петербурге — его на-

логовые доходы сократились на 36,1 млрд руб., что составляет более 33,0% общей суммы потерь налоговых доходов региональных бюджетов в 2023 г. по сравнению с предшествующим годом. Для консолидированного бюджета этого субъекта РФ такие потери были относительно невелики — всего 3,5%.

Т а б л и ц а 2

**Динамика налоговых доходов в некоторых субъектах РФ,
2023 г. по сравнению с 2022 г.**

Субъект РФ	Темп роста, 2023 к 2022, %	Прирост, 2023 по сравнению с 2022, млрд руб.	Доля в приросте/ потерях, %
<i>Группа субъектов РФ с сокращением налоговых доходов</i>			
Республика Ингушетия	75,7	-1,8	1,7
Республика Хакасия	82,7	-7,2	6,7
Ненецкий автономный округ	83,6	-4,4	4,1
Республика Коми	86,0	-17,0	16,0
Кемеровская область	90,9	-24,4	22,9
Астраханская область	93,3	-4,4	4,2
Сахалинская область	94,2	-11,4	10,7
Санкт-Петербург	96,5	-36,1	33,8
Итого потери		-106,8	100,0
<i>Группа субъектов РФ с наиболее высокими темпами роста налоговых доходов</i>			
Ленинградская область	130,3	61,8	2,5
Липецкая область	135,3	24,9	1,0
Мурманская область	139,5	38,6	1,6
Республика Саха (Якутия)	139,5	66,2	2,7
Республика Калмыкия	140,0	3,4	0,1
Забайкальский край	145,4	23,6	1,0
Ханты-Мансийский автономный округ	163,8	212,3	8,6
<i>Субъекты РФ с наиболее значительными абсолютными показателями прироста налоговых доходов</i>			
Москва	119,2	613,8	24,9
Московская область	118,3	161,0	6,5
Свердловская область	127,7	93,1	3,8

Источник: рассчитано по [6; 7].

Существенное сокращение налоговых доходов имело место в Кемеровской области. По итогам 2023 г. доходы консолидированного бюджета области от налогов составили 90,9% от уровня предшеству-

ющего года и уменьшились на 24,4 млрд руб. Таким образом, на этот субъект РФ приходится 22,9% общей суммы потерь. Ощутимыми были потери налоговых доходов для Республики Коми и Сахалинской области. В этих трех субъектах РФ имело место сокращение объемов производства по виду деятельности «добыча полезных ископаемых». Но если в Кемеровской области и Республике Коми сокращение объемов производства в добывающих видах деятельности привело к снижению в целом индекса промышленного производства, то в Сахалинской области промышленное производство в обрабатывающих видах деятельности росло опережающими темпами, но *налоговые поступления от перерабатывающих видов деятельности не компенсировали падение от добывающих.*

Наиболее высокие темпы роста налоговых поступлений в 2023 г. демонстрирует бюджет Ханты-Мансийского автономного округа, доходы которого возросли на 63,8% (на 212,3 млрд руб.). Это отчасти следствие относительно низкой базы прошлого года. По абсолютным показателям наиболее значительно увеличились налоговые поступления в бюджет Москвы (на 613,8 млрд руб.), обеспечив тем самым 24,9% общей суммы прироста налоговых доходов. На четыре субъекта РФ (Москва, Ханты-Мансийский автономный округ, Московская и Свердловская области) приходится 43,8% общей суммы прироста налоговых доходов.

Обращает на себя внимание существенно различающаяся динамика налоговых и безвозмездных поступлений в консолидированные бюджеты субъектов РФ. На фоне в целом высоких темпов роста налоговых доходов безвозмездные поступления из федерального бюджета превысили показатели 2022 г. на 2,7% (см. табл. 1). С учетом темпов инфляции они составили всего 97,0% прошлогодних сумм. При этом общая сумма безвозмездных поступлений без учета таковых, поступающих в бюджеты новых субъектов РФ, оказалась ниже значений предшествующего года на 11,1% (на 16,1% в реальном исчислении).

Динамика основных видов безвозмездных поступлений в 2023 г. существенно отличалась от предшествующих лет – росли только дотации. И субсидии, и субвенции, и иные межбюджетные трансферты сокращались. Если *в последние годы* в целом просматривался определенный сдвиг в пользу целевых видов поддержки, то *в 2023 г. ситуация изменилась.* Целевые виды помощи сократились, а нецелевые (дотации) – выросли. Так, общая сумма дотаций увеличилась по сравнению с показателями предшествующего года на 52,1%, или на 531,1 млрд руб. В то же время субсидии региональным бюджетам сократились на 93,3 млрд руб. (на 5,6%), субвенции – на 149,3 млрд руб. (на 34,8%), а иные межбюджетные трансферты – на 180,9 млрд руб. (на 22,5%).

Ситуация с сокращением межбюджетных трансфертов на фоне выраженного роста налоговых доходов выглядит вполне логичной в условиях напряженности с исполнением федерального бюджета. В то же время такой подход может косвенно свидетельствовать *о наметившемся пересмотре сложившейся модели межбюджетных отношений.* Отчасти об этом свидетельствует и динамика межбюджетных трансфертов и на-

логовых доходов по отдельным субъектам РФ. Так, по итогам 2023 г. в зависимости от сочетания темпов роста налоговых доходов и безвозмездных поступлений из федерального бюджета можно выделить следующие четыре группы¹ (см. табл. 3).

В семи субъектах РФ имело место сокращение безвозмездных поступлений на фоне снижения объема налоговых доходов. При этом необходимо отметить, что во всех регионах данной группы в 2022 г. бюджеты были исполнены с профицитами, зачастую весьма существенными. По некоторым регионам сокращение безвозмездных поступлений корреспондировало с показателями прошлых годов профицитов (например, в Республике Коми).

Т а б л и ц а 3

Группировка субъектов РФ в зависимости от динамики налоговых доходов и безвозмездных поступлений в 2023 г.

Сочетание показателей	Число регионов в группе	Субъекты РФ (примеры)
Сокращение налоговых доходов и сокращение безвозмездных поступлений	7	Санкт-Петербург, Кемеровская область, Республика Коми, Сахалинская область, Астраханская область, Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия
Сокращение безвозмездных поступлений, которое не компенсировалось ростом налоговых доходов	8	Республики Дагестан, Мордовия, Тыва, Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Самарская, Калининградская и Архангельская области
Сокращение безвозмездных поступлений было компенсировано ростом налоговых доходов	46	Москва, Ленинградская, Свердловская, Ростовская, Тюменская, Вологодская, Волгоградская области, Республики Татарстан, Башкортостан, Красноярский, Пермский, Хабаровский края и др.
Безвозмездные поступления росли (на фоне роста или сокращения налоговых доходов)	24	Республики Хакасия, Бурятия, Алтай, Белгородская, Рязанская, Московская, Новгородская области, Чеченская республика, Краснодарский край и др.

Источник: составлено по [6; 7; 8].

Еще в 8 регионах сокращение безвозмездных поступлений имело место на фоне роста налоговых доходов. Но этого роста было недостаточно, чтобы компенсировать снижение трансфертов. В большинстве регионов сокращение трансфертов было компенсировано ростом налоговых доходов (46 субъектов РФ). Только в 24 субъектах РФ безвозмездные поступления из федерального бюджета в 2023 г. превысили показатели предшествующего года. В целом просматривается определенная зависимость динамики трансфертов от динамики налоговых доходов и наличия средств (прошлых годов профицитов) на бюджетных счетах субъектов РФ.

Остановимся более подробно на отраслевой структуре налоговых поступлений в доход консолидированных бюджетов субъектов РФ. Выше

¹ Без учета новых субъектов РФ.

уже отмечалась различающаяся динамика промышленного производства в добывающем и перерабатывающем сегментах промышленности, которая не всегда сказывается на динамике налоговых доходов регионов.

Т а б л и ц а 4

Налоговые поступления в консолидированные бюджеты субъектов РФ в разрезе видов экономической деятельности, 2022–2023 гг.

Показатели	2022		2023		
	Млрд руб.	% к итогу	Млрд руб.	% к итогу	% к 2022
1	2	3	4	5	6
Поступило – всего (без акцизов и НДС ²)	11 295,46	100,00	15 746,44	100,00	139,41
В т.ч. по видам деятельности					
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	793,85	7,03	1 168,95	7,42	147,25
в т.ч.:					
добыча нефти и природного газа	626,75	5,55	1 048,81	6,66	167,34
Производство пищевых продуктов	184,67	1,63	272,66	1,73	147,64
Производство металлургическое и производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	342,40	3,03	626,98	3,98	183,12
Машиностроение	262,40	2,32	417,25	2,65	159,01
в т.ч.:					
производство компьютеров, электронных и оптических изделий	85,09	0,75	133,85	0,85	157,30
производство электрического оборудования	51,85	0,46	79,87	0,51	154,03
производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	39,95	0,35	71,47	0,45	178,88
производство машин и оборудования, не включенные в другие группировки	85,50	0,76	132,06	0,84	154,46
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	379,29	3,36	490,85	3,12	129,41

Источник: рассчитано по [9; 10].

² Форма статистической и налоговой отчетности № 1-НОМ, на основании которой производились расчеты, не позволяет распределить акцизы и НДС между федеральным бюджетом и консолидированными бюджетами субъектов РФ.

О к о н ч а н и е т а б л . 4

1	2	3	4	5	6
Строительство	464,02	4,11	712,65	4,53	153,58
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2 260,21	20,01	2 626,73	16,68	116,22
Транспортировка и хранение	762,77	6,75	1 131,48	7,19	148,34
Деятельность финансовая и страховая	779,98	6,91	1 294,93	8,22	166,02
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	480,94	4,26	602,09	3,82	125,19
Государственное управление и социально-культурная сфера	1 466,85	12,99	1 927,39	12,24	131,40
в т.ч.:					
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	550,74	4,88	733,75	4,66	133,23
образование	428,21	3,79	563,13	3,58	131,51
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	372,75	3,30	482,30	3,06	129,39
деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	115,14	1,02	148,20	0,94	128,72
Иные виды экономической деятельности	3 118,08	27,60	4 474,48	28,42	143,50

Динамика налоговых поступлений от различных видов экономической деятельности в консолидированные бюджеты субъектов РФ в 2023 г. существенно различалась. Наиболее высокие темпы роста демонстрировали налоговые доходы бюджетов от таких видов деятельности как «производство металлургическое и производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования», которые возросли более чем на 83%, а также «добыча нефти и природного газа» (возросли на 67,3%). Существенно увеличились поступления от финансовой и страховой деятельности (более чем на 66%). Самые низкие темпы роста демонстрировали налоговые доходы от оптовой и розничной торговли – 116,2%. Этот показатель оказался ниже, чем по сектору государственного управления и социально-культурной сферы (133,2% в целом по всему блоку и 128,7% – по культуре, спорту, организации досуга и развлечений).

Наиболее значительную роль в структуре налоговых поступлений в консолидированные бюджеты субъектов РФ играют доходы от оптовой и розничной торговли. По итогам 2023 г. на данную совокупность

видов экономической деятельности приходится 16,7% доходов (без учета акцизов и НДС). Доля данной совокупности видов деятельности существенно сократилась по сравнению с предшествующим годом — на 3,3 п.п. Рост доли поступлений имел место по такому виду деятельности, как добыча нефти и природного газа (на 1,1 п.п.), металлургия (на 0,95 п.п.), финансовая страховая деятельность (на 1,32 п.п.). Доля налоговых поступлений от машиностроения увеличилась незначительно — на 0,33 п.п. (с 2,32% в 2022 г. до 2,65% по итогам 2023 г.).

Роль видов экономической деятельности в структуре доходов бюджетов отдельных субъектов РФ различается, но некоторые тенденции прослеживаются достаточно отчетливо. Так, *сокращение доли торговли* (оптовой и розничной) *имело место в большинстве субъектов РФ*. Наиболее значительным оно было в Санкт-Петербурге (на почти 14 п.п.), Республике Башкортостан, Оренбургской и Томской областях. Также в большинстве регионов прослеживается и *рост доли финансового сектора в структуре доходов*. Ощутимо росла и доля металлургии в регионах, где данный вид экономической деятельности является значимым (Липецкая, Тульская и Вологодская области).

Изменения *в структуре налоговых поступлений* просматриваются в Кемеровской области (сокращение доли поступлений от добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и рост доли металлургии, строительства, финансовой деятельности и госуправления) и в Ямало-Ненецком автономном округе (рост доли добычи нефти и природного газа на фоне сокращения доли оптовой и розничной торговли).

В разрезе *видов налоговых поступлений* основную роль в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ играют поступления налога на прибыль организаций и налога на доходы физических лиц. На долю этих двух налогов по итогам 2023 г. приходится более 55% всех доходов региональных бюджетов. В истекшем году оба эти налога демонстрировали выраженную позитивную динамику (в целом по всем консолидированным бюджетам субъектов РФ). По итогам 2023 г. доходы субфедеральных бюджетов от налога на прибыль организаций превысили значения предшествующего года на 28,1%, или на 1 317,4 млрд руб. Поступления НДС возросли не столь существенно — на 14,3%, или на 799,5 млрд руб. (см. табл. 1).

Просматривается группа регионов с чрезвычайно высокими темпами роста поступлений налога на прибыль организаций (свыше 160%) — это 14 субъектов РФ. Еще в 19 регионах темпы роста данного налога по сравнению с показателями 2022 г. превысили 140%. На первую группу (см. табл. 5) приходится более 37% общей суммы прироста налога, а на вторую — еще 55,9%, в т.ч. на Москву — 35,6%. Высокие темпы роста поступлений налога наблюдались как в регионах с существенной ролью промышленности и крупных организаций в структуре экономики (Свердловская, Вологодская, Нижегородская, Липецкая области и др.), так и в регионах, где роль промышленности не столь значительна (Республика Калмыкия, Алтайский край).

Т а б л и ц а 5

**Прирост поступлений налога на прибыль организаций в группе регионов
с наиболее высокими темпами роста**

Субъект РФ	Темп роста поступлений налога на прибыль организаций, %	Доля в общей сумме прироста поступлений налога в доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, %
Свердловская область	160,7	5,0
Вологодская область	160,8	1,8
Нижегородская область	161,4	3,7
Республика Саха (Якутия)	164,5	2,8
Костромская область	166,1	0,3
Псковская область	166,5	0,2
Ростовская область	168,1	3,1
Алтайский край	171,0	1,0
Липецкая область	174,2	1,5
Еврейская автономная область	176,7	0,0
Мурманская область	178,0	2,3
Республика Калмыкия	196,3	0,2
Забайкальский край	279,0	1,2
Ханты-Мансийский автономный округ	308,5	14,7

Источник: рассчитано по [7; 8].

В 10 субъектах РФ в 2023 г. наблюдалось сокращение поступлений налога на прибыль, в т.ч. в Санкт-Петербурге, Сахалинской и Кемеровской областях. Потери доходов бюджета от этого налога в значительной мере и привели к описанному выше общему уменьшению налоговых поступлений в этих регионах. Еще в 8 субъектах Федерации прирост поступлений налога на прибыль не компенсировал их инфляционного обесценения – это, в частности, Иркутская область, Красноярский край и Республика Мордовия. При этом если в первых двух регионах индексы промышленного производства были ниже 100 как для добывающей промышленности, так и для переработки, то в Республике Мордовии показатели динамики этих видов экономической деятельности существенно превышали 100 (индекс производства в обрабатывающей промышленности составил 108,6, а в отгрузке товаров собственного производства – 110,4³).

³ Рассчитано по [3].

Темпы роста поступлений НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов РФ в целом опережали темпы инфляции — в реальном исчислении они составили 107,9%. При этом общая сумма поступлений налога, исчисленного по ставке 15% (по всем категориям плательщиков) сократилась на 2,8%, или на 28,9 млрд руб. Таким образом, динамика налоговых поступлений в части платежей по иным ставкам (главным образом по ставке 13%) составила 18,2%. Соответственно, сократилась доля налога, исчисляемого по ставке 15%, в общей сумме поступлений НДФЛ с 18,2% в 2022 г. до 15,5% в 2023 г.⁴

Необходимо отметить, что в целом динамика поступлений НДФЛ не столь существенно различалась по регионам, как по доходам от налога на прибыль. Налоговая база по этому налогу распределена по регионам более равномерно, чем налоговая база по налогу на прибыль. Наиболее высокие показатели роста поступлений НДФЛ имели место в таких субъектах РФ, как Приморский край (124,6%), Чувашская Республика (124,3%) и Курганская область (123,7%). В то же время в двух субъектах РФ имело место сокращение поступлений этого налога (в Республиках Ингушетии — на 29,5% и Бурятии — на 2,6%), а в Чеченской Республике рост был лишь номинальным (105,4%).

Различающиеся темпы роста налоговых поступлений по двум ключевым источникам доходов региональных бюджетов *привели к некоторому изменению их доли в структуре доходов*. Доля доходов от налога на прибыль увеличилась более чем на 3 п.п. и составила 26,9%, а доля НДФЛ практически не изменилась — 28,6% (плюс 0,3 п.п. по сравнению с 2022 г.).

Динамика поступлений третьего по значимости налога региональных бюджетов субъектов РФ — налога на имущество организаций — не компенсировала темпы инфляции. По сравнению с показателями предшествующего года поступления налогов данной группы увеличились на 3,1%, или на 50,9 млрд руб. С учетом инфляции они составили всего 97,4% прошлогодних сумм. Необходимо отметить, что если поступления налога на имущество организаций увеличились на 3,9%, то доходы от налога на имущество физических лиц — на 19,7%. В составе группы поимущественных налогов однозначно доминирует налог на имущество организаций — почти 70% всех поимущественных налогов, в то время как доля налога на имущество физических лиц — только 7,0%.

Обращает на себя внимание в целом *неоднозначная динамика поступлений налогов на совокупный доход*, отражающая преимущественно хозяйственную активность малого бизнеса. По итогам 2023 г. поступления налогов данной группы увеличились на 5,4%, или на 53,2 млрд руб. В реальном исчислении доходы региональных бюджетов от этих налогов составили всего 99,6% прошлогодних сумм.

⁴ Необходимо отметить, что в целом по консолидированному бюджету Российской Федерации ситуация с динамикой поступлений налога, исчисленного по ставке 15%, была иной — просматривается рост данной категории поступлений. Это связано с некоторыми различиями в видах облагаемых доходов между федеральным и субфедеральными бюджетами (в части контролируемых иностранных компаний и дивидендов).

В составе налогов на совокупный доход основную роль играют поступления налога, взимаемого при упрощенной системе налогообложения. По итогам 2023 г. на его долю приходится более 92% всех налогов группы. Темпы роста поступлений данного налога были выше темпов инфляции и составили 107,6%. В то же время сокращались поступления иных налогов данной группы – налога, уплачиваемого при патентной системе налогообложения (на 55,9%) и налога на профессиональный доход (на 0,4%). Такая динамика налоговых поступлений может свидетельствовать о перераспределении налогоплательщиков между моделями, используемыми малым бизнесом. Необходимо отметить, что численность занятых в рамках малого и среднего предпринимательства за год сократилась на 111 тыс. чел. Сокращение численности занятых в этом сегменте экономики затронуло 68 субъектов РФ. Наиболее значительные потери имели место в Самарской области (10,6 тыс. чел.)⁵. Можно предположить, что в течение 2023 г. малый бизнес выступал своеобразным поставщиком кадров для промышленности в некоторых регионах.

Значимым источником формирования доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ выступают акцизы. Их поступления по сравнению с итогами 2022 г. увеличились на 6,5% (см. табл. 1), или на 72,7 млрд руб. Наиболее существенный рост демонстрировали поступления акцизов на дизельное топливо, доходы от которых возросли на 9,7%. Эта категория акцизов обеспечила более 47% общей суммы прироста поступлений налогов данной группы. Поступления других видов акцизов увеличились не столь значительно. Например, доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ от акцизов на пиво возросли на 6,9% (на 1,0% в реальном исчислении), а от акцизов на автомобильный бензин – на 2,7% (составили 97,0% прошлогодних сумм в реальном исчислении).

Расходы и бюджетное сальдо региональных бюджетов

Общая сумма расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (без учета территориальных государственных внебюджетных фондов) составила 22 525,3 млрд руб., что выше показателей 2022 г. на 17,8%, или на 2 899,0 млрд руб. С учетом инфляции расходы региональных бюджетов превысили прошлогодние показатели на 8,4%. Почти 50% прироста общей суммы расходов приходится на девять субъектов РФ (см. табл. 6). Доля этих регионов в приросте в целом соответствует их доле в общем объеме расходов. При этом следует обратить внимание, что в 2022 г. доля этой совокупности субъектов РФ в общем объеме расходов была существенно ниже (на 13 п.п.). Это может свидетельствовать о продолжающейся концентрации расходов регионального уровня в от-

⁵ По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 07.03.2024).

носителем узкой группе наиболее мощных с точки зрения экономического потенциала регионов. При этом динамика бюджетных расходов в этих регионах существенно различалась — от наиболее высоких значений в автономных округах до показателя, едва превышающего темпы инфляции в Свердловской области.

Т а б л и ц а 6

Расходы субъектов РФ (отдельные регионы), 2022–2023 гг.

Субъект РФ	2022	2023		
	Млрд руб.	Млрд руб.	Прирост, по сравнению с 2022, млрд руб.	% к 2022
Москва	3 616,6	4400	783,4	121,7
Санкт-Петербург	1 043,2	1 176,4	133,2	112,8
Краснодарский край	513,4	622,7	109,3	121,3
Московская область	1 134,2	1 237,7	103,5	109,1
Ханты-Мансийский автономный округ	382	466,7	84,7	122,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	349,1	428,4	79,3	122,7
Республика Татарстан	527,5	589,4	61,9	111,7
Красноярский край	449,5	491,1	41,6	109,3
Свердловская область	448,5	478,4	29,9	106,7
Итого по девяти регионам	8 464,0	9 890,8	1 426,8	
% от суммы по Российской Федерации	37,6	50,4	49,2	

Источник: рассчитано по [6].

По итогам 2023 г. консолидированные бюджеты субъектов РФ были исполнены с дефицитом в размере 200,3 млрд руб. Напомним, что по итогам прошлого года их суммарное сальдо было положительным (+50,6 млрд руб.). Увеличился по итогам года и объем государственного и муниципального долга субъектов РФ. По сравнению с 1 января 2022 г. объем накопленного долга возрос на 403,2 млрд руб. и составил 3 191,9 млрд руб. (на 1 января 2024 г.). Сформировавшаяся в предшествующие годы тенденция к активному замещению рыночных форм долговых обязательств кредитами Минфина России сохранилась и в 2023 г.

Объем задолженности по бюджетным кредитам за 2023 г. возрос на 24,8%, или на 489,9 млрд руб. Субфедеральная задолженность в виде государственных ценных бумаг сократилась на 114,6 млрд руб., или 7,6%, а задолженности перед коммерческими банками после сокращения в I–III квартале по итогам года фактически вернулась к показателю начала периода.

Доля задолженности по бюджетным кредитам увеличилась с 70,7% по состоянию на 1 января 2023 г. до 77,1% по состоянию на 1 января 2024 г., доля ценных бумаг сократилась с 23,4 до 16,8%, а кредитов кредитных организаций — с 4,5 до 4,0%.

Подведем некоторые итоги.

1. В целом бюджетная ситуация для большинства регионов Российской Федерации в 2023 г. складывалась благоприятно. Рост налоговых доходов в результате активизации хозяйственной деятельности в ключевых отраслях экономики для большинства регионов компенсировал сокращение безвозмездных поступлений. В то же время выраженной зависимости между динамикой промышленного производства в обрабатывающих видах деятельности и налоговыми доходами по всем субъектам РФ не просматривается. Практически нигде эти виды деятельности не являются бюджетообразующими, в отличие от добывающих (добыча энергетических полезных ископаемых).

2. Структура налоговых поступлений в 2023 г. не претерпела выраженных изменений. Исключением является роль такого вида деятельности как оптовая и розничная торговля, доля налоговых доходов от которой в консолидированных бюджетах субъектов РФ ощутимо сократилась. При этом незначительно увеличилась доля добывающих видов деятельности в структуре налоговых доходов, несмотря на все проблемы, которые испытывал в истекшем году этот сегмент экономики, а также доля финансового сектора.

3. Структура безвозмездных поступлений из федерального бюджета в консолидированные бюджеты субъектов РФ претерпела серьезные модификации в 2023 г.: росли только дотации и те в значительной мере за счет новых регионов страны. Целевые виды финансовой поддержки регионов сокращались в большей или меньшей степени. Просматривалась и зависимость сокращения федеральных трансфертов до бюджетного сальдо прошлого года.

4. Динамика расходов региональных бюджетов опережала рост доходов, что выразилось в изменении знака бюджетного сальдо с положительного на отрицательный. При этом сохранилась тенденция к росту концентрации расходов в незначительном числе регионов, обладающих наиболее мощным экономическим потенциалом.

5. Сохранилась и тенденция к замещению рыночных форм долговых обязательств субъектов РФ кредитами Минфина. Отчасти именно они активно компенсируют как вертикальный финансовый дисбаланс, так и текущее выпадение некоторых видов доходов субфедеральных бюджетов.

Список литературы

1. Доклад Социально-экономическое положение России. Январь 2024 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (дата обращения: 07.03.2024).

2. Доклад Социально-экономическое положение России. 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf> (дата обращения: 07.03.2024).

3. Статистический бюллетень. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 28.02.2024).

4. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 января 2023 г. // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyj-byudzheta/191/> (дата обращения: 28.02.2024).

5. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 января 2024 г. // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannyj-byudzheta/191/> (дата обращения: 28.02.2024).

6. Бюджет // Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: <https://www.budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82> (дата обращения: 07.03.2024).

7. Поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации. Форма № 1-НМ в разрезе субъектов РФ. На 1 января 2023 г. // ФНС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13669389/ (дата обращения: 28.02.2024).

8. Поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации. Форма № 1-НМ в разрезе субъектов РФ. На 1 января 2024 г. // ФНС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13669389/ (дата обращения: 28.02.2024).

9. Поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации. Форма № 1-НОМ в разрезе субъектов РФ. На 1 января 2023 г. // ФНС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11912732/ (дата обращения: 02.02.2023).

10. Поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации. Форма № 1-НОМ в разрезе субъектов РФ. На 1 января 2024 г. // ФНС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13705211/ (дата обращения: 29.02.2023).

References

1. Doklad Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Ianvar' 2024 g. [Report Socio-Economic Situation in Russia. January 2024], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (accessed 07 March 2024).

2. Doklad Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. 2023 g. [Report Socio-Economic Situation in Russia. 2023], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf> (accessed 07 March 2024).

3. Statisticheskii biulleten'. Informatsiia dlia vedeniia monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia sub'ektov Rossiiskoi Federatsii [Statistical Bulletin. Information for Monitoring the Socio-Economic Situation of the Constituent Entities

of the Russian Federation], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (accessed 28 February 2024).

4. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhetnykh fondov na 1 ianvaria 2023 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of January 1, 2023], *Federal'noe kaznacheistvo* [Federal Treasury]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhets/191/> (accessed 28 February 2024).

5. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhetnykh fondov na 1 ianvaria 2024 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of January 1, 2024], *Federal'noe kaznacheistvo* [Federal Treasury]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhets/191/> (accessed 28 February 2024).

6. Biudzhets [Budget], *Edinyi portal biudzhetnoi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [Unified Portal of the Budget System of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://www.budget.gov.ru/%D0%91%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82> (accessed 07 March 2024).

7. Postupleniia nalogov, sborov i inyykh obiazatel'nykh platezhei v konsolidirovannyi biudzhets Rossiiskoi Federatsii. Forma N 1-NM v razreze sub"ektov RF. Na 1 ianvaria 2023 g. [Receipts of Taxes, Fees and Other Obligatory Payments to the Consolidated Budget of the Russian Federation. Form No. 1-NM in the Context of Constituent Entities of the Russian Federation. As of January 1, 2023], *FNS* [Federal Tax Service]. (In Russ.). Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13669389/ (accessed 28 February 2024).

8. Postupleniia nalogov, sborov i inyykh obiazatel'nykh platezhei v konsolidirovannyi biudzhets Rossiiskoi Federatsii. Forma N 1-NM v razreze sub"ektov RF. Na 1 ianvaria 2024 g. [Receipts of Taxes, Fees and Other Obligatory Payments to the Consolidated Budget of the Russian Federation. Form No. 1-NM in the Context of Constituent Entities of the Russian Federation. As of January 1, 2024], *FNS* [Federal Tax Service]. (In Russ.). Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13669389/ (accessed 28 February 2024).

9. Postupleniia nalogov, sborov i inyykh obiazatel'nykh platezhei v konsolidirovannyi biudzhets Rossiiskoi Federatsii. Forma N 1-NOM v razreze sub"ektov RF. Na 1 ianvaria 2023 g. [Receipts of Taxes, Fees and Other Obligatory Payments to the Consolidated Budget of the Russian Federation. Form No. 1-NOM in the Context of Constituent Entities of the Russian Federation. As of January 1, 2023], *FNS* [Federal Tax Service]. (In Russ.). Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11912732/ (accessed 02 February 2023).

10. Postupleniia nalogov, sborov i inyykh obiazatel'nykh platezhei v konsolidirovannyi biudzhets Rossiiskoi Federatsii. Forma N 1-NOM v razreze sub"ektov RF. Na 1 ianvaria 2024 g. [Receipts of Taxes, Fees and Other Obligatory Payments to the Consolidated Budget of the Russian Federation. Form No. 1-NOM in the Context of Constituent Entities of the Russian Federation. As of January 1, 2024], *FNS* [Federal Tax Service]. (In Russ.). Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13705211/ (accessed 28 February 2024).

RESULTS OF 2023 FOR REGIONAL BUDGETS. IS THE RESTRUCTURING OF THE ECONOMY VISIBLE?

The generally favorable situation with the implementation of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation in 2023 is a result of the positive dynamics of key macroeconomic indicators, expressed in an increase in tax revenues of budgets. In the context of generally high growth rates of tax revenues, the federal transfers showed a slight nominal increase. In most regions, there has been a reduction in federal transfer receipts, which may indirectly indicate an emerging revision of the existing model of inter-budgetary relations. There is a certain dependence of the dynamics of transfers on the dynamics of tax revenues and the availability of funds (last year's surpluses) in the budget accounts of the subjects of the Russian Federation. The structure of tax revenues by type of economic activity has not yet shown significant changes. There is a pronounced decrease in the share of wholesale and retail trade, against the background of an increase in the share of the financial sector and extractive activities. Expenditures of regional budgets in 2023 grew more actively than revenues, which led to the formation of a deficit in the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation. The differing growth rates of budget expenditures have the consequence of the continued concentration of regional-level expenditures in a relatively narrow group of the most powerful regions in terms of economic potential. The increase in the volume of accumulated state subfederal debt occurs in conditions of active substitution of market forms of debt obligations with loans from the Ministry of Finance of the Russian Federation.

Keywords: corporate income tax, tax revenues of the budget, personal income tax, regional budgets, a subject of the Russian Federation, intergovernmental transfers, the state debt of the subjects of the Russian Federation.

JEL: H20, H50, H60, H77

Дата поступления — 15.03.2024 г.

ЛЫКОВА Людмила Никитична

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32,
г. Москва, 117218.
e-mail: Lykova@inecon.ru

LYKOVA Lyudmila N.

Dr. Sc. (Econ.), Professor; Chief Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the
Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: Lykova@inecon.ru

Для цитирования:

Лыкова Л.Н. Итоги 2023 г. для региональных бюджетов. Просматривается ли реструктуризация экономики? // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 111–127. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-111-127>

И.С. БУКИНА

РЕЗУЛЬТАТЫ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В 2023 г. экономика России сравнительно быстро восстановилась, несмотря на сохранение геополитической напряженности, риски новых санкций и ухудшение мировой конъюнктуры. Это благоприятно сказывается на результатах исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. При этом актуальным остается вопрос о том, происходит ли трансформация влияния внешних и внутренних факторов на состояние бюджетов и бюджетно-налоговую политику. Анализ результатов 2023 г. и их сопоставление с результатами 2021 г. показал, что номинальная стабилизация нефтегазовых доходов федерального бюджета, рост ненефтегазовых доходов и возобновление действия бюджетного правила происходят на фоне роста налоговой нагрузки и расходов. Нарастание расходов, связанных с обороной, безопасностью и соответствующими социальными выплатами сопровождается сокращением гражданских расходов федерального бюджета и ростом как федерального внутреннего долга, так и долга субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: бюджетно-налоговая политика, государственный долг, демпферный механизм, дефицит бюджета, налоговый маневр, нефтегазовые доходы, расходы бюджета, фонд национального благосостояния.

JEL: E32, H21, H61

Экономика России *восстанавливается после шока 2022 г.* Несмотря на геополитическую напряженность, введение очередных международных санкций и ужесточение режима их нарушения, в 2023 г. отмечается рост ВВП на 3,6% по сравнению с 2022 г. Согласно расчетам по данным Росстата, ВВП в 2023 г. вырос на 2,3% по сравнению с 2021 г. [1]. Произошло не просто восстановление экономики после падения, но и *экономический рост*.

Макроэкономические условия бюджетно-налоговой политики в 2023 г.

Реальные располагаемые доходы населения выросли на 5,4% по отношению к 2022 г. При сравнении с 2021 г. они также демонстрируют рост, хоть и меньший из-за снижения в 2022 г. — на 4,3%. Реальная заработная

плата выросла на 7,8%, а среднемесячная начисленная номинальная заработная плата превысила 73 700 руб. [2].

В 2023 г. наблюдается резкое сокращение численности безработных — почти на 20,0% по сравнению с 2022 г. Однако занятость за 2023 г. выросла всего на 2,3%. Уровень безработицы достиг небывало низкого значения — 3,2% [2]. Дефицит рабочей силы связывают с перегревом деловой активности, который повышает инфляционные риски и может привести к кризису¹. В этой связи Банк России в 2023 г. придерживался рестрикционной денежно-кредитной политики, неоднократно повышая ключевую ставку. В начале 2023 г. она составляла 7,5%, а последнее повышение в конце года привело к ее росту до 16,0%. При этом таргетируемый уровень инфляции был превышен и составил 5,4% (по индексу потребительских цен — ИПЦ). Накопленным итогом потребительская инфляция превысила 15,0% за два года. Индекс цен производителей в 2023 г. составил 104,0% [2], однако за 2022–2023 гг. инфляция цен производителей достигла почти 16,0%. Происходит как импорт мировой инфляции на фоне постковидного восстановления и геополитических конфликтов, так и рост издержек на фоне перестройки логистических цепочек и решения вопросов с платежами.

На фоне дефицита рабочей силы уровень загрузки мощностей в промышленном производстве остается на средних уровнях, наблюдавшихся в 2019 г.² В добыче полезных ископаемых загрузка мощностей в 2023 г. оценивалась на уровне около 60,0%. Нехватку рабочей силы как один из факторов, тормозящих расширение производства, отмечают руководители как в сырьевых, так и в обрабатывающих отраслях³. Кадровые ограничения становятся одним из главных рисков для экономического роста в 2024 г.

На фоне дефицита рабочей силы опережающими темпами продолжают расти инвестиции в основной капитал. В 2023 г. их рост оценивается в 9,8% по сравнению с 2022 г. Наиболее впечатляющие темпы роста инвестиций наблюдались в производстве готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования (+85,5%); компьютеров, электронных и оптических изделий (+72,0%); электрического оборудования (+68,0%). На 37,0% выросли инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Государственное управление и обеспечение военной без-

¹ Пресс-релиз Банка России. 15 декабря 2023 г. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=15122023_133000key.htm (дата обращения: 10.03.2024).

² Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_motsh_s_2017.xlsx (дата обращения: 18.03.2024).

³ Динамика промышленного производства в ноябре 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/226808#:~:text=%D0%92%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D0%B5%202023%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D1%8B,%D0%BD%D0%B0%20\(%2B\)3%2C6%25](https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/226808#:~:text=%D0%92%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D0%B5%202023%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%BC%D1%8B,%D0%BD%D0%B0%20(%2B)3%2C6%25) (дата обращения: 18.03.2024).

опасности; социальное обеспечение». Объем инвестиций по данному виду деятельности достиг 681,2 млрд руб.⁴, или 2,6% в общей сумме инвестиций в основной капитал за 2023 г. Наблюдаемая динамика связана как с размещением оборонного государственного заказа, так и с процессами вынужденного импортозамещения в условиях внешних ограничений. Среди привлеченных средств для финансирования инвестиций в основной капитал лидируют бюджетные источники – 19,6% в общей сумме. Это согласуется с данными за 2022 г., когда бюджетные средства составили более 20,0%.

Изменения, происходящие в российской экономике, *должны сказываться на параметрах бюджетно-налоговой системы*. В этой связи актуален вопрос о проводимой бюджетно-налоговой политике. Будет ли она пассивно подстраиваться под меняющуюся структуру налогооблагаемой базы, необходимость решения текущих политических и социально-экономических задач или намечается переход к новой модели бюджетно-налоговой политики?

Исполнение консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2023 г.

При анализе макропоказателей можно решить, что состояние бюджетной сферы восстанавливается вместе с динамикой российской экономики. В 2023 г. доходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов составили почти 60,0 трлн руб. (см. табл. 1). По сравнению с 2022 г. они выросли на 5,1% в сопоставимых ценах (по ИПЦ). Объем налоговых доходов вырос почти до 40,0 трлн руб. – на 3,5% по сравнению с 2022 г. Поступления страховых взносов на обязательное социальное страхование в 2023 г. превысили 11,6 трлн руб., что на 17,1% больше, чем в 2022 г. Удельный вес страховых взносов на обязательное социальное страхование вырос с 18,0% в 2022 г. до 20,0% в 2023 г. Это объясняется как ростом заработной платы, так и окончанием действия отсрочек по уплате страховых взносов на обязательное социальное страхование для отдельных плательщиков.

Анализируя *налоговые доходы* консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, можно отметить рост поступлений по налогам на доходы и внутреннее потребление. Прежде всего речь идет о налоге на прибыль, доходы от которого выросли на 17,1% в сопоставимых ценах 2022 г. (см. рис. 1). Сальдированный финансовый результат организаций (без субъектов малого и среднего предпринимательства) вырос на 35,2% по сравнению с 2022 г. и составил 33,3 трлн руб. Происходит адаптация после шоковых потрясений 2022 г., выстраиваются новые цепочки поставок, часть комплектующих удастся заместить отечественной продукцией. Кроме того, в 2023 г.

⁴ Росстат назвал отрасли с наибольшим ростом инвестиций в 2023 году. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/03/2024/65f7fc949a7947798c0e4ad8> (дата обращения: 18.03.2024).

федеральный бюджет пополнился сборами от налога на сверхприбыль. Его объем составил почти 315,5 млрд руб., хотя по сравнению с общей суммой налога на прибыль в консолидированном бюджете Российской Федерации его поступления не превысили 4,0%.

Т а б л и ц а 1

**Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации
и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2022 и 2023 гг.**

Наименование	2022, млрд руб.	2023, млрд руб.	Темп роста (2023 к 2022 в сопоставимых ценах), %
Доходы бюджета, всего	53 074,2	59 073,5	105,1
В т.ч.:			
Налоговые доходы	36 232,2	39 705,9	103,5
Страховые взносы на обязательное соц. страхование	9 397,2	11 651,9	117,1
Неналоговые и прочие доходы	7 444,8	7 715,7	97,9

Источник: составлено автором по [2; 3; 4].

Поступления по другому налогу, уплачиваемому с доходов, – налогу на доходы физических лиц, – выросли на 7,8% с поправкой на потребительскую инфляцию. Этому способствовали как рост реальных доходов населения, так и отмена моратория на уплату налога с процентов от банковских вкладов, изменение порядка исчисления налоговой базы при взимании повышенной ставки на доходы физического лица свыше 5 млн руб.

Больше всего выросли поступления налогов на товары, ввозимые на территорию России. Если в 2022 г. поступило около 3,2 трлн руб. в виде налогов на импорт, то в 2023 г. они выросли на 37,0% и составили почти 4,6 трлн руб. (см. рис. 1). Объем импорта товаров в долларах США за 2023 г., по данным Федеральной таможенной службы, увеличился на 11,7%. В рублевом эквиваленте стоимость импорта товаров в Россию выросла на 38,9%, поскольку рубль в течение года обесценивался. Восстановление объемов импортных закупок и увеличение их стоимости в национальной валюте отчасти компенсировали падение доходов бюджета в 2022 г.

Рост оборота розничной торговли и объема платных услуг, предоставляемых населению, сказался на увеличении поступлений по налогу на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), реализуемые на территории страны. Поступления по внутреннему НДС выросли на 4,5% в сопоставимых ценах 2022 г. (см. рис. 1). Снижение цен на ресурсы по сравнению с 2022 г. сказалось на сокращении сумм, возвращаемых налогоплательщикам при расчете обратных акцизов. Таким образом, поступления от налогов на товары (работы, услуги), реализуемые внутри России, в 2023 г. выросли до 6,5 трлн руб. Для сравнения в 2022 г. их объем оценивался в 5,5 трлн руб.

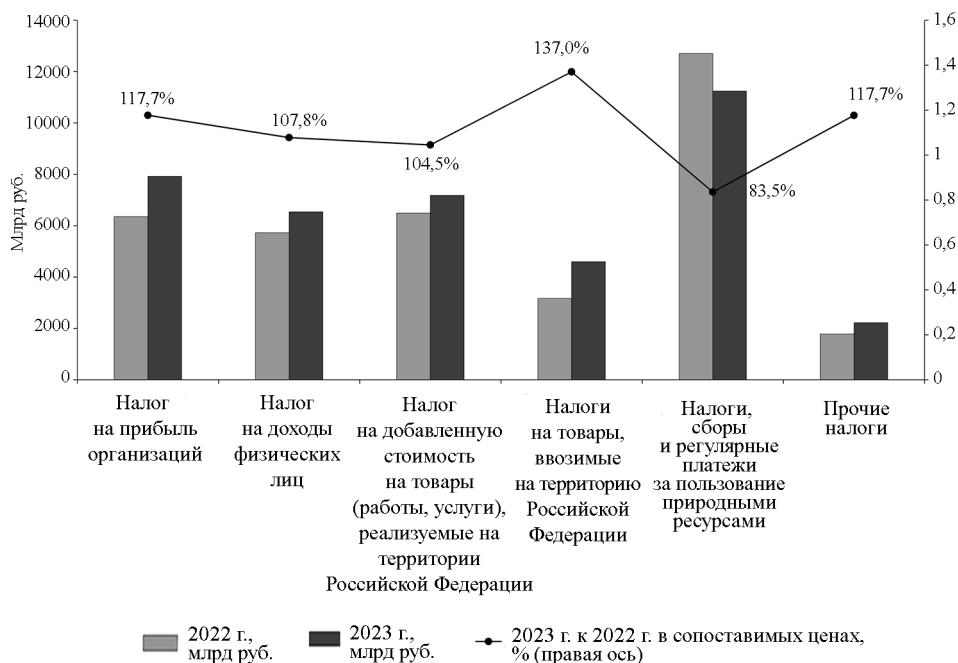

Рис. 1. Налоговые доходы консолидированного бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2022 и 2023 гг.

Источник: составлено автором по [2; 3; 4].

Из укрупненных подгрупп налоговых доходов падение поступлений произошло только по ресурсным налогам. Поступления от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами снизились на 16,5% по сравнению с 2022 г. (в сопоставимых ценах). Удельный вес этой подгруппы в налоговых доходах консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов сократился с 35,1% в 2022 г. до 28,3% в 2023 г. С середины 2022 г. начали падать цены на нефть, шоковый рост которых был спровоцирован объявлением эмбарго на российскую нефть. В 2023 г. действовали полномасштабные санкции в отношении экспорта российской нефти и нефтепродуктов, трубопроводного газа, страхования нефтяных перевозок, правила потолка цен на российскую нефть.

Что касается расходной части консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов, то официально опубликована только итоговая сумма расходов. В 2023 г. расходы выросли почти до 63,0 трлн руб. — на 7,8% больше, чем в 2022 г. в сопоставимых ценах. Распределение расходов по функциональной классификации не публикуются с 2022 г., что не позволяет анализировать структуру. Вместе с тем очевидно, что значительный вклад в прирост расходов обеспечивают траты на национальную обо-

рону, безопасность страны, расходы на социальные нужды в связи с ведением боевых действий и помощь в новых и приграничных регионах России. Дефицит консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов продолжает расти. В 2023 г. дефицит превысил 3,9 трлн руб. (2,3% ВВП), в 2022 г. — почти в два раза меньше — 2,1 трлн руб.

Основные параметры бюджетной сферы в новых условиях

Сравнение параметров консолидированного бюджета с 2022 г. *может давать искаженную картину*, поскольку ситуация в 2022 г. была результатом множественных внешних и внутренних шоков для экономики. Сопоставим показатели консолидированного бюджета России в 2023 г. с показателями 2021 г., чтобы получить представление о степени восстановления и трансформации бюджетно-налоговой системы.

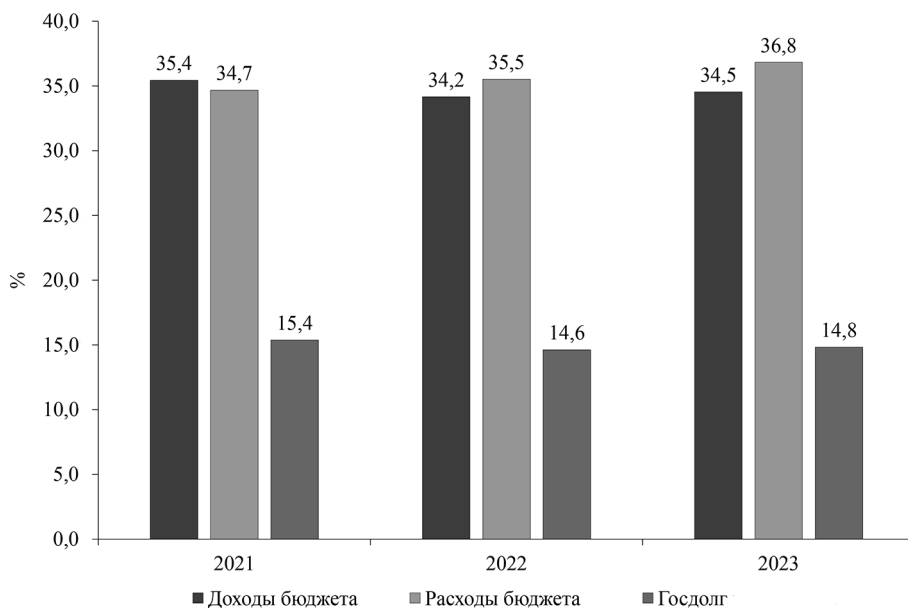

Рис. 2. Доходы, расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов и государственный долг Российской Федерации, % к ВВП

Источник: составлено автором по [1; 3; 4; 5].

Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов выросли с 34,2% от ВВП в 2022 г. до 34,5% в 2023 г. (см. рис. 2). В сравнении с 2021 г., когда отношение доходов к ВВП превышало 35,0%, фискальная нагрузка на экономику снизилась и даже рост бюджетных доходов в 2023 г. не сопоставим с периодом выхода из ковидных ограничений.

Напротив, расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов значительно выросли: с 34,7% к ВВП в 2021 г. до 36,8% в 2023 г. В среднем расходы бюджета в 2022–2023 гг. росли на 8,0 трлн руб. ежегодно. Предельный прирост расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2023 г. составил 0,7. Для сравнения в 2021 г. и даже в 2022 г. этот расчетный показатель был отрицательным — около -0,4 (минус). Он показывает отношение прироста расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов к приросту ВВП. Все данные были скорректированы относительно цен 2021 г. Значение предельного показателя показывает, на сколько млрд руб. изменятся расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов при изменении ВВП на 1 млрд руб. (в сопоставимых ценах). Отрицательное значение в 2021 г. обусловлено ростом ВВП на фоне сокращения расходов бюджета по сравнению с 2020 г., когда были направлены значительные объемы на финансирование мер по борьбе с распространением *COVID-19*. В 2022 г., напротив, расходы росли, а ВВП сократился, поэтому отношение прироста расходов к приросту ВВП вновь показало отрицательное значение.

Таким образом, и в 2021 г., и в 2022 г. *бюджетно-налоговая политика формально была контрциклической*: при росте ВВП расходы сократились, на фоне падения выпуска государство увеличивало расходы. В 2023 г. на 1 млрд руб. прироста выпуска приходилось 0,7 млрд руб. прироста расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов (все величины — в сопоставимых ценах 2021 г.). Фактически *бюджетный импульс являлся проциклическим*. Учитывая, что основной прирост расходов приходится на военные отрасли и социальные траты, *он слабо отразится на экономическом росте, но будет провоцировать инфляцию*.

Отношение государственного долга Российской Федерации к ВВП в 2023 г. снизилось по сравнению с 2021 г. с 15,4 до 14,8% (см. рис. 2). В силу действия финансовых санкций и ограничений со стороны российских властей объемы внешнего долга заметно снижаются. Если на 1 января 2022 г. внешний долг оценивался в 59,7 млрд долл. США, то на 1 января 2024 г. составил 53,3 млрд долл. США, хотя в переводе на рубли объем незначительно вырос. Вместе с тем растет внутренний долг. На начало 2024 г. внутренний долг превысил 20,8 трлн руб. и составил 12,2% ВВП (12,1% ВВП на 1 января 2022 г.).

Динамика налоговой нагрузки в 2021–2023 гг.

Трансформацию налоговой политики предлагается проследить с использованием показателя фискальной нагрузки — отношения доходов к ВВП. Нагрузка в части нефтегазовых доходов консолидированного бюджета ожидаемо снизилась с 6,7% в 2021 г. до 5,2% в 2023 г. (см. рис. 3).

Хотя номинальный объем нефтегазовых доходов в 2023 г. составил 8,8 трлн руб., что ненамного меньше, чем в 2021 г. (около 9,1 трлн руб.). Рост фискальной нагрузки в 2022 г. до 7,5% был вызван рекордным поступлением нефтегазовых доходов в условиях ажиотажного спроса на российскую нефть и нефтепродукты. При этом налоговая нагрузка по ресурсным налогам выросла с 6,2% в 2021 г. до 8,2% к ВВП в 2022 г. Основным источником роста нефтегазовых доходов было поступление налога на добычу полезных ископаемых и налога на дополнительный доход. Это последствия налогового маневра, перераспределившего нагрузку с экспорта углеводородов на их добычу.

Ненефтегазовые доходы опережают рост ВВП, поэтому фискальная нагрузка на экономику растет: в 2023 г. она составила 29,4% к ВВП по сравнению с 28,6% в 2021 г. Отчасти рост ненефтегазовых доходов обусловлен увеличением налоговой нагрузки: отношение налоговых доходов к ВВП выросло с 21,0% в 2021 г. до 23,2% в 2023 г. (см. рис. 3).

Рис. 3. Фискальная нагрузка по группам и подгруппам доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2021–2023 гг., % к ВВП

Источник: составлено автором по [1; 3; 4; 5].

Среди налоговых доходов рост налоговой нагрузки отмечается по всем основным группам. Рост нагрузки на 0,1–0,2 п.п. в 2023 г. по сравнению с 2021 г. отмечается по налогу на прибыль и НДФЛ. Чуть быстрее растет нагрузка по налогам на товары (работы, услуги), реализуемым на территории России: с 4,5% в 2021 г. до 4,8% в 2023 г. Уменьшилась лишь фискальная нагрузка по налогам, визи-

маемым при ввозе товаров на таможенную территорию Российской Федерации — с 2,8 до 2,7%. Хотя, как можно видеть из рисунка 3, произошло восстановление объемов после обвала в 2022 г., когда фискальная нагрузка сократилась до 2,0% к ВВП.

Первичный анализ данных последних лет дает представление о наметившейся тенденции роста налоговой нагрузки на нефтегазовый сектор российской экономики. Постепенный рост нагрузки намечается с середины 2010 г. [6]. Снижение нефтегазовых доходов при росте расходов вынуждает искать дополнительные источники. Внешние заимствования для Правительства России практически недоступны, поэтому упор делается на внутренние заимствования и увеличение налоговых доходов. В 2023 г. налоговые доходы росли быстрее, чем восстанавливалась российская экономика, что повышает налоговую нагрузку. В 2024 г. повышение налоговой нагрузки может замедлиться, поскольку кардинальных изменений налогового законодательства не предусмотрено. Тем не менее повышение фискальной нагрузки на нефтегазовый сектор неизбежно, что будет приводить к замедлению экономического роста.

Нефтегазовые и нефтегазовые доходы федерального бюджета в 2023 г.

При проведении бюджетно-налоговой политики особую роль в российской экономике играет федеральный бюджет, который абсорбирует влияние большей части внешних факторов.

В 2023 г. основное влияние на доходную часть бюджета оказывали факторы, влияющие на нефтегазовые доходы. В отличие от прошлых лет, когда колебания нефтегазовых доходов были вызваны изменением рыночной конъюнктуры, с середины 2022 г. сказывается падение экспорта нефти и нефтепродуктов из-за санкций. Изменение цены на российскую нефть теперь искажено применением дисконта, мерами по обходу санкций. Биржевые цены сорта «Юралс» не отражают действительной стоимости продажи российской нефти, поэтому в Налоговый кодекс Российской Федерации были внесены изменения по расчету коэффициента Кц для НДС. Агентство «Аргус», материалы которого используются для оценки коэффициента Кц, также изменило свою методику расчета среднемесячной цены российской нефти, поэтому новый порядок фактически не использовался. Среднегодовая цена нефти сорта «Юралс» для расчета НДС на нефть в 2023 г. оценивается в 62,8 долл. США за баррель. Она снизилась почти на 20,0% по сравнению с оценками за 2022 г. Динамика показателя соответствует оценкам экспертов — цена нефти действительно снизилась по сравнению с 2022 г. Однако фактическая цена, по которой продается российская нефть, выше⁵. Курс доллара

⁵ Мигунов Д. Навели слепоту: почему никто не знает реальную цену российской нефти. URL: <https://iz.ru/1468480/dmitrii-migunov/naveli-slepotu-pochemu-nikto-ne-znaet-realnuu-tcenu-rossiiskoi-nefti>

США к рублю вырос почти на 20,0%, тем не менее среднегодовая налоговая ставка НДС с учетом цены нефти и курса доллара США (Кц) в 2023 г. снизилась на 15,0% по сравнению с 2022 г.

На рисунке 4 показано, что значения цены нефти сорта «Юралс» в первой половине 2022 г. были аномально высокими. Благодаря этому поступления нефтегазовых доходов в федеральный бюджет показали рекордные значения.

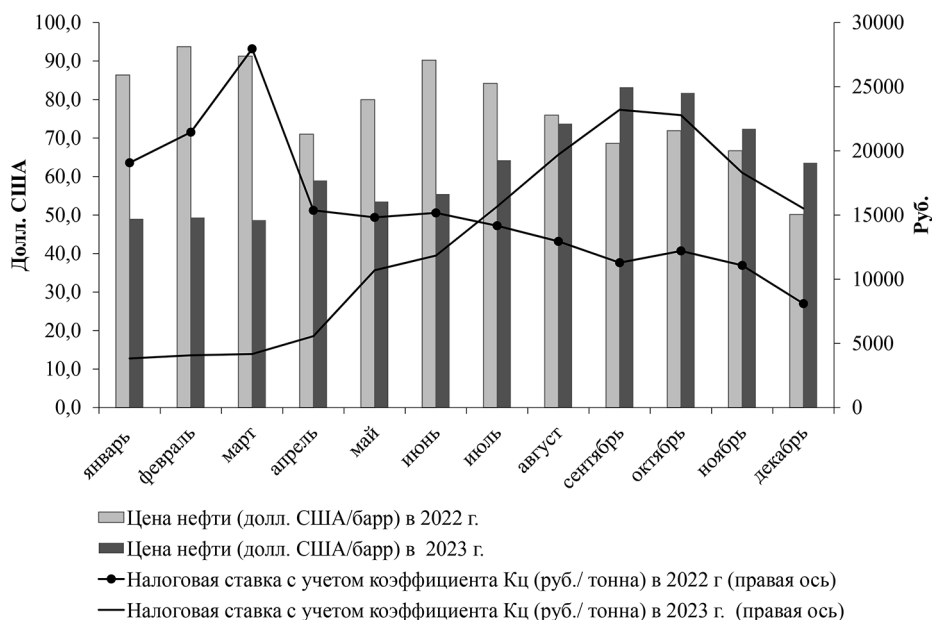

Рис. 4. Среднемесячная цена нефти и налоговая ставка для расчета НДС от нефти в 2022 и 2023 гг.

Источник: составлено автором по [7].

В августе – декабре 2022 г. цены упали и в начале 2023 г. оставались сравнительно низкими – около 50,0 долл. США за баррель. Налоговая ставка по НДС от нефти в январе – марте 2023 г. находилась на уровне 4 тыс. руб. за тонну. В этот период на фоне дешевой нефти рубль оставался сравнительно крепким, поэтому поступления НДС в составе нефтегазовых доходов сильно просели в I квартале 2023 г. С июля расчетная цена нефти начала расти и в сентябре – октябре 2023 г. превысила 80,0 долл. США за баррель. В этот же период среднемесячный курс приблизился к 100 руб. за доллар США. В итоге налоговая ставка НДС от нефти превысила 20,0 тыс. руб. за тонну. Объем нефтегазовых доходов по итогам 2023 г. незначительно превысил базовый объем, утвержденный Федеральными законом «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ, но в сравнении с 2022 г. они упали на 28,1% в сопоставимых ценах (см. табл. 2). Анализируя структуру нефтегазовых

доходов, можно выяснить, что снижение произошло по всем статьям и подстатьям. Наибольшее падение произошло в части поступления вывозных пошлин — почти в три раза, — что связано с последствиями проведения налогового маневра. Снижение цен на нефть сказывается на сокращении сумм возмещения акциза на нефтяное сырье, направленного на переработку.

Таким образом, падение нефтегазовых доходов *несколько сдерживается* соответствующим снижением возмещения в рамках обратного акциза. Осенью 2023 г. была реализована попытка снизить размер демпфера, чтобы сократить выплаты возмещения по обратному акцизу. Однако через месяц демпферный механизм был восстановлен в прежнем объеме⁶.

Т а б л и ц а 2

Доходы федерального бюджета в 2022 и 2023 гг., млрд руб.

Показатели	2022, млрд руб.	2023, млрд руб.	Темп роста (2023 к 2022 в сопоставимых ценах), %
1	2	3	4
<i>Доходы бюджета — всего</i>	27 824,4	29 124,1	98,8
Нефтегазовые доходы	11 586,2	8 822,3	71,9
В т.ч.:			
Налог на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья	10 643,7	9 465,3	84,0
Вывозные таможенные пошлины на нефть сырую	606,8	283,9	44,2
Вывозные таможенные пошлины на газ природный	1 630,1	566,0	32,8
Вывозные таможенные пошлины на товары, выработанные из нефти	269,5	126,8	44,4
Акциз на нефтяное сырье, направленное на переработку	-3 248,9	-2 912,5	84,7
Налог на дополнительный доход	1 685,0	1 292,6	72,4
Ненефтегазовые доходы	16 238,2	20 301,8	118,1
<i>Справочно: налоговые доходы</i>	22 043,7	23 455,6	100,5

Источник: составлено автором по [2; 3; 4].

⁶ Восстановление демпфера, повышение биржевого норматива и частичная отмена эмбарго по дизелю // Neftegaz.ru. 6 октября 2023. URL: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/796870-vosstanovlenie-dempfera-povyshenie-birzheвого-normativa-i-chastichnaya-otmena-embargo-po-dizelyu-pra/>

О к о н ч а н и е т а б л . 2

1	2	3	4
В т.ч.:			
Налоги на прибыль, доходы	1 818,5	2 393,6	124,3
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории России	4 387,7	5 315,8	114,4
Налоги на товары, ввозимые на территорию России	3 167,2	4 596,2	137,0
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	12 573,5	11 041,8	82,9
Прочие налоги	97,9	108,2	104,4

Из *таблицы 2* следует, что ненефтегазовые доходы федерального бюджета в 2023 г. выросли на 18,1% в сопоставимых ценах 2022 г., опередив прирост ненефтегазовых доходов консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Выигрыш федерального бюджета в том, что туда поступает основная масса НДС от реализации товаров (работ, услуг) внутри страны, налогов на импорт и доходы от внешнеэкономической деятельности. По ним в 2023 г. наблюдался наибольший прирост поступлений. Тем не менее итоговый объем доходов федерального бюджета снизился в сопоставимых ценах 2022 г. на 1,2%.

Снижение поступлений по налогам, сборам и обязательным платежам за пользование природными ресурсами (на 17,1%) было компенсировано значительным ростом поступлений налогов на товары и услуги. В итоге налоговые доходы федерального бюджета в 2023 г. выросли до 23 455,6 млрд руб. (на 0,5% в реальном выражении). Как показано в *таблице 2*, поступления почти по всем составляющим налоговых доходов обогнали рост потребительских цен. Почти в 1,4 раза выросли доходы от налогов на товары, ввозимых на территорию России. На 24,3% выросли поступления налогов на прибыль, доходы. Здесь свою роль сыграл рост налоговой базы, а также сбор налога на сверхприбыль.

Исполнение федерального бюджета по расходам в 2023 г.

Номинальный рост расходов федерального бюджета в 2023 г. не превысил потребительской инфляции. В реальном выражении расходы сократились на 1,2% по сравнению с 2022 г. (*см. табл. 3*). По отношению к 2021 г. расходы федерального бюджета значительно выросли: с 24,8 трлн руб. до 32,3 трлн руб. В сопоставимых ценах 2021 г. рост расходов федерального бюджета оценивается в 6,1%.

Состав расходов федерального бюджета можно оценить на основе пояснительной записки к проекту Закона «О федеральном бюджете...»

(см. табл. 3). Как ожидалось, увеличились расходы на национальную оборону. В 2023 г. их рост в реальном выражении оценивается в 29,3%. Доля расходов на национальную оборону в общей сумме расходов федерального бюджета выросла с 15,0% в 2022 г. до 20,6% в 2023 г. Также значительный рост — на 9,2% — произошел по разделу «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность». В совокупности расходы на оборону и безопасность превысили 30,0% итоговой суммы расходов федерального бюджета.

Т а б л и ц а 3

Расходы федерального бюджета в 2022 и 2023 гг., млрд руб.

Показатели	2022		2023		Темп роста (2023 к 2022 в сопоставимых ценах), %
	млрд руб.	удельный вес, %	млрд руб.	удельный вес, %	
Расходы бюджета — всего	31 118,9	100,0	32 353,7	104,0	98,2
Общегосударственные вопросы	2 628,6	8,4	2 324,4	7,5	83,5
Национальная оборона	4 678,7	15,0	6 406,7	20,6	129,3
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2 788,4	9,0	3 225,6	10,4	109,2
Национальная экономика	4 317,5	13,9	4 125,6	13,3	90,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	645,4	2,1	856,9	2,8	125,4
Охрана окружающей среды	355,1	1,1	347,3	1,1	92,4
Образование	1 319,2	4,2	1 464,4	4,7	104,8
Культура, кинематография	204,6	0,7	209,0	0,7	96,4
Здравоохранение	1 533,0	4,9	1 570,0	5,0	96,7
Социальная политика	6 453,3	20,7	6 492,7	20,9	95,0
Физическая культура и спорт	89,5	0,3	71,4	0,2	75,3
Средства массовой информации	128,2	0,4	122,1	0,4	89,9
Обслуживание государственного и муниципального долга	1 403,4	4,5	1 519,3	4,9	102,2
Межбюджетные трансферты	1 069,2	3,4	1 530,4	4,9	135,2
Статистическое расхождение ^{*)}	3 504,8	—	2 088,0	—	—
Справочно: Результат исполнения бюджета (профицит/дефицит)	-3 294,5	—	-3 229,7	—	—

Источник: составлено автором по [8].

^{*)} Разница между значением по строке «Расходы бюджета — всего» отчета об исполнении федерального бюджета Российской Федерации и суммой расходов по данным пояснительной записки к проекту Закона «О федеральном бюджете...» на очередной год.

Еще одно направление, где наблюдался значительный прирост — межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации. В сопоставимых ценах 2022 г. межбюджетные трансферты выросли на 35,0%. Как видно из результатов исполнения консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов (см. табл. 1), итоговый объем расходов опередил инфляцию и темпы роста ВВП. Таким образом, основными драйверами роста расходов стали консолидированные бюджеты субъектов Федерации и бюджеты государственных внебюджетных фондов. Вливание оборонных расходов происходило при сокращении финансирования по другим разделам федерального бюджета.

Таким образом, существенная часть бюджетного импульса *реализовалась через консолидированные бюджеты субъектов Федерации*. Частично эти расходы были обеспечены трансфертами из федерального бюджета. Кроме того, как отмечается в докладе Счетной палаты⁷, часть расходов, запланированных на 2024 г., была перенесена на 2023 г. для ускоренной реализации инвестиционных планов и покрытия социальных расходов.

Из гражданских расходов рост отмечается только по разделу «Образование», удельный вес которого вырос с 4,2% в 2022 г. до 4,7% по оценкам за 2023 г., а также по расходам на обслуживание государственного и муниципального долга. Удельный вес расходов на обслуживание государственного и муниципального долга достиг почти 5,0%, а темпы прироста в сопоставимых ценах 2022 г. составили 2,2% (см. табл. 3). Эти показатели выглядят скромно на фоне остальных разделов расходов федерального бюджета, однако несут потенциальные риски, о которых было сказано ранее.

По оценкам за 2023 г. были сокращены расходы на общегосударственные вопросы, национальную экономику, охрану окружающей среды, физическую культуру и спорт, средства массовой информации. По таким разделам, как «Культура», «Здравоохранение», «Социальная политика», суммы расходов остались практически на уровне 2022 г., т.е. в сопоставимых ценах произошло сокращение. Фактически федеральный бюджет становится все более оборонным, а производительные расходы активнее передаются на субфедеральный уровень.

Финансирование дефицита федерального бюджета и государственного долга

Итогом исполнения федерального бюджета в 2023 г. стал дефицит в размере около 3,2 трлн руб. (1,9% ВВП). Это немного меньше, чем в 2022 г., когда дефицит составил 3,3 трлн руб., или 2,5% ВВП. Основным

⁷ Оперативный доклад о ходе исполнения консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за январь — сентябрь 2023 г. // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a7b/eibuz5synz237i579debpnffk0vuxs42.ppd> (дата обращения: 20.03.2024).

источником финансирования дефицита федерального бюджета остаются средства Фонда национального благосостояния (ФНБ). На 1 января 2024 г. объем ФНБ приблизился к 12,0 трлн руб. (7,0% ВВП). По сравнению с началом 2022 г. он увеличился почти на 15,0% в номинальном исчислении. Но этот рост в основном произошел из-за переоценки валютных активов и стоимости золота, поскольку в валюте средства Фонда снизились с 143,8 млрд долл. США по состоянию на 1 января 2023 г. до 133,4 млрд долл. США на 1 января 2024 г. В августе – декабре 2023 г. федеральный бюджет получал дополнительные нефтегазовые доходы (превышение поступлений над установленным базовым объемом). В рамках бюджетного правила Банк России осуществлял операции по покупке валюты и золота. Таким образом, в декабре 2023 г. на счета по учету средств ФНБ поступило 62,5 млрд китайских юаней и 91,3 т золота в обезличенной форме. Одновременно в декабре 2023 г. было продано 114,9 млрд китайских юаней, 232,6 т золота и 573,7 млн евро в общей сумме на 2,9 трлн руб. Как указано в сообщении Минфина России, эти продажи осуществлялись в целях финансирования дефицита бюджета⁸. В то же время по итогам 2023 г. чистое размещение государственных ценных бумаг оценивается в 1,8 трлн руб.

По данным Минфина России, за 2023 г. изъятия из средств ФНБ оцениваются в 3,5 трлн руб.⁹ Совокупный доход от размещения средств ФНБ в 2023 г. составил почти 355,7 млрд руб. (4,2 млрд долл. США). По состоянию на начало 2024 г. ликвидные активы ФНБ оцениваются почти в 5,0 трлн руб. (около 55,7 млрд долл. США). В начале 2022 г. они составляли порядка 8,8 трлн руб. Резервы для финансирования дефицита федерального бюджета заканчиваются, при этом возникают новые обязательства, в частности, по развитию новых регионов. В настоящее время активно обсуждается возможность введения полноценной прогрессии по подоходному налогу. Кроме того, высоки риски сокращения расходов бюджета по многим гражданским расходам, как это произошло в 2023 г.

* * *

Итоги исполнения доходной части консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в 2023 г. отражают процессы *адаптации и восстановления российской экономики в новых условиях*. При сравнении показателей 2023 г. с результатами исполнения бюджета в 2021 г. можно отметить незначительный рост налоговой нагрузки по основным группам налогов. Несмотря

⁸ О результатах размещения средств Фонда национального благосостояния // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38829-o_rezultatakh_razmeshcheniya_sredstv_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 15.03.2024).

⁹ Данные о движении средств и результатах управления средствами Фонда национального благосостояния // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=93488-dannye_o_dvizhenii_sredstv_i_rezultatakh_upravleniya_sredstvami_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya (дата обращения: 20.03.2024).

на рост ВВП в сравнении с 2021 г., налоговые доходы бюджета росли опережающими темпами, что сказалось на повышении фискальной нагрузки. Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов значительно выросли как в сопоставимых ценах 2021 г., так и по отношению к ВВП. При этом основной вклад произошел не за счет средств федерального бюджета, расходы которого незначительно изменились по сравнению с 2022 г., а за счет средств консолидированных бюджетов субъектов Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов.

На первый взгляд результаты исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации обнадеживают, демонстрируя увеличение нефтегазовых доходов, расходов на национальную экономику и социальные нужды. Опасение вызывает накопление рисков в бюджетной системе. В первую очередь это касается возможностей финансирования дефицита федерального бюджета. Ликвидные средства Фонда национального благосостояния стремительно сокращаются, требуемая доходность облигаций федерального займа остается высокой в условиях проведения жесткой денежно-кредитной политики и рисков наращивания бюджетных расходов, а емкость долгового рынка ограничена. Кроме того, происходит перераспределение риска с федерального уровня на уровень субъектов Федерации, которые вынуждены финансировать основной прирост производительных и социальных расходов. Частично эта задача решается за счет остатков по счетам, частично — за счет заимствований, в результате чего растет долг субъектов Федерации.

Список литературы

1. ВВП (с 1995 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xlsx (дата обращения: 15.03.2023).
2. Социально-экономическое положение России: Ежемесячный доклад // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 января 2023 г. // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/26f/KBRF-na-01.01.2023.zip>; (дата обращения: 05.03.2024).
4. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 января 2024 г. // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/b99/f.-0507021-na-01.01.2024.xls> (дата обращения: 05.03.2024).
5. Отчет об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на 1 января 2022 г. // Федеральное Казначейство Минфина России. URL: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/ab9/KBRF-na-01.01.2022.zip> (дата обращения: 05.03.2024).
6. Букина И.С. Бюджетно-налоговая политика России в период замедления экономического роста и итоги 2018 г. // Федерализм. 2019. № 1. С. 86–99.

7. Справочная информация: «Данные, применяемые для расчета налога на добычу полезных ископаемых в отношении нефти и газового конденсата» (материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50642/ (дата обращения: 15.03.2024).

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/448554-8> (дата обращения: 15.03.2024).

References

1. VVP (s 1995 g.) [GDP (since 1995)], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xlsx (accessed 15 March 2023).

2. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii: Ezhemesiachnyi doklad [The Socio-Economic Situation of Russia: Monthly report], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2024.pdf> (accessed 10 March 2024).

3. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhetnykh fondov na 1 ianvaria 2023 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of January 1, 2023], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/26f/KBRF-na-01.01.2023.zip>; (accessed 05 March 2024).

4. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhetnykh fondov na 1 ianvaria 2024 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of January 1, 2024], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/b99/f.-0507021-na-01.01.2024.xls> (accessed 05 March 2024).

5. Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo biudzheta Rossiiskoi Federatsii i biudzhetrov gosudarstvennykh vnebiudzhetnykh fondov na 1 ianvaria 2022 g. [Report on the Execution of the Consolidated Budget of the Russian Federation and the Budgets of State Extra-Budgetary Funds as of January 1, 2022], *Federal'noe Kaznacheistvo Minfina Rossii* [Federal Treasury of the Ministry of Finance of Russia]. (In Russ.). Available at: <https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/ab9/KBRF-na-01.01.2022.zip> (accessed 05 March 2024).

6. Bukina I.S. Biudzhetho-nalogovaia politika Rossii v period zamedleniia ekonomicheskogo rosta i itogi 2018 g. [Fiscal Policy of Russia During the Period of Economic Growth Slowdown and Results of 2018], *Federalizm* [Federalism], 2019, No. 1, pp. 86–99. (In Russ.).

7. Spravochnaia informatsiia: “Dannye, primeniaemye dlia rascheta naloga na dobychu poleznykh iskopaemykh v otnoshenii nefi i gazovogo kondensata” (material podgotovlen spetsialistami Konsul'tantPlus) [Reference Information: “Data Used to Calculate the Mineral Extraction Tax in Relation to Oil and Gas Condensate” (Material Prepared by ConsultantPlus specialists)]. (In Russ.). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50642/ (data obrashcheniia: accessed 15 March 2024).

8. Poiasnitel'naia zapiska k projektu federal'nogo zakona “O federal'nom biudzhete na 2024 god i na planovyi period 2025 i 2026 godov” [Explanatory Note to the Draft

Federal Law “On the Federal Budget for 2024 and for the Planning Period of 2025 and 2026”]. (In Russ.). Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/448554-8> (accessed 15 March 2024).

RESULTS OF BUDGET AND TAX POLICY IN THE NEW CONDITIONS

In 2023, the Russian economy recovered relatively quickly, despite the persistence of geopolitical tensions, the risks of new sanctions and the deterioration of the global situation. This has a beneficial effect on the results of budget execution of the budget system of the Russian Federation. At the same time, the question remains whether there is a transformation of the influence of external and internal factors on the state of budgets and fiscal policy. An analysis of the results for 2023 and their comparison with 2021 showed that the nominal stabilization of oil and gas revenues of the federal budget, the growth of non-oil and gas revenues and the resumption of the fiscal rule are occurring against the backdrop of an increase in the tax burden and expenses. The increase in expenditures related to defense, security and related social payments is accompanied by a reduction in civilian expenditures of the federal budget and an increase in both the federal internal debt and the debt of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: budget deficit, budget expenditures, damping mechanism, fiscal policy, national welfare fund, oil and gas revenues, public debt, tax maneuver.

JEL: E32, H21, H61

Дата поступления — 20.03.2024 г.

БУКИНА Ирина Сергеевна

кандидат экономических наук, ведущий научных сотрудник;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

BUKINA Irina S.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218.
e-mail: bis.email@gmail.com

Для цитирования:

Букина И.С. Результаты бюджетно-налоговой политики в новых условиях // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 128–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-128-145>

Е.С. ТИТОВА

РОЛЬ БИОТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ПОЛЮСОВ РОСТА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Происходящая в России и многих других странах трансформация технологических укладов включает, в частности, развитие биоэкономики, которое опирается на широкое использование современных биотехнологий, необходимых и для обеспечения национального технологического суверенитета. С целью анализа перспектив внедрения и развития биоэкономики в регионах России, значительно различающихся особенностями экономической деятельности, автором статьи были изучены соответствующие полюса роста с учетом наличия квалифицированных кадров, а также применяемых организационных решений по оптимизации научно-педагогической работы. Исследования проводились с использованием количественного анализа регионального размещения специально сформированных в России объектов научно-технической, образовательной и производственной деятельности (как центров концентрации научных исследований и трансфера технологий), а также ведущих профильных вузов. Полученные данные соотнесены с результатами анкетирования обучающихся ряда вузов по вопросам создания и использования биотехнологий.

Ключевые слова: биотехнологии, полюса роста, научно-технологическое развитие, регион, биоэкономика.

JEL: Q57, R58, I25

Всемирная организация по интеллектуальной собственности отмечает, что современные научные достижения обеспечиваются двумя инновационными импульсами, интегрирующимися в экономическую деятельность: *цифровизацией*, основанной на искусственном интеллекте, суперкомпьютерах и других инструментах, а также *развитием инновационных нано- и биотехнологий*¹. Кратный рост инвестиций в биотехнологии за последние пять лет отмечают и эксперты консалтинговой компании «McKinsey&Company».² При этом создаваемые биотехнологии

¹ World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2023. Innovation in the face of uncertainty. 16th Edition. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/ (дата обращения: 26.10.2023).

² What are the biotech investment themes that will shape the industry? URL: <https://www.mckinsey.com/industries/life-sciences/our-insights/what-are-the-biotech-investment-themes-that-will-shape-the-industry> (дата обращения: 08.11.2023).

характеризуют как преобразующие технологии, способные принципиальным образом изменить отрасли экономики.

Известно много примеров решения актуальных практических задач с использованием биотехнологий (от производства новых видов биотоплива до различных фармпрепаратов и продуктов питания), которые составляют целое направление, получившее название биоэкономика [1]. В ряде стран уже действуют стратегии и отдельные программы, направленные на развитие биоэкономики [2]. Реализация этих программ происходит с учетом ресурсного потенциала, уровня научно-технического развития региона и/или территории, механизмов совершенствования системы подготовки квалифицированных кадров, эффективности производственно-сбытовых цепочек и иных условий пространственного размещения производственных мощностей.

Исследование вопросов размещения объектов экономической деятельности в контексте изучения экономики регионов тесно связано с теорией пространственного развития и возникновением полюсов развития [3]. Один из основоположников теории пространственного развития регионов — Ф. Перру [4] выделил и описал термин «полюс развития (роста)» как «движущую экономическую единицу или группу, образованную такими единицами», а также определил роль в их формировании государственного планирования [5]. Продолжатели теории Ф. Перру определили, что в качестве полюсов роста могут выступать отдельные территории как источники инновационного развития, которые с течением времени становятся центрами экономического роста государства [6; 7].

Подобные разработки имеются и в России. Они находят отражение, в частности, в особенностях регионального размещения объектов научно-технической деятельности, представляющих собой различные объединения и другие организационные структуры, ориентированные на создание и использование биотехнологий в производственной деятельности.

Недавние изменения, внесенные в государственную программу «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», включают планы по развитию биоэкономики в нашей стране³. Предусматривается использование биотехнологий при реализации положений обновленной Климатической доктрины Российской Федерации через использование возобновляемых источников энергии и иных доступных технологических решений для снижения антропогенного воздействия на окружающую среду⁴ [8].

Биотехнологии также играют важную роль при развитии конвергентных НБИКС-технологий [9] (аббревиатура от нано — Н, био — Б,

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 1933 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации».

информационные – И, когнитивные – К и социогуманитарные – С технологии). Считается, что они имеют существенные перспективы развития⁵. Таким образом, постепенно формируются условия для перехода России к новому технологическому укладу. Как следствие, возникает необходимость интенсивного взаимодействия организаций реального сектора экономики с образовательными и научными организациями, которые являются центром формируемой экосистемы создания и распространения знаний [10].

С учетом этого при поддержке государства развивается деятельность традиционных и *новых организационных структур*, осуществляющих научно-технические работы и образовательную деятельность, которые располагаются в различных регионах страны или являются межрегиональными⁶ [11]. К числу последних можно отнести:

- научно-образовательные центры мирового уровня⁷ (НОЦ МУ);
- научные центры мирового уровня (НЦМУ)⁸;
- сети инженерно-образовательных консорциумов – Центры национальной технологической инициативы (НТИ)⁹;
- инновационные научно-технологические центры (ИНТЦ)¹⁰;
- технопарки¹¹ и др.

С учетом вышеотмеченного и с использованием методик определения региональных полюсов роста [12; 13; 14] при существующих ограничениях исследования (недостаток статистической информации, отсутствие номенклатуры получаемых биопродуктов и т.д.) в данной статье выявление полюсов роста было проведено через количественное и качественное изучение профильных объектов научно-технической и образовательной деятельности в регионах России. Такие объекты далее будут обозначаться как элементы полюсов роста (ЭПР).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. № 818 «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации».

⁶ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № 537 «О мерах государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики».

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2019 г. № 538 «О мерах государственной поддержки создания и развития научных центров мирового уровня».

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»; Национальная технологическая инициатива. URL: <https://nti2035.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).

¹⁰ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р «О государственной программе “Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий”».

Особенности пространственного распределения научно-технической деятельности в регионах России

Изучение пространственного распределения и организации объектов научно-технической и образовательной деятельности считается важным для эффективного управления и применения инструментов государственной поддержки [11]. Это обстоятельство весьма существенно для исполнения государственных директив по созданию сектора биоэкономики, который «должен стать основой модернизации и построения постиндустриальной экономики»¹².

Для нашей страны данные о пространственном размещении объектов научно-технической деятельности *особенно значимы* ввиду широкой географии, имеющих диспропорций регионального развития и доказанной нецелесообразности использования единой региональной политики [15; 16]. Усиливают существующие региональные различия сложившиеся представления об инвестиционной привлекательности региона с высоким уровнем научно-технического потенциала [11].

Известно, что в России существует выраженное сосредоточение научных и образовательных организаций в городах федерального значения, а также в региональных центрах — городах-миллионниках и городских агломерациях. Например, Москву, Санкт-Петербург и Московскую область по принципу инновационной направленности с использованием модели «центр — периферия» Дж. Фридмана [17] определяют как регионы — генераторы знаний [18] и оценивают как регионы с выраженным потенциалом развития [11].

Отражением существующих диспропорций особенностей можно считать и результаты проведенного анализа распределения показателя, который оценивает доли персонала, занятого научными исследованиями и разработками в нашей стране (см. рис. 1).

Из полученных данных следует, что весьма высокие значения изучавшегося показателя кроме Москвы (1,6%), Санкт-Петербурга (1,3%) оказались в Нижегородской (1,4%) и Московской областях (1,0%). Среди других регионов можно особо отметить Томскую (0,9%), Новосибирскую (0,7%) и Калужскую (0,7%) области. Эти результаты представляются значимыми характеристиками их инновационного потенциала. Таким образом, во многих регионах России *существуют условия для формирования специальных центров*, способных концентрировать научно-техническую деятельность и повышать ее эффективность — ЭПР.

Вместе с тем представляется необходимым продолжение существенных временных и прочих затрат для распространения исследований и соответствующих технологий, подготовки квалифицированных кадров, способных не только производить знания, но и внедрять новации в практическую деятельность. При этом представляется важным отметить от-

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 1933 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

существование тождественности между способностью организаций производить знание и получать на его основе хозяйственно-значимый продукт [18].

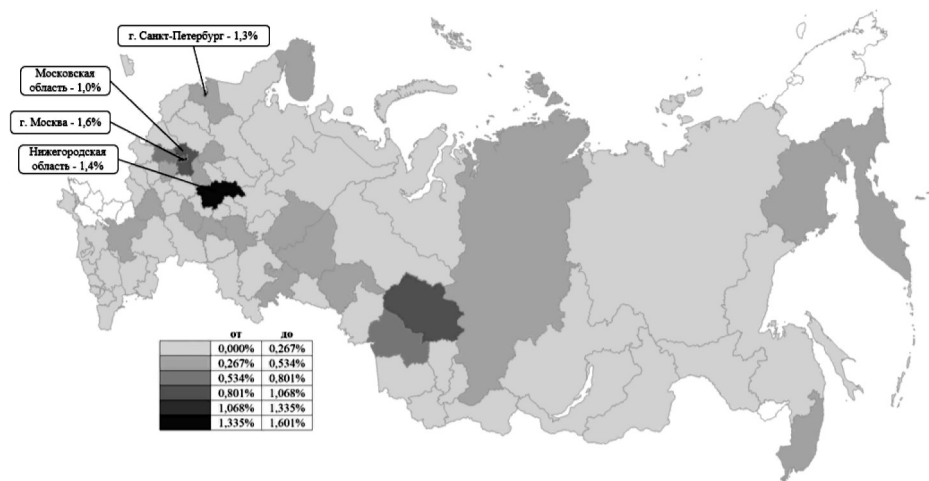

Рис. 1. Доля персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям и субъектам Российской Федерации, 2022, %

Примечание. К расчету приняты сведения о количестве исследователей, техников, вспомогательного и прочего персонала; данные для расчета показателя в Еврейской автономной области, Чукотском автономном округе, Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областях отсутствуют.

Источник: составлено автором по [19].

Таким образом, результаты проведенного анализа с учетом других исследований (например, [2]) позволяют сделать вывод о выраженной концентрации научно-технической деятельности с использованием биотехнологий в нескольких десятках субъектах Российской Федерации (Москве, Санкт-Петербурге, Московской области и др.). При этом на государственном уровне предпринимаются усилия для создания условий по развитию высоких технологий в регионах России, а также организации их пространственного размещения¹³.

Федеральная поддержка развития научно-технической деятельности в российских регионах

В Российской Федерации на государственном уровне определены перспективные центры экономического роста, которым планируется оказывать дифференцированную федеральную поддержку¹⁴.

¹³ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 1933 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»; Распоряжения Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

¹⁴ Распоряжения Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

На рисунке 2 показано, что в настоящее время отмечено восемь таких центров, перспективных для формирования НОЦ МУ — объединений образовательных и/или научных организаций, организаций реального сектора экономики без образования юридического лица на основании соглашения о создании консорциума.

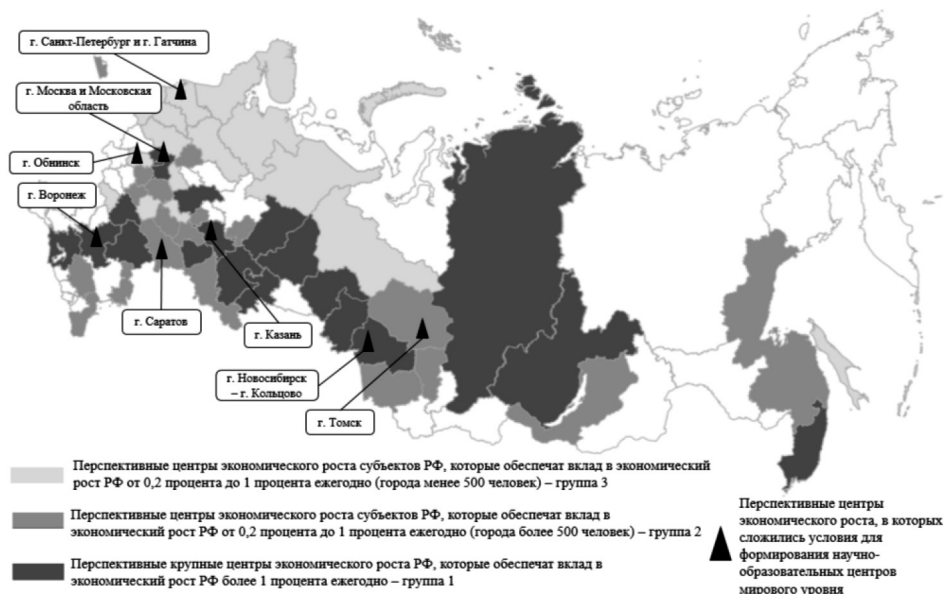

Рис. 2. Перспективные центры экономического роста по регионам России

Примечания:

1. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» Краснодарский край также отмечен как регион-местонахождение перспективных центров групп 2 и 3 (на картограмме отнесен к группе 1); Красноярский край, Свердловская область также отмечены как регионы-местонахождения перспективных центров группы 3 (на картограмме отнесены к группе 1); Хабаровский край также отмечен как регион-местонахождение перспективных центров группы 3 (на картограмме отнесен к группе 2); в целом регионы наносились на карту по отмеченным в Стратегии центрам экономического роста — городам и городским агломерациям.
2. Новые регионы Российской Федерации здесь и далее не анализировались ввиду отсутствия первичной информации.

Источник: составлено автором по [20].

Очевидно, что подобный выбор, с одной стороны, в значительной степени оправдан развитием региональных научных центров, имеющих научный задел. Однако, с другой стороны, это способно ограничивать развитие территорий, не отнесенных к перспективным центрам экономического роста.

Параллельно с НОЦ МУ, как отмечалось выше, развиваются иные объекты научно-технической деятельности, которые в разной степени формируют научно-техническую инфраструктуру, производя знания и технологии. На основе создания консорциумов без образования юри-

дического лица функционируют НЦМУ, использующие сквозные технологии¹⁵, а также Центры НТИ. Установленные для подобных объектов на государственном уровне цели и задачи, наличие межрегионального взаимодействия определяют направления распространения биотехнологий по территории России.

По принципу объединения, обособления и выделения территории и инфраструктуры в логике наиболее эффективного функционирования производственно-сбытовой цепочки создаются особые экономические зоны (ОЭЗ)¹⁶, инновационные территориальные кластеры (ИТК), инновационные научно-технологические центры (ИНТЦ) и др.

Кроме того, отдельные муниципальные образования с высоким научно-техническим потенциалом, а также научные организации, имеющие уникальные научные установки или центры коллективного пользования и квалифицированные для соответствующей работы кадры, наделяются статусами наукоградов и государственных научных центров (ГНЦ) соответственно¹⁷.

В виде структурных подразделений научных организаций и образовательных организаций высшего образования создаются инженеринговые центры¹⁸, центры трансфера технологий¹⁹, развиваются детские центры молодежного инновационного творчества²⁰, детские технопарки²¹ и пр.

Примечательно, что при изучении связей внутреннего взаимодействия участников, например, НОЦ МУ и НЦМУ, можно проследить их существенную территориальную удаленность (см. рис. 3).

¹⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.»; Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «Об утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

¹⁶ Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

¹⁷ Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации»; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 мая 2022 г. № 1155-р «О перечне научных организаций, за которыми сохраняется статус государственного научного центра Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2023 г. № 141 «О присвоении, сохранении и прекращении статуса государственного научного центра Российской Федерации».

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 151 «О внесении изменений в Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию проектов по созданию и развитию инженеринговых центров на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций».

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 2021 г. № 916 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета грантов в форме субсидий на оказание государственной поддержки создания и развития центров трансфера технологий, осуществляющих коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности научных организаций и образовательных организаций высшего образования».

²⁰ Центры молодежного инновационного творчества. URL: <https://pechatniki.mos.ru/social-sphere/the-youth-innovation-creativity-centres/?ysclid=lorgueiks846067728> (дата обращения: 21.11.2023).

²¹ Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации. URL: <https://skp-rf.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).

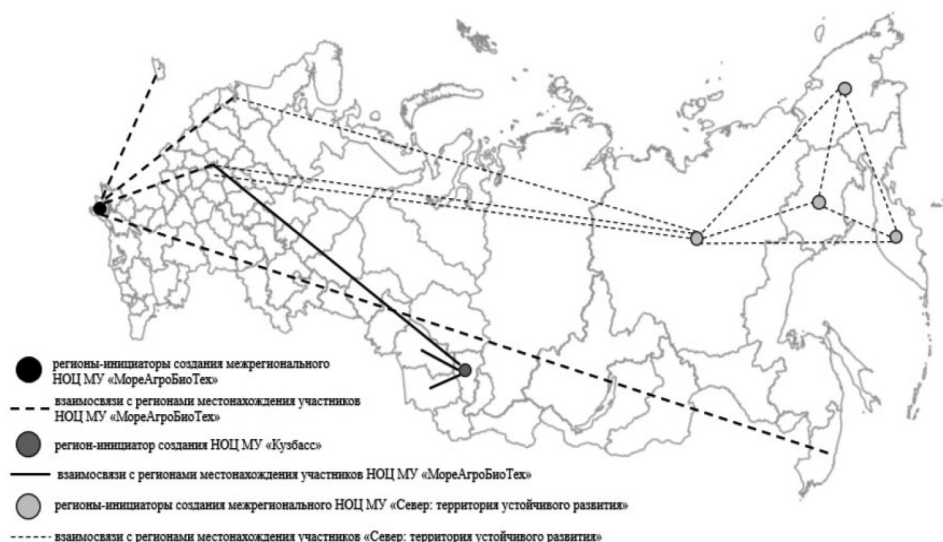

Рис. 3. Межрегиональные взаимосвязи некоторых действующих НОЦ МУ

Источник: составлено автором по [21].

Несмотря на очевидную популярность научно-образовательного взаимодействия между участниками объединений с организациями Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга, отметим наличие межрегионального взаимодействия вне организации взаимоотношений с вышеуказанными регионами-лидерами. Существенным обстоятельством потенциального развития является то, что в число участников объединений входят региональные организации, научно-образовательное лидерство которых не является очевидным.

Появление подобных механизмов межрегионального взаимодействия в области научно-технической и производственной деятельности весьма существенно для развития биоэкономики ввиду обширного спектра многопрофильных исследовательских и прикладных задач, которые в современных условиях зачастую нет возможности решить силами отдельных научных и/или производственных коллективов. Тематический каскад возможных к использованию для развития биоэкономики технологий усиливает необходимость межрегионального взаимодействия для наиболее эффективной подготовки кадров по различным направлениям подготовки и специальностям.

Подготовка кадров как фактор технологического развития регионов России

Ранее распространение знаний между регионами тесно связывали с территориальной удаленностью. Однако в настоящее время ввиду всеобщего развития и распространения цифровых технологий данный взгляд подвергается существенной трансформации с учетом прин-

ципиальных изменений в передаче знаний и диффузии инноваций. Оказывается, что территориальная удаленность от центра технологического развития не сдерживает инновационное развитие региона. При этом механизмы межрегионального взаимодействия все больше становятся ориентированы на условия технологической близости [18].

В целом изучение особенностей развития технологий и региональных инновационных систем не представляется возможным без рассмотрения вопроса обеспеченности региона квалифицированными кадрами. Из-за необходимости решать комплекс задач по подготовке кадров очевидно *требуется заблаговременная проработка на региональном уровне* содержания образовательных программ и планирование приема сообразно приоритетам технологического развития. Причем задача оптимизации распределения обучающихся по направлениям подготовки и специальностям²², значимым для развития региона, является весьма существенной ввиду наличия в России документов высокого уровня по обеспечению технологического суверенитета, развитию биоэкономики и т.д.²³ Обостряют указанную проблему существующие диспропорции количества обучающихся экономике, менеджменту и по другим социогуманитарным направлениям подготовки в сравнении с контингентом студентов, обучающихся, например, по биологическим наукам [22]. Таким образом, становится очевидна необходимость поиска баланса между задачами технологического развития, портфелем реализуемых образовательных программ и структурой контингента региональных вузов.

Анализ отчетных стратегических документов в выборке из более пятидесяти отечественных вузов выявил наличие *тенденций к увеличению внимания* к подготовке инженерных кадров и реализации образовательных программ технологической направленности. Соответственно, многие вузы стремятся оформить и закрепить научную специализацию, выделить ядерные научные дисциплины с ориентацией на сквозные технологии [23]. Также существует тенденция формирования *междисциплинарных и даже конвергентных образовательных программ*, которая предполагает интеграцию исходно разнородных по областям знаний элементов на базе признаков, исходящих из трансформации технологического уклада.

Более того, в проанализированной литературе отмечается необходимость сохранения баланса распределения обучающихся по уровням образования, приращения человеческого капитала и снижения оттока кадров из региона как существенных условий сохранения и укрепления экономического потенциала, а также развития интеллектуального базиса для организации научных исследований [24].

²² Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования».

²³ Постановление Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 1933 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Таким образом, можно выделить три основных условия для рационального планирования с целью обеспечения региональных экономик квалифицированными кадрами, в т.ч. в области биотехнологий:

- 1) определение технологической специализации региона;
- 2) модернизация образовательных программ сообразно современным достижениям науки и технологий, разработка новых, в т.ч. междисциплинарных, образовательных программ;
- 3) сопоставление потребности в трудовых ресурсах со структурой приема в вузы по направлениям подготовки и специальностям, отнесенным в регионе к приоритетным по технологическому принципу.

***Изучение регионального размещения объектов научно-технической
и образовательной деятельности, специализирующихся
в области биотехнологий***

Некоторые исследователи характеризуют полюса роста как территории с высокой концентрацией производственных факторов, интенсивной экономической деятельностью, а главное, как движущую силу регионального синергетического развития. Подобные территории могут выступать в качестве агрегаторов, оказывать эффект поляризации или эффект диффузии и, воздействуя на прилегающие территории, становиться центрами технологического развития как в регионе местонахождения, так и на прилегающих территориях (например, [25]).

С учетом представленных материалов при изучении состояния научно-технической и образовательной деятельности в различных регионах понятие «полюс роста» можно раскрыть как территориальную концентрацию развитых профильных научных, образовательных учреждений и их объединений с организациями реального сектора экономики — ЭПР. Поэтому в рамках настоящего исследования в качестве полюсов роста рассматривались регионы, где существуют условия *для интенсивного научно-технологического и образовательного развития*, что может существенным образом сказываться и на перспективах экономики самого региона и на прилегающих территориях [13].

Решение соответствующих задач осуществлялось на основе изучения данных о функционировании в регионах России следующих объектов научно-технической и производственной деятельности: НОЦ МУ, НЦМУ, Центров НТИ, технопарков, ГНЦ, наукоградов, ИНТЦ, ИТК, ОЭЗ, которые специализируются в использовании биотехнологий и способны генерировать импульсы регионального развития. Сведения о размещении в регионах России вышеуказанных объектов были собраны в количественном выражении и суммированы для выявления регионов с их наибольшей концентрацией. Полученные результаты представлены в виде картограммы (см. рис. 4).

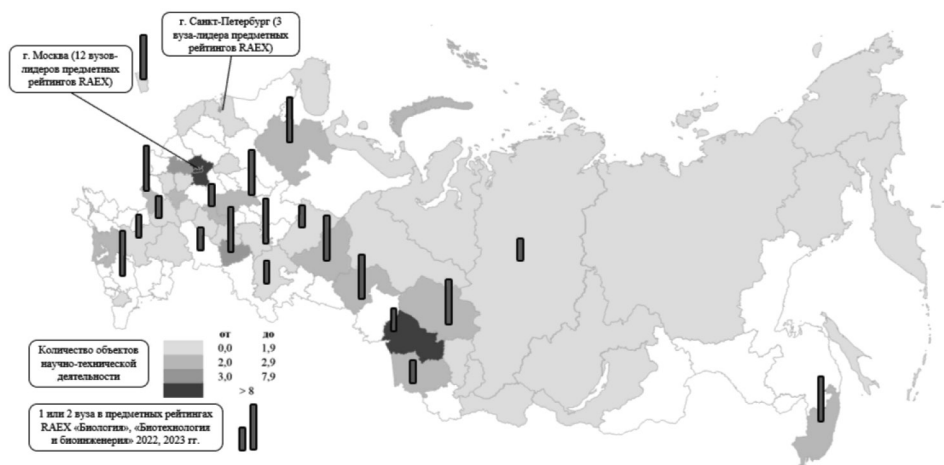

Рис. 4. Сведения о количественном размещении объектов образовательной и научно-технической деятельности в регионах России

Источник: составлено автором по [21; 26; 27; 28; 29; 30].

На картограмме²⁴ отдельно показано региональное размещение вузов, лидирующих в подготовке кадров в области биологии, биотехнологии и биоинженерии в соответствии с предметными рейтингами RAEX²⁵. При этом в отмеченных субъектах Российской Федерации оказалось до двух вузов, лидирующих в используемом предметном рейтинге компании RAEX. Очевидно, что в Москве и Санкт-Петербурге профильных лидирующих вузов оказалось больше, об этом на картограмме представлены отдельные сведения.

По результатам анализа пространственного размещения объектов научно-технической деятельности в России можно выделить следующие субъекты-лидеры:

- Москва и Санкт-Петербург;
- Новосибирская, Московская, Калужская, Самарская, Архангельская, Белгородская, Липецкая, Нижегородская, Свердловская, Томская и Тюменская области;
- Республика Мордовия, Алтайский, Краснодарский и Приморские края.

Примечательно, что большинство выявленных субъектов Российской Федерации значатся в числе лидеров рейтинга и по научно-технологическому развитию России за 2022 г.²⁶

²⁴ Картограмма отображает результаты суммирования количества профильных объектов научно-технической деятельности по регионам России; для межрегиональных НОЦ МУ засчитывались все регионы-участники их создания; ИНТЦ, ИТК, ОЭЗ и т.д. были включены в анализ в связи с организационными возможностями для коммерциализации результатов научно-технической деятельности.

²⁵ Предметные рейтинги // Рейтинговое агентство RAEX («РАЭК-Аналитика»). URL: https://raex-rr.com/all_rankings/ (дата обращения: 10.11.2023).

²⁶ Рейтинг российских регионов по научно-технологическому развитию. URL: <https://gia.ru/20231023/razvitie-1904516141.html> (дата обращения: 10.11.2023).

Анализ полученных результатов (см. рис. 4) показал, что среди вузов — лидеров профильных предметных рейтингов RAEX преобладающее большинство располагается в регионах функционирования выделенных объектов научно-технической деятельности. Однако Ставропольский край и Саратовская область, несмотря на наличие профильных вузов-лидеров, не вошли в число регионов, в которых созданы изучаемые новые объекты научно-технической деятельности. Вместе с тем в число участников НОЦ МУ «Инновационные решения в АПК» входит Акционерное общество «Биоамид» (разработка биотехнологических процессов и биокатализаторов, кормовых добавок, фармпрепаратов), зарегистрированное в Саратовской области²⁷. Это подтверждает важную роль создаваемых ЭПР в распространении знаний между регионами. Далее в качестве примеров представлены результаты комплексного изучения роли профильных объектов научно-технической деятельности, а также ведущих профильных вузов как ЭПР биоэкономики в отдельных регионах России.

Особенности функционирования объектов научно-технической деятельности как элементов полюсов роста биоэкономики в отдельных субъектах России

В данном разделе не приведены результаты изучения трех крупнейших субъектов России (Москва, Санкт-Петербург и Московская область), отличающихся от подавляющего большинства субъектов России по количеству работающего населения и многим другим экономическим показателям²⁸. Поэтому для целенаправленного изучения были выбраны следующие после Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга по результатам количественного анализа размещенных ЭПР (см. рис. 4) Новосибирская, Калужская и Самарская области. Ряд их социально-экономических показателей представлен в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что выбранные регионы относительно близки по показателю подушевого ВРП и производят высокотехнологичной и наукоемкой продукции больше среднего значения по России. Между тем они заметно отличаются по количеству населения, внутренним затратам на научные исследования и разработки, а также по количеству организаций, выполняющих научные исследования и др.

²⁷ Центры // Портал Научно-образовательных центров мирового уровня. URL: <https://xn--mlasy.xn--plai/centers> (дата обращения: 10.11.2023); Предоставление сведений из ЕГРЮЛ/ЕГРИП в электронном виде // Федеральная налоговая служба. Единый государственный реестр юридических лиц. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 10.11.2023); Официальный сайт АО «Биоамид». URL: <https://bioamid.com/activity/pharmaceuticals/> (дата обращения: 10.11.2023).

²⁸ Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 30.11.2023).

Т а б л и ц а 1

Некоторые показатели социально-экономического развития трех регионов, содержащих ЭПР

Показатель	Субъект Российской Федерации			Значения по России в целом
	Новосибирская область	Калужская область	Самарская область	
Население, тыс. чел., 2021	2 780	1 013	3 132	145 557
ВРП на душу населения, руб., 2020	485 981,4	558 174,6	505 093,4	640 519,0
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП, 2021	2,28	1,26	1,63	1,39
Организации, выполнявшие научные исследования и разработки, ед., 2021 (% от количества по России)	116 (2,78)	45 (1,08)	55 (1,32)	4 175
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %, 2021	22,8	33,5	25,2	19,1
Выдано патентов на изобретения/полезные модели, ед., 2021	396/134	140/33	273/174	15 012/6733
Используемые передовые производственные технологии, ед., 2021	3 549	3 514	7 229	256 582
Численность аспирантов, чел., 2021 (% от количества по России)	2 562 (2,84)	252 (0,28)	1 630 (1,81)	90 156

Источник: составлено автором по [31; 32].

Представляется важным отметить, что в **Новосибирской области** действуют в качестве ЭПР три технопарк, специализирующихся в т.ч. на биотехнологиях²⁹, а также ГНЦ вирусологии и биотехнологии «Вектор». В частности, в наукограде Кольцово, профилем исследований которого являются биотехнологии, существует специально созданный «Биотехнопарк» Новосибирской области³⁰. Научно-производственная инфраструктура этого «Биотехнопарка» обеспечивает создание условий для профильных организаций реального сектора экономики по внедрению биотехнологических новаций. Кроме того, в данном регионе действуют Инновационный кластер информационных и биофармацев-

²⁹ Технопарки // Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации. URL: <https://ckp-rf.ru/ntirf/objects/tparks/> (дата обращения: 20.11.2023).

³⁰ Биотехнопарк Новосибирской области. URL: <https://www.btp-nso.ru/general-information> (дата обращения: 20.11.2023).

тических технологий³¹ и научно-производственный кластер «Сибирский наукополис»³². Среди основных задач этих структур особо отмечены вывод инновационных биотехнологических продуктов на рынок и создание крупнотоннажных производств для обеспечения в первую очередь внутренних потребностей рынка.

О показателях результативности подобных объектов можно судить по сведениям о технопарке Новосибирского Академгородка (см. рис. 5), по состоянию на 2021 г. объединявшего 334 компании-резидента.

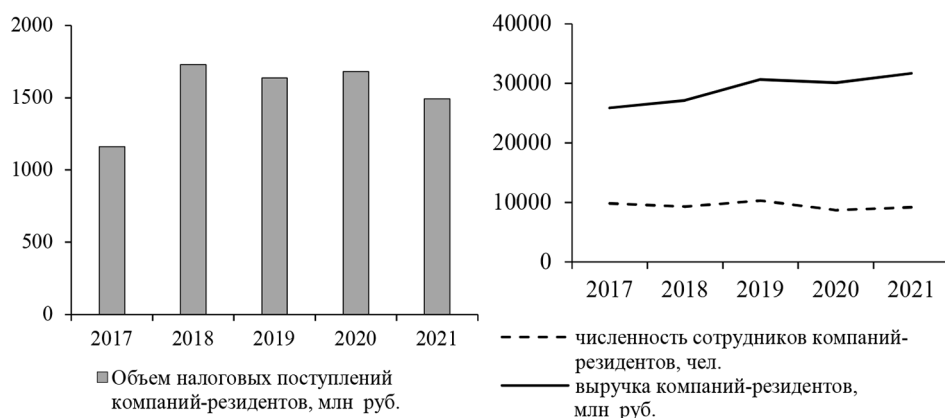

Рис. 5. Показатели результативности научно-технологического парка Новосибирского Академгородка «Академпарк»

Источник: составлено автором по [33].

С учетом имеющихся оценок по развитию научно-образовательного потенциала региона для использования биотехнологий создан НОЦ МУ «Сибирский биотехнологический научно-образовательный центр» (СиббиоНОЦ)³³. Эту организацию можно характеризовать как один из ЭПР биоэкономики, поскольку она способна осуществлять реализацию соответствующих проектов полного цикла по аграрным и медицинским направлениям. Более того, в ближайшей перспективе предусматривается создание агробиотехнопарка в качестве инфраструктурного проекта для «СиббиоНОЦ»³⁴. Некоторые показатели деятельности «СиббиоНОЦ» суммированы на рисунке 6.

³¹ Центр кластерного развития Новосибирской области. URL: <https://cluster-nso.ru/?clusters=klastr-informatsionnyih-i-biofarmatsevticheskikh-tehnologiy> (дата обращения: 20.11.2023).

³² Научно-производственный кластер «Сибирский наукополис». URL: <https://icnso.ru/clusters/biotehnologii/index.html> (дата обращения: 20.11.2023).

³³ Распоряжение Правительства Новосибирской области от 2 ноября 2020 № 493-рп «О научно-образовательном центре мирового уровня». URL: <http://sibnoc.nso.ru/dokumenty/> (дата обращения: 20.11.2023).

³⁴ Сибирский биотехнологический научно-образовательный центр (СиббиоНОЦ). Программа деятельности СиббиоНОЦ от 3 мая 2023 г. URL: <http://sibnoc.nso.ru/dokumenty/> (дата обращения: 20.11.2023).

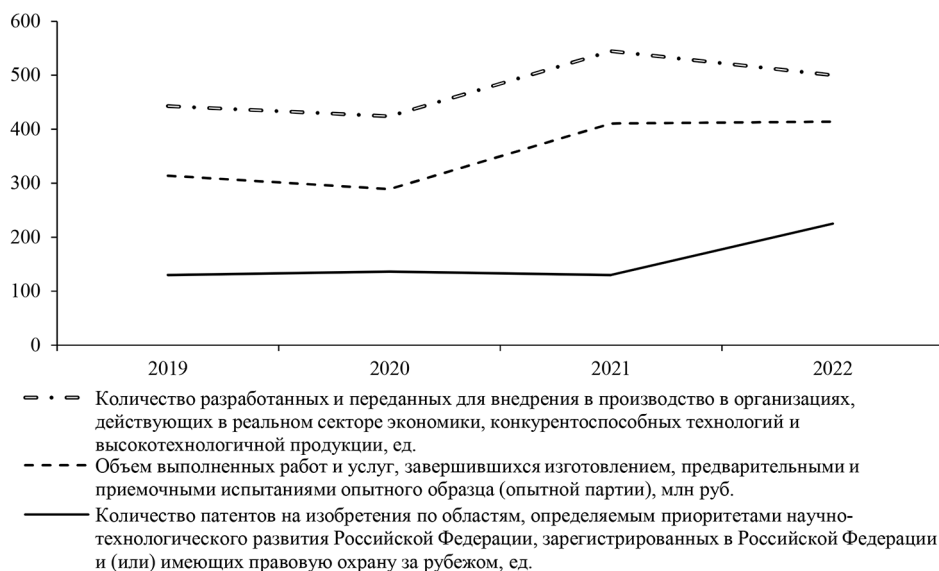

Рис. 6. Показатели результативности «СиббиоНОЦ»

Источник: составлено автором по [33].

Отдельного внимания заслуживает и то, что в *Новосибирской области* на базе Института катализа Сибирского отделения Российской академии наук по результатам конкурсного отбора создан и функционирует Центр НТИ «Водород как основа низкоуглеродной экономики»³⁵. Среди основных направлений деятельности этого центра предусмотрены развитие каталитических технологий для получения водорода (H_2) и изучение реакций связывания CO_2 с включением в ценные химические продукты. Наконец, предполагается получение топлива с применением водорода, а также осуществление переработки биомассы в хозяйственно ценные продукты и др.³⁶.

В целом с учетом активной деятельности созданных в *Новосибирской области* научно-внедренческих и других инфраструктурных организаций можно признать, что в этом регионе сложились и функционируют определенные ЭПР. Они охватывают широкий спектр направлений, связанных с использованием биотехнологий в различных областях экономики (сельское хозяйство, энергетика, фармацевтическая промышленность и пр.). Важно подчеркнуть, что эта деятельность осуществляется при значимой поддержке и региональных и федеральных властей.

³⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 октября 2017 г. № 1251 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на оказание государственной поддержки центров Национальной технологической инициативы на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций и Положения о проведении конкурсного отбора на предоставление грантов на государственную поддержку центров Национальной технологической инициативы на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций».

³⁶ Центр НТИ «Водород как основа низкоуглеродной экономики». URL: <https://h2nti.ru/about> (дата обращения: 20.11.2023).

Как следствие, регион находится в числе лидеров по внутренним затратам на исследования и разработки в области естественных наук в России³⁷.

Характеризуя ситуацию с ЭПР в **Калужской области**, отметим, что здесь расположены специализирующийся в области биотехнологий технопарк «Обнинск»³⁸, особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Калуга»³⁹, которая среди прочего, специализируется в области фармацевтики, и ИТЦ «Калужский фармацевтический кластер»⁴⁰. Специализация указанных ЭПР во многом ориентирована на решение задач фармацевтики.

Примечательно, что в Калужской области расположены филиалы некоторых ведущих вузов России (РАНХиГС, Финансовый университет, МГТУ им. Н.Э. Баумана и др.), а также Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского⁴¹. Однако детальных сведений о целенаправленной подготовке кадров, обладающих компетенциями в области естественных наук и способных использовать биотехнологии в трудовой деятельности, обнаружить не удалось. Соответственно, можно думать, что поступление подготовленных кадровых ресурсов для работы в ЭПР происходит из соседних регионов.

В **Самарской области** создание условий для функционирования ЭПР осуществляется с использованием конвергентных технологий (биотехнологий, биомедицины, цифровых решений, материаловедения и пр.). Так, в этом регионе сформирован Центр компетенций НТИ «Бионическая инженерия в медицине»⁴², деятельность которого включает, в частности, применение цифровых технологий, а также осуществление инженерных решений для получения цифровых моделей органов, тканей, систем метаболизма и др.

Кроме того, в Самарской области имеется региональный технопарк «Жигулевская долина»⁴³, который можно характеризовать как ЭПР, обеспечивающий развитие биотехнологических проектов на основе агро- и экобиотехнологий, биоэнергетики и др.

Важно отметить также, что поддержка внедрения инноваций в ЭПР подкреплена созданной в регионе ОЭЗ промышленно-производственного типа «Тольятти», где действует фармацевтическое производство (ООО «Озон Фарм»).

³⁷ Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 20.11.2023).

³⁸ Технопарк «Обнинск». URL: https://obninsk.tech/tehnopark_obninsk/zakonodatelnaya-baza-i-dokumenty/ (дата обращения 20.11.2023).

³⁹ Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Калуга». URL: <http://oezkaluga.ru/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁴⁰ Инновационный территориальный кластер «Калужский фармацевтический кластер». URL: <https://www.pharmclusterkaluga.ru/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁴¹ Результаты мониторинга деятельности образовательных организаций. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_vpo/material.php?type=2&id=10307 (дата обращения: 22.11.2023).

⁴² Центр НТИ «Бионическая инженерия в медицине». URL: https://nti2035.ru/technology/competence_centers/bim.php (дата обращения: 20.11.2023).

⁴³ Технопарк в сфере высоких технологий «Жигулевская долина». URL: <https://dolinatlt.ru/> (дата обращения: 20.11.2023).

***Некоторые характеристики и перспективы подготовки кадров
для биоэкономики в отдельных субъектах России***

Среди ключевых показателей оценки социально-экономического или научно-технологического развития региона традиционно используются сведения, характеризующие подготовку и востребованность на рынке труда квалифицированных кадров. Имеется мнение, что стоимость передачи знания незначительна, однако отмечаются определенные ограничения в распространении знаний [18]: требуется носитель знания и эффективная система их целенаправленного распространения, организация подготовки кадров и др.

Очевидно, что особая роль в этом принадлежит региональной системе образования, учреждения которой способны оказывать значительное влияние на развитие биоэкономической деятельности, фактически как ЭПР, в т.ч. через участие в деятельности НОЦ МУ, НЦМУ, Центров НТИ и т.д.

Поскольку образовательные организации являются базовой силой в процессе распространения знаний, а объем новых знаний постоянно возрастает [34], то для комплексного анализа региональной биоэкономической деятельности становится важным составить представление об отношении к данной проблематике студентов как потенциального кадрового резерва. В частности, особое значение могли бы иметь сведения о взглядах обучающихся на вопросы создания и использования биотехнологий, а также на их место в современном рынке труда. Кроме того, интересно было бы оценить мотивированность студентов к обучению соответствующим дисциплинам и готовность к восприятию подобных знаний.

Для проведения оценки было организовано анкетирование студентов нескольких вузов. С этой целью использовалась ранее разработанная методика, предусматривающая применение двух анкет [35]. Одна из анкет предназначалась для обучающихся по направлениям подготовки и специальностям, связанным с науками о жизни, а другая — для студентов иных направлений и специальностей. Часть общих вопросов в обеих анкетах совпадала, но некоторые вопросы имели специфику сообразно выделенным двум группам обучающихся, участвующих в опросе (связанных и не связанных с науками о жизни).

В анкетировании приняли участие 374 обучающихся по программам высшего образования в вузах Москвы, Республики Бурятии, Алтайского и Пермского краев, Новосибирской, Саратовской, Тульской и Тюменской областей.

В результате из достаточно представительной выборки были сформированы *две когорты участников*, из которых ~56% сообщили о том, что им приходилось в процессе освоения образовательной программы изучать общие вопросы, связанные с возможностями использования биотехнологий. При этом ~35% респондентов из когорты обучающихся по направлениям, связанным с науками о жизни, рассматривают возможность трудоустройства в области биотехнологии. В когорте респондентов, которые обучаются по направлениям и специальностям, прямо

не связанным с науками о жизни (например, направления подготовки Экономика и управление, Сервис и туризм, Социология и социальная работа и др.), подобную возможность рассматривают ~18%.

Соответственно, эти результаты можно оценить как вполне позитивные ввиду открывающихся перспектив устойчивого развития биоэкономической деятельности во многих регионах России, в частности, с привлечением трудовых ресурсов региона.

Вместе с этим оказалось, что только ~10% опрошенных обучающихся по областям, связанным с науками о жизни, в процессе освоения образовательной программы познакомились с понятиями «биоразлагаемые полимеры (биопластики)» и лишь ~9% — с возможностями использования биотоплива, утилизации углекислого газа и другими значимыми проблемами, решениями которых занимается биоэкономика (см. рис. 7а).

Проведенное анкетирование показало также, что практическая подготовка только ~16% обучающихся так или иначе была связана с лабораторным получением биотехнологических продуктов, и лишь ~2% обучающихся в области наук о жизни проходили практическую подготовку на промышленном производстве биотехнологической продукции (см. рис. 7б). Таким образом, полученные результаты указывают на существование ряда задач, которые необходимо решать в интересах оптимизации подготовки кадров для биоэкономики в отдельных регионах России.

Рис. 7. Некоторые результаты проведенного анкетирования обучающихся

Источник: составлено автором.

В целом имеется достаточно оснований, чтобы характеризовать многогранную деятельность определенных профильных вузов как ЭПР. Очевидно, что с использованием механизма долгосрочных трудовых отношений или целевой подготовки можно прийти к формату взаимо-

действия «обучающийся — предприятие», который в наименьшей степени носил бы формальный характер и использовался не только для решения бюрократических задач исполнения учебного плана.

Заключение

Результаты анализа пространственного размещения ЭПР в регионах России позволяют выявить ряд тенденций.

Первая — кооперация, интеграция и даже конвергенция организаций, осуществляющих научную и образовательную деятельность в различных регионах России по технологическому принципу.

Вторая — частое доминирование технологического принципа над территориальной близостью при межрегиональном взаимодействии.

Третья — включение в реализацию научно-образовательных проектов научных и образовательных организаций, не являющихся очевидными региональными лидерами.

Четвертая — осуществление в отдельных субъектах Российской Федерации комплексной биоэкономической деятельности по причине наличия определенного технологического задела, локальных инициатив и поддержки государства.

Выявлено также наличие полюсов регионального роста биотехнологий, имеющих обширный исследовательский потенциал, кооперационные связи и сформированную инфраструктуру подготовки кадров для развития практического использования биотехнологий в нашей стране.

Таким образом, формирование условий для развития биотехнологий в субъектах Российской Федерации способствует образованию сетей знаний, позволяющих получить синергетический эффект от взаимодействия участников сети и создать дополнительные конкурентные преимущества для нашей страны. Естественно, что пути к подобным целям лежат через целенаправленное продолжение государственной и частной поддержки деятельности по распространению исследований и соответствующих технологий, а также подготовку квалифицированных кадров, способных не только производить знания, но и внедрять наукоемкие решения в практическую деятельность.

Список литературы

1. Титова Е.С., Шишкин С.С. Актуальные проблемы биоэкономики, роль постгеномных дисциплин. М.: ВАШ ФОРМАТ, 2023. 406 с.
2. Титова Е.С., Шишкин С.С., Штырно Д.А. Биоэкономика — один из путей к устойчивому развитию регионов России // Федерализм. 2023. Т. 28. № 1 (109). С. 56–79.
3. Демидова К.В., Макушкин М.А. Полюса роста в Красноярском крае: методика выявления и концентрация эффектов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67. № 4. С. 714–732.

4. *Perroux F.* Economic Space Theory and Applications // *Quarterly Journal of Economics*. 1950. Vol. 64. P. 89–104.
5. *Леонтьев А.И., Новикова Н.В.* Региональная проекция теории полюса роста: зарубежный и российский опыт // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2020. № 4. С. 106–117.
6. *Суворова А.В.* Развитие полюсов роста в Российской Федерации: прямые и обратные эффекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. № 6. С. 110–128.
7. *Большаков Н.М., Жиделева В.В., Гурьева Л.А., Рауш Е.А.* Кластеризация в современном образовании: методология и практика. СПб.: СПбГЛТУ, 2016. 200 с.
8. *Титова Е.С.* «Зеленая» экономика в стратегиях развития регионов России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2023. Т. 10. № 3. С. 315–329.
9. *Кричевский Г.Е.* НБИКС-технологии – концепция реформации или фундамент будущего технологического прорыва? // *Наноиндустрия*. 2021. Т. 14. № 2 (105). С. 88–93.
10. *Entezari Y.* Modelling the National Knowledge Ecosystem: Policy Implications for Iran // *Procedia Computer Science*. 2019. Vol. 158. P. 826–835.
11. *Кузнецова О.В.* Научно-технологические приоритеты в федеральной политике пространственного развития в России // *Федерализм*. 2022. Т. 27. № 4. С. 5–20.
12. *Ладыгина И.А., Стрябкова Е.А.* Формирование методики поиска полюсов роста региональных инновационных систем // *Общество: политика, экономика, право*. 2022. № 6 (107). С. 63–67.
13. *Саприкина Н.А.* Методические подходы к выявлению стран-полюсов роста мировой экономики и образуемых ими стратегических треугольников в условиях формирования многополярного мира // *Московский экономический журнал*. 2021. № 8. С. 263–282.
14. *Красных С.С.* Полюса роста неоиндустриального экспорта регионов России // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2022. Вып. 16. № 3. С. 27–31.
15. *Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Борисова С.В., Кольчугина А.В., Лыкова Л.Н.* Тренды развития региональных экономик в России // *Федерализм*. 2022. Т. 27. № 2. С. 177–221.
16. *Валентей С.Д., Бахтизин А.Р., Кольчугина А.В.* Готовность региональных экономик к модернизации // *Федерализм*. 2018. № 3. С. 143–156.
17. *Ramírez B.* Core-Periphery Models. Editor: Audrey Kobayashi // *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. Elsevier Science & Technology, 2020. P. 397–402.
18. *Преображенский Ю.В.* Центр и периферия национальной инновационной системы России // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2020. № 10 (192). С. 14–23.
19. Наука, инновации и технологии // *Федеральная служба государственной статистики*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 06.11.2023).
20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 08.11.2023).
21. Центры // *Портал Научно-образовательных центров мирового уровня*. URL: <https://xn--mlacy.xn--plai/centers> (дата обращения: 08.11.2023).

22. Степанова С.В. Актуальные проблемы обучения экономическим специальностям в высшей школе // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 7. С. 78–95.
23. Титова Е.С., Шишкин С.С., Крицкий М.С., Камионская А.М. Цифровизация и «-омики» — новые подходы к подготовке научных кадров // Высшее образование сегодня. 2020. № 10. С. 28–33.
24. Тагаров Б.Ж. Оценка пространственной концентрации в сфере высшего образования и научной деятельности в России // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 6. С. 1021–1036.
25. Hu Y.-J., Duan F., Wang H., Li C., Zhang R., Tang B.-J. Pathways for Regions to Achieve Carbon Emission Peak: New Insights from the Four Economic Growth Poles in China // Science of The Total Environment. 2024. Vol. 907. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2023.167979
26. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 мая 2022 г. № 1155-р «О перечне научных организаций, за которыми сохраняется статус государственного научного центра РФ». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202205140010> (дата обращения: 08.11.2023).
27. Наукотрады // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dkdno/naukograd/> (дата обращения: 09.11.2023).
28. Карта центров // Портал Научных центров мирового уровня. URL: <https://xn--l1abtk.xn--plai/?ysclid=leih5dnviq125199262> (дата обращения: 08.11.2023).
29. Объекты НТИРФ // Портал Научно-технологической инфраструктуры РФ. URL: <https://ckp-rf.ru/ntirf/objects/> (дата обращения: 08.11.2023).
30. Предметные рейтинги // Рейтинговое агентство RAEX («РАЭК-Аналитика»). URL: https://raex-rr.com/all_rankings/ (дата обращения: 10.11.2023).
31. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 30.11.2023).
32. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 30.11.2023).
33. Программа деятельности СиббиоНОЦ от 03 мая 2023 г. // Сибирский биотехнологический научно-образовательный центр (СиббиоНОЦ). URL: <http://sibnoc.nso.ru/dokumenty/> (дата обращения: 20.11.2023).
34. Gould H., Kelleher L., O'Neill E. Trends and Policy in Bioeconomy Literature: a Bibliometric Review // EFB Bioeconomy Journal. 2023. Vol. 3. DOI: 10.1016/j.bioeco.2023.100047
35. Титова Е.С. Методика выявления уровня осведомленности обучающихся об использовании биотехнологий в целях развития «зеленой» экономики // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXIV Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 60–65.

References

1. Titova E.S., Shishkin S.S. Aktual'nye problemy bioekonomiki, rol' postgenomnykh distsiplin [Current Problems of Bioeconomy, The Role of Post-Genomic Disciplines]. Moscow, VASh FORMAT, 2023, 406 p. (In Russ.).
2. Titova E.S., Shishkin S.S., Shtykhno D.A. Bioekonomika — odin iz putei k ustoichivomu razvitiyu regionov Rossii [Bioeconomy as One of the Ways to Sustainable

Development of Russian Regions], *Federalizm* [Federalism], 2023, Vol. 28, No. 1 (109), pp. 56–79. (In Russ.).

3. Demidova K.V., Makushkin M.A. Poliusa rosta v Krasnoiaarskom krae: metodika vyivleniia i kontsentratsiia effektiv [Growth Poles in the Krasnoyarsk Region: Methods of Identification and Concentration of Effects], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle* [Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences], 2022, Vol. 67, No. 4, pp. 714–732. (In Russ.).

4. Perroux F. Economic Space Theory and Applications, *Quarterly Journal of Economics*, 1950, Vol. 64, pp. 89–104.

5. Leont'ev A.I., Novikova N.V. Regional'naia proektsiia teorii poliusa rosta: zarubezhnyi i rossiiskii opyt [Regional Projection of The Growth Pole Theory: Foreign and Russian Experience], *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika* [Theoretical and Applied Economics], 2020, No. 4, pp. 106–117. (In Russ.).

6. Suvorova A.V. Razvitiye poliusev rosta v Rossiiskoi Federatsii: priamye i obratnye efekty [Development of Growth Poles in The Russian Federation: Direct and Reverse Effects], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2019, No. 6, pp. 110–128. (In Russ.).

7. Bol'shakov N.M., Zhideleva V.V., Gur'eva L.A., Raush E.A. Klasterizatsiia v sovremennom obrazovanii: metodologiya i praktika [Clustering in Modern Education: Methodology and Practice]. Saint Petersburg, SPbGLTU, 2016, 200 p. (In Russ.).

8. Titova E.S. «Zelenaia» ekonomika v strategiyakh razvitiia regionov Rossii [“Green” Economy in the Russian Regions’ Development Strategies], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* [RUDN Journal of Public Administration], 2023, Vol. 10, No. 3, pp. 315–329. (In Russ.).

9. Krichevskii G.E. NBIKS-tehnologii – kontseptsiiya reformatsii ili fundament budushchego tekhnologicheskogo proryva? [NBICS Technologies – a Concept of Reformation or the Foundation of a Future Technological Breakthrough?], *Nanoindustriia* [Nanoindustry], 2021, Vol. 14, No. 2 (105), pp. 88–93. (In Russ.).

10. Entezari Y. Modelling the National Knowledge Ecosystem: Policy Implications for Iran, *Procedia Computer Science*, 2019, Vol. 158, pp. 826–835.

11. Kuznetsova O.V. Nauchno-tehnologicheskie prioritety v federal'noi politike prostranstvennogo razvitiia v Rossii [Scientific and Technological Priorities in the Federal Spatial Development Policy in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 4, pp. 5–20. (In Russ.).

12. Ladygina I.A., Striabkova E.A. Formirovanie metodiki poiska poliusev rosta regional'nykh innovatsionnykh sistem [Formation of the Growth Pole Search Methodology of Regional Innovation Systems], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2022, No. 6 (107), pp. 63–67. (In Russ.).

13. Saprikina N.A. Metodicheskie podkhody k vyivleniiu stran-poliusev rosta mirovoi ekonomiki i obrazuemykh imi strategicheskikh treugol'nikov v usloviakh formirovaniia mnogopoliarnogo mira [Methodological Approaches to Identifying Countries at the Poles of Global Economic Growth and the Strategic Triangles They Form in the Context of the Formation of a Multipolar World], *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal* [Moscow Economic Journal], 2021, No. 8, pp. 263–282. (In Russ.).

14. Krasnykh S.S. Poliusa rosta neoindustrial'nogo eksporta regionov Rossii [Growth Poles of Neo-Industrial Exports of Russian Regions], *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of South Ural State University, Series “Economics and Management”], 2022, Iss. 16, No. 3, pp. 27–31. (In Russ.).

15. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Borisova S.V., Kol'chugina A.V., Lykova L.N. Trendy razvitiia regional'nykh ekonomik v Rossii [Development Trends of Regional

Economies in Russia], *Federalizm* [Federalism], 2022, Vol. 27, No. 2, pp. 177–221. (In Russ.).

16. Valentei S.D., Bakhtizin A.R., Kol'chugina A.V. Gotovnost' regional'nykh ekonomik k modernizatsii [The Readiness of Regional Economies to Modernization], *Federalizm* [Federalism], 2018, No. 3, pp. 143–156. (In Russ.).

17. Ramírez B. Core-Periphery Models. Editor: Audrey Kobayashi, *International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition)*. Elsevier Science & Technology, 2020, pp. 397–402.

18. Preobrazhenskii Iu.V. Tsentr i periferiia natsional'noi innovatsionnoi sistemy Rossii [Center and Periphery of Russian National Innovation System], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics], 2020, No. 10 (192), pp. 14–23. (In Russ.).

19. Nauka, innovatsii i tekhnologii [Science, Innovation and Technology], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed 06 November 2023).

20. Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 13 fevralia 2019 g. N 207-r "Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda" [Order of the Russian Federation Government of February 13, 2019 No. 207-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period until 2025"]. (In Russ.). Available at: <https://base.garant.ru/72174066/> (accessed 08 November 2023).

21. Tsentry [Centers], *Portal Nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov mirovogo urovnia* [Portal of World-Class Scientific and Educational Centers]. (In Russ.). Available at: <https://xn--mlacy.xn--plai/centers> (accessed 08 November 2023).

22. Stepanova S.V. Aktual'nye problemy obuchenii ekonomicheskim spetsial'nostiam v vysshei shkole [Actual Problems of Economics Teaching in Higher School], *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2023, Vol. 32, No. 7, pp. 78–95. (In Russ.).

23. Titova E.S., Shishkin S.S., Kritskii M.S., Kamionskaia A.M. Tsifrovizatsiia i "omiki" – novye podkhody k podgotovke nauchnykh kadrov [Digitization and "Omics" – New Approaches to the Scientific Personnel Training], *Vysshee obrazovanie segodnia* [Higher Education in Russia], 2020, No. 10, pp. 28–33. (In Russ.).

24. Tagarov B.Zh. Otsenka prostranstvennoi kontsentratsii v sfere vysshego obrazovaniia i nauchnoi deiatel'nosti v Rossii [Assessing the Spatial Concentration of Higher Education and Scientific Activity in Russia], *Kreativnaia ekonomika* [Creative Economy], 2020, Vol. 14, No. 6, pp. 1021–1036. (In Russ.).

25. Hu Y.-J., Duan F., Wang H., Li C., Zhang R., Tang B.-J. Pathways for Regions to Achieve Carbon Emission Peak: New Insights from the Four Economic Growth Poles in China, *Science of The Total Environment*, 2024, Vol. 907. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2023.167979

26. Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 13 maia 2022 g. N 1155-r "O perechne nauchnykh organizatsii, za kotorymi sokhraniatsia status gosudarstvennogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Federatsii" [Order of the Russian Federation Government of May 13, 2022 No. 1155-R "On the List of Scientific Organizations That Retain the Status of a State Scientific Center of the Russian Federation"]. (In Russ.). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202205140010> (accessed 08 November 2023).

27. Naukogrady [Science Cities], *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dkdno/naukograd/> (accessed 09 November 2023).

28. Karta tsentrov [Map of Centers], *Portal Nauchnykh tsentrov mirovogo urovnia* [Portal of World-Class Scientific Centers]. (In Russ.). Available at: <https://xn--1labtk.xn--plai/?ysclid=leih5dnviq125199262> (accessed 08 November 2023).

29. Ob"ekty NTIRF [STIRF objects], *Portal Nauchno-tekhnologicheskoi infrastruktury Rossiiskoi Federatsii* [Portal of the Scientific and Technological Infrastructure of the Russian Federation]. (In Russ.). Available at: <https://ckp-rf.ru/ntirf/objects/> (accessed 08 November 2023).

30. Predmetnye reitingi [Subject Ratings], *Reitingovoe agentstvo RAEX ("RAEX-Analitika")* [Rating Agency RAEX ("RAEX-Analytics")]. (In Russ.). Available at: https://raex-rr.com/all_rankings/ (accessed 10 November 2023).

31. Ofitsial'naya statistika [Official Statistics], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed 30 November 2023).

32. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022 [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2022], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed 30 November 2023).

33. Programma deiatel'nosti SibbioNOTs ot 03 maia 2023 g. [SibbioSEC Activity Program Dated May 03, 2023], *Sibirskii biotekhnologicheskii nauchno-obrazovatel'nyi tsentr (SibbioNOTs)* [Siberian Biotechnological Scientific and Educational Center (SibbioSEC)]. (In Russ.). Available at: <http://sibnoc.nso.ru/dokumenty/> (accessed 20 November 2023).

34. Gould H., Kelleher L., O'Neill E. Trends and Policy in Bioeconomy Literature: a Bibliometric Review, *EFB Bioeconomy Journal*, 2023, Vol. 3. DOI: 10.1016/j.bioeco.2023.100047

35. Titova E.S. Metodika vyavleniia urovnia osvedomlennosti obuchaiushchikhsia ob ispol'zovanii biotekhnologii v tseliakh razvitiia "zelenoi" ekonomiki [A Method for Revealing Students' Awareness Level about Biotechnologies Using for the "Green" Economy Development Purposes], *Sovremennye nauchnye issledovaniia: aktual'nye voprosy, dostizheniia i innovatsii: sbornik statei XXXIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Scientific Research: Current Issues, Achievements and INNOVATIONS: Collection of Articles of the XXXIV International Scientific and Practical Conference]. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2023, pp. 60–65. (In Russ.).

THE ROLE OF BIOTECHNOLOGIES IN RUSSIAN REGIONS GROWTH POLES DEVELOPMENT

Existing technological structure transformation taking place in Russia and many other countries includes, in particular, bioeconomy development, which is based on the widespread modern biotechnologies using necessary to ensure national technological sovereignty. In order to analyze bioeconomy introduction and development prospects in Russian regions, which differ significantly in economic activity specifics, this article studied the relevant growth poles, considering qualified personnel availability, as well as organizational solutions used to optimize scientific and pedagogical work. The research was carried out using a quantitative analysis of regional location specially formed in Russia scientific, technical, educational and production facilities (as centers of concentration of scientific research and technology transfer), as well as leading specialized universities. The data obtained are compared with the students' from a number of universities survey on the biotechnologies creation and using.

Keywords: biotechnologies, growth poles, scientific and technological development, region, bioeconomy.

JEL: Q57, R58, I25

Дата поступления — 15.01.2024 г.

ТИТОВА Екатерина Сергеевна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института развития образования;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.

e-mail: Titova.ES@rea.ru

ТИТОВА Ekaterina S.

PhD. (Econ.), Leading Researcher of the Education Development Research Institute;

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992.

e-mail: Titova.ES@rea.ru

Для цитирования:

Титова Е.С. Роль биотехнологий в развитии «полюсов роста» в российских регионах // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113). С. 146–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-146-170>

П.А. ЛОПАТИНА

БАНКРОТСТВА КОМПАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОВИДНЫЙ И ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОДЫ

Рыночная экономика подвержена циклическим изменениям, что существенно отражается на финансовом состоянии компаний. Периоды роста сменяются периодами экономических кризисов и стагнации. Эти периоды сопровождаются как ростом количества компаний и их финансовой устойчивости, так и их резким снижением, включая утрату финансовой платежеспособности. С целью анализа динамики и отраслевой специфики количества банкротств в статье изучена статистика банкротств компаний в Российской Федерации с 2017 по 2023 г. Данный временной отрезок включает допандемийный, пандемийный (COVID-19) и постпандемийный периоды, в каждом из которых выявлены характерные для него факторы, влияющие на экономическую турбулентность. Автором проанализирована не только количественная динамика банкротств компаний, но и региональная, а также отраслевая специфика банкротств компаний в анализируемом периоде.

Ключевые слова: банкротство российских компаний, причины банкротства, экономическая ситуация, отрасль, государственная поддержка, юридические лица, регион.

JEL: G33, H11, L10, R10

Банкротства компаний — одна из угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов, поскольку негативно сказываются в целом на экономической активности, уровне безработицы и доходов граждан трудоспособного возраста, поступлениях в бюджет, сроках острой фазы экономического кризиса и способны спровоцировать национальный финансовый кризис. Поэтому выявление и анализ проблем, результатом которых в последние годы становится ухудшение финансовых показателей компаний и последующее их банкротство, приобретают все большую актуальность¹, т.к. позволяют определить направления и конкретные меры их поддержки государством в интересах сохранения финансовой и экономической стабильности страны и ее регионов.

¹ Карлова Н., Пузанова Е. Изменение бизнес-процессов после пандемии COVID-19: результаты опроса предприятий, январь 2022 г. Аналитическая записка. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132395/analytic_note_20220126_dip.pdf (дата обращения: 21.01.2024).

Динамика банкротства компаний

Согласно данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве, юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (далее — Федресурс), за период с I квартала 2017 г. по III квартал 2023 г. максимальное количество банкротств компаний пришлось на IV квартал 2017 г. (см. рис. 1). В IV квартале 2017 г. произошел резкий всплеск числа ликвидированных компаний, количество которых составило 3 875 компаний (на 28,2% больше по сравнению с первым кварталом 2017 г.). Увеличение связано с падением реальных доходов населения и медленным снижением ключевой ставки².

В 2017 г. арбитражные управляющие опубликовали 1 636 заключений о наличии признаков преднамеренного банкротства, при этом в 18 291 документе отражено их отсутствие. В основном инициаторами банкротства выступают сами кредиторы (79% всех дел за 2017 г.) [1].

В 2018 г. количество банкротств стало снижаться. За IV квартал 2018 г. число банкротств компаний сократилось на 11% к аналогичному периоду предыдущего года (3 437 против 3 875 компаний). Банкротства компаний в 2018 г. связаны с естественным процессом экономики, т.е. происходит ликвидация неэффективных компаний. Рост в IV квартале 2018 г. превысил на 383 компании, или на 12,5%, показатель III квартала 2018 г. Данная динамика связана с увеличением в сентябре ключевой ставки на 0,25 п.п. до 7,5% и в декабре на 0,25 п.п. до 7,75%³.

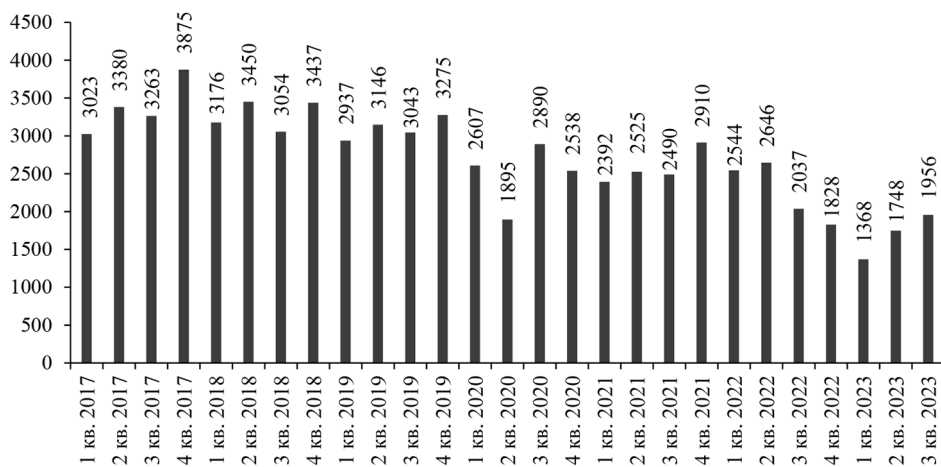

Рис. 1. Число компаний, признанных судом банкротами в России за период с 2017 по 2023 г., ед.

Источник: составлено автором по [1].

² Официальный сайт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: <http://www.forecast.ru/> (дата обращения: 19.01.2024).

³ Ключевая ставка Банка России // Банк России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 12.01.2024).

В 2019 г. признали банкротами 12 401 российскую компанию, что на 716 компаний, или на 5,5%, меньше, чем в 2018 г. Их банкротство в основном инициировали кредиторы. В 2019 г. кредиторы выступили заявителями в 78,1% процедурах банкротства (75,5% — в 2018 г.); на втором месте стоит ФНС — 12,6% (14,9%); третью позицию занимают сами должники — 8,7% (было 8,8%).

В 2020 г. число компаний-банкротов сократилось на 2 471 компанию, или на 20% к уровню 2019 г. Снижение связано с мораторием на подачу кредиторами заявлений о банкротстве должников, который длился с 6 апреля по 6 октября 2020 г. с последующей пролонгацией на 3 месяца до 7 января 2021 г.

Несмотря на уменьшение обанкротившихся компаний в 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, введенные меры только заморозили процесс банкротства. Это подтверждает то, что у компаний существуют серьезные проблемы с погашением своих долгов.

После окончания моратория существовал высокий риск резкого скачка подачи заявлений на банкротство, но *этого не произошло*. Выделим две основные причины отсутствия высокого роста заявлений на банкротство в этом периоде. Во-первых, это возможность урегулирования споров до суда между должником и кредиторами. Во-вторых, утверждение плана реструктуризации на несколько лет при резком падении выручки у наиболее пострадавших отраслей экономики.

Согласно данным Федресурса, в I полугодии 2021 г. количество компаний-банкротов выросло на 9,2% к аналогичному периоду предыдущего года до 4 918 компаний, но при этом снизилось на 19,2% к аналогичному периоду предыдущего года 2019 г., когда распространение *COVID-19* сильно не влияло на экономику России. Таким образом, в 2021 г. число корпоративных банкротств *снизилось до доковидного периода*.

В 2022 г. количество организаций-банкротов снизилось на 12,2% к аналогичному периоду предыдущего года. После завершения моратория на банкротство (с 1 октября) резкого роста банкротств не произошло. За IV квартал несостоятельными предприятиями стали 1 828 компаний, что на 53% ниже аналогичного показателя соответствующего периода предыдущего года. При этом после окончания моратория *резко выросло количество обращений кредиторов* (в 1,6 раз больше к аналогичному периоду предыдущего года).

Уход с национального рынка ряда крупных компаний породил проблемы с доставкой иностранного оборудования, сырья, материалов, комплектующих, а также с логистикой, что привело к росту себестоимости производства у ряда отечественных товаропроизводителей⁴. Компании, которые не смогли быстро переориентироваться на азиатский рынок или наладить логистическую цепочку параллельного импор-

⁴ Состояние российской экономики и деятельность компаний: результаты мониторинга РСПП в III квартале 2023 г. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/sostoyanie-rossiyskoy-ekonomiki-i-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-monitoringa-rspp-vo-iii-kvartale-20/?ysclid=ls7zvv233690282719> (дата обращения 26.01.2024).

та через Турцию, Дубай, Казахстан, Иран, Узбекистан и ряд других стран, объявили об ухудшении своих финансовых показателей и неспособности своевременного погашать свои долги перед кредиторами.

За 9 месяцев 2023 г. было ликвидировано 5 072 компаний. Это на 29,8% меньше, чем за 9 месяцев 2022 г., что связано с завершением очистки рынка от фиктивных компаний. При этом количество намерений кредиторов обратиться в суд с заявлениями о банкротстве за 9 месяцев 2023 г. *увеличилось более чем в 2 раза* по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Согласно данным Росстата, третья часть всей суммы просроченных долгов в экономике за 9 месяцев 2023 г. находится у обрабатывающей промышленности, что составляет 1,4 трлн руб.; второе место занимает оптовая и розничная торговля (718,7 млрд руб.); третье — компании, связанные с энергетикой (691,6 млрд руб.)⁵.

В 2023 г. на ухудшение финансовых показателей компаний повлияли *высокая инфляция и сильная волатильность валютного курса*. В октябре 2023 г. официальный курс доллара США доходил до 101,36 руб. Ужесточение денежно-кредитной политики повлияло не только на снижение инфляции, но и на стабилизацию курса рубля. Увеличение ключевой ставки и продажа экспортерами валютной выручки привели к снижению курса доллара США к концу года до 89,7 руб.

Несмотря на негативное влияние внешних факторов на российский рынок, потребительский спрос имеет *положительную динамику*. Наиболее пострадавшие отрасли в ковидное время, такие как туризм, общепит, сферы услуг, начали восстанавливаться. При этом уход иностранных компаний в значительной степени простимулировал российский рынок к собственному развитию производства, поиску и формированию новых логистических цепочек, расширению и переориентации рынка на внутреннего производителя.

Динамика банкротства компаний в разбивке по отраслям

Пандемия *COVID-19* оказала существенное негативное воздействие не только на экономику в целом, но и на тренды ее развития. Локдаун вынудил компании приостановить работу с сохранением выплаты заработной платы работникам и арендных платежей. Особенно пострадал средний и малый бизнес, т.к. в большинстве случаев он осуществляет свою деятельность на арендованных площадях. При этом не все арендодатели готовы были предоставлять льготы по уплате арендных платежей.

В этот период больше всего пострадали туристская отрасль, гостиничный и ресторанный бизнес, сферы развлечений, авиаперевозки, а также грузовые и пассажирские перевозки. Снижение количества туристских поездок затормозило развитие гостиничного бизнеса. Также пострадала отрасль общепита. Частные кафе и рестораны начали терять выручку. Наиболее отрицательное влияние пандемия оказала на авиакомпании,

⁵ Институциональные преобразования в экономике // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (дата обращения: 23.01.2024).

которые практически перестали быть прибыльным, в т.ч. в высокие сезоны, т.к. при падении доходной части, расходная часть оставалась на неизменно высоком уровне (оплата лизинга, выплата заработной платы административным и вспомогательным работникам, обслуживание самолетов и пр.).

В то же время хотя пандемия выявила и усугубила проблемы большинства отраслей экономики, для ряда отраслей этот период *стал толчком к развитию*. Например, обратной стороной локдауна в России стал рост востребованности в онлайн-процессах. Результатом выступило начало динамичного развития цифровых технологий, включая доставку готовой еды на дом.

В мире произошел аномальный рост показателей мирового фармацевтического сектора экономики, в т.ч. российского. Борьба с угрозой здоровью человечеству простимулировала резкий рост спроса на лекарства, снижающие тяжесть симптомов [2].

Анализ динамики банкротств компаний с разбивкой по отраслевой специфике деятельности за период с 2017 по 2023 г., позволил выявить три лидирующих отрасли по количеству «умерших» компаний: розничную и оптовую торговлю, строительство, транспортировку и хранение (см. рис. 2).

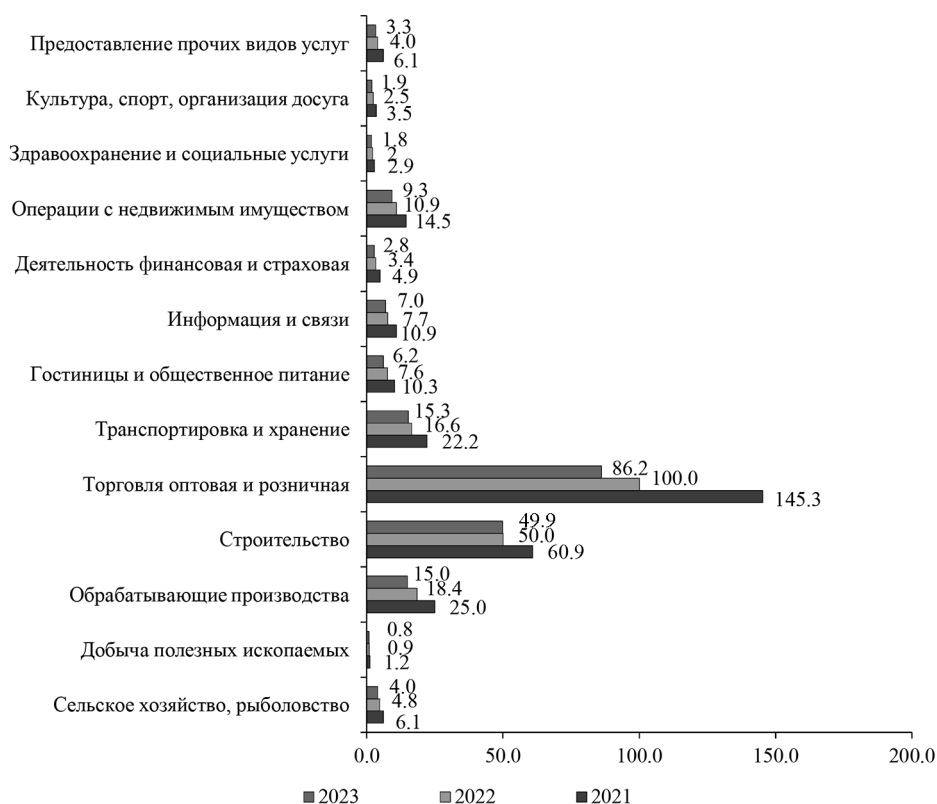

Рис. 2. Количество «умерших» компаний по видам экономической деятельности в 2021–2023 гг., тыс. ед.

Источник: составлено автором по [3; 4].

На банкротство торговых компаний на протяжении анализируемого периода повлияли различные факторы, включая платежеспособность населения, взаимоотношения с поставщиками, усиление регулирования отрасли и другие факторы.

Во время локдауна, вызванного пандемийными ограничениями, непродовольственные магазины закрылись, а в продуктовых количество покупателей сократилось в разы. При этом большинство компаний смогли переориентироваться на онлайн-торговлю для удовлетворения запросов потребителей. Несмотря на восстановление отрасли, после спада ограничений возникли новые угрозы в виде экономического кризиса.

После введения санкций в 2022 г. более ста иностранных компаний, покинули российский рынок. Большое количество торговых марок автомобилей, одежды, мебели, продуктов питания, парфюмерии, средств гигиены и т.д. закрыли фабрики, магазины, заводы.

Ретейлеры столкнулись с трудностями переориентации на других поставщиков, в частности на китайских, закрытием договоров с поставщиками из недружественных стран, а также возникновением проблем с логистикой. Уход с российского рынка платежных систем и сервисов *SWIFT, Visa, MasterCard, Apple Pay* и других негативно сказался не только на деятельности банков, но и на оплате покупателей и расчете с поставщиками.

В 2022 г. количество компаний-банкротов уменьшилось, что говорит о восстановлении экономики России и переориентации на новые рынки. Согласно данным Федеральной таможенной службы России, за 2023 г. поставки за рубеж увеличились на 20%. Несмотря на смещение торговли на азиатский рынок, в пятерку главных торговых партнеров кроме Турции, Белоруссии и Китая, входят Германия и Нидерланды. С ними разработаны новые логистические цепочки и коридоры, проходящие через территории дружественных стран⁶. Так, за 2022 г., по сравнению с 2021 г., в торговой отрасли на 14% снизилось количество неплатежеспособных компаний. В 2023 г. сокращение составило 31% к 2022 г. Уход иностранных продавцов с российского рынка простимулировал потребителей переориентироваться на приобретение товаров местных производителей, что положительно сказалось на отрасли торговли.

Таким образом, большинство компаний смогло переориентироваться на китайский рынок, подстроиться под условия параллельного импорта. Несмотря на усложнения логистики, рост себестоимости, переориентация на новые рынки позволила организациям увеличить свою контрактную базу, расширить диапазон развития бизнеса.

⁶ Торговля сокращает профицит. ФТС раскрыла объем внешней торговли России в 2023 г. // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/506659?ysclid=lsrwgg3q5c341125803> (дата обращения: 17.01.2024).

Банкротство компаний в российских регионах

С 2017 г. количество банкротств компаний в российских регионах постепенно увеличивалось. За анализируемый период наибольшую долю в общей массе компаний-банкротов занимает Центральный федеральный округ: в 2017 г. — 36,3%, в 2018 г. — 50,5%, в 2019 г. — 43,9%, в 2020 г. — 43,7%, в 2021 г. — 42,9%, в 2022 г. — 40,5%, в 2023 г. — 42,1% от общего числа компания по России (см. рис. 3).

В 2017 г. существенный прирост числа банкротств зафиксирован в Центральном федеральном округе (в т.ч. в Москве — 118 тыс. компаний), в Приволжском федеральном округе (в т.ч. в Татарстане — 96,6 тыс. компаний). При этом на столицу приходится 23% всех несостоятельных компаний в России, в Московской области — 19,3 тыс. компаний (3,8%). На третьем месте располагается Северо-Западный федеральный округ — 61,1 тыс. компаний, в т.ч. в Санкт-Петербурге в 2017 г. банкротами признаны 37,2 тыс. компании (7,3% от общего количества). Остальные округа занимают меньше 11% от общего количества компаний-банкротов.

В 2018 г. лидером вновь был Центральный федеральный округ. При этом отмечается резкий рост банкротства компаний, находящихся в Москве (увеличение в 2 раза к аналогичному периоду предыдущего года). В 2018 г. в России количество активных компаний составляло 3,4 млн (-10% к аналогичному периоду предыдущего года). Количество обанкротившихся компаний составило 622 тыс., что на 21,8% больше, чем в 2017 г.

В 2018 г. пять регионов Российской Федерации показали *положительную динамику* созданных компаний по сравнению с «умершими» предприятиями. К ним относятся Республика Крым (закрылись 1 654 компании, открылись 1 579 компаний), Севастополь (закрылись — 476, открылись — 650), Республика Ингушетия (закрылись — 384, открылись — 615), Чеченская Республика (закрылись — 594, открылись — 567), и Чукотский автономный округ (закрылись — 30, открылись — 31). Больше всего пострадали Республика Дагестан (открылись — 990, закрылись — 5 061) и Калининградская область (открылись — 1 548, закрылись — 6 809). Лидером большого количества созданных компаний стала Москва (открылись — 84 810, закрылись — 234 747)⁷.

В 2020 г. в России из-за карантинных ограничений, высокого уровня неопределенности и падения спроса, прекратили деятельность 515 тыс. организаций, или почти каждая шестая компания. Количество закрытых бизнесов в 2,4 раза превысило число вновь созданных. Убыль числа компаний произошла *во всех российских регионах*. Но особенно негативной была динамика в Москве (-14,9% к аналогичному периоду предыдущего года), Санкт-Петербурге (-15,4%), Кабардино-Балкарии (-14,9%), Тульской (-15,2%) и Псковской областях (-14,9%).

⁷ Смертность бизнеса: за 2018 г. в России закрылось в два раза больше компаний, чем открылось. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2019/smernost-biznesa-za-2018/> (дата обращения: 17.01.2024).

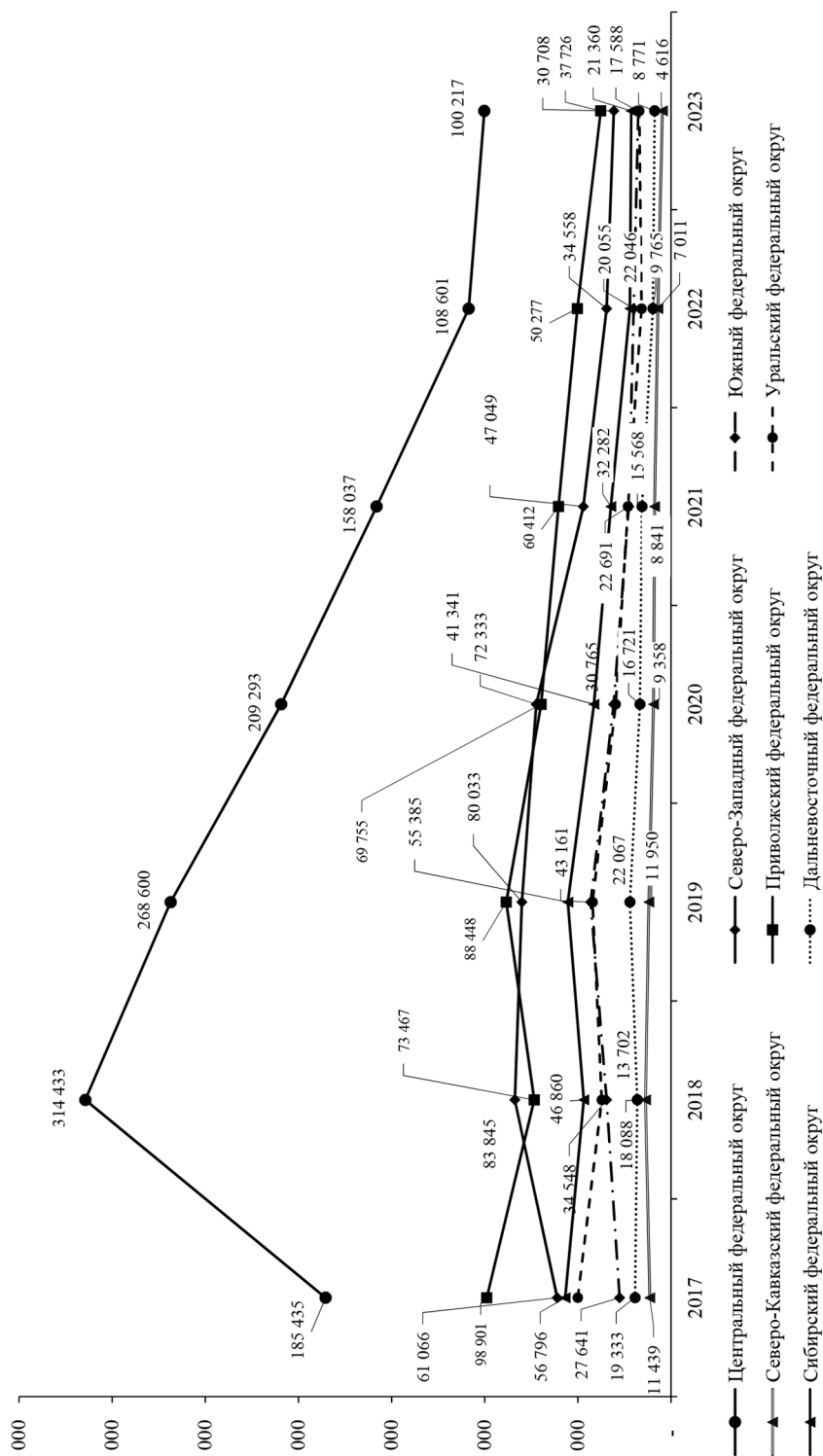

Рис. 3. Количество обанкротившихся компаний по субъектам России, ед.

Источник: составлено автором по [1; 3; 4].

В 2023 г. по сравнению с 2022 г. закрытия сократились по всем направлениям. В основном снизилось число недействующих бизнесов на 40,1% к аналогичному периоду предыдущего года. Количество исключенных компаний с недостоверными данными снизилось на 1,5 п.п. до 68%, количество ликвидируемых компаний снизилось на 5,1 п.п. до 18,3%. В 33 регионах количество открытых компаний превысило число закрытых. Наибольший прирост отмечался в Москве (открылось на 18,2 тыс. компаний больше, чем закрылось), Московской области (+4,8 тыс. компаний), Ленинградской области (+1,9 тыс. компаний).

Основными причинами неравномерного распределения компаний являются различия возможностей их доступа к финансовым ресурсам, кадровый дефицит или профицит, затрудненный доступ к рынкам сбыта в конкретных субъектах Российской Федерации.

Мораторий на банкротство

Впервые мораторий на процедуры банкротства как инструмент помощи государства с предотвращением и снижением числа обанкротившихся компаний был применен после начала пандемии в апреле 2020 г. сроком до 31 декабря 2020 г. Распространялся он только на компании наиболее пострадавших отраслей, например, туристской, общественного питания, торговли, транспортных услуг, а также на системообразующие предприятия.

В связи с тем, что экономическая ситуация не восстанавливалась, было принято решение о продлении моратория на возбуждение дел о банкротстве до 7 января 2021 г. В период действия моратория компаниям была доступна судебная рассрочка, которая предусматривает изменение сроков уплаты просроченных обязательств, а также прекращение исполнительного производства по имущественным взысканиям.

В 2022 г. в связи со сложной финансовой ситуацией из-за введения санкций было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 28 марта 2022 г. № 497 (ред. от 13 июля 2022 г.) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» в поддержку пострадавших отраслей малого и среднего бизнеса. Мораторий действовал с 1 апреля 2022 г. по 1 октября 2022 г. и оказал положительное влияние в 2022 г. на компании малого и среднего бизнеса, случаи банкротства которых снизились на 37,2% в сравнении с релевантным периодом 2021 г.

В отличие от моратория на банкротство 2020 г., длившегося с 6 апреля 2020 г. по 7 января 2021 г., под который попадали только индивидуальные предприниматели и компании наиболее пострадавших отраслей, мораторий 2022 г. затрагивал всех должников, без учета застройщиков, нарушивших сроки сдачи домов более чем на 6 месяцев.

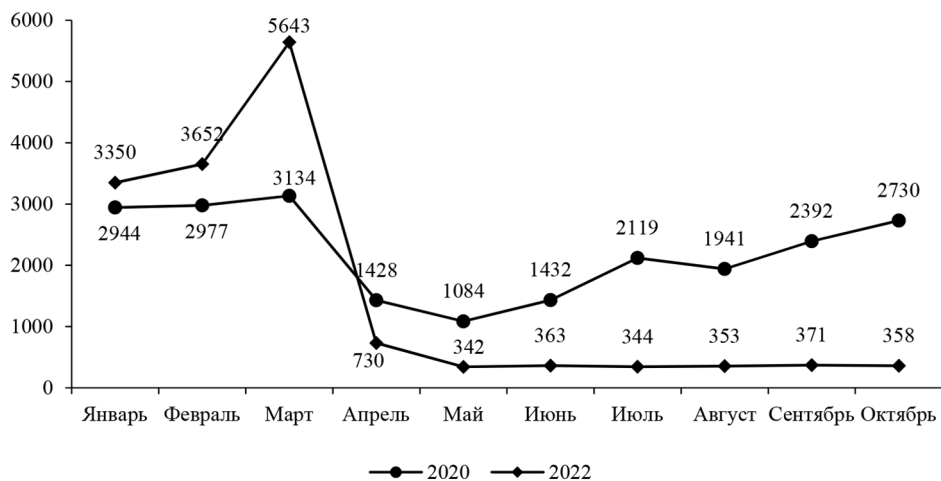

Рис. 4. Статистика принятия судами заявлений о банкротстве юридических лиц в 2020 г. и в 2022 г., ед.

Источник: составлено автором по [1].

Как показано на *рисунке 4*, за октябрь 2022 г. количество заявлений о банкротстве сократилось на 86,9% к аналогичному периоду предыдущего года. При этом до введения моратория в 2022 г. было подано максимальное количество заявок в размере 5 643 шт.

Разъяснения особенностей применения норм о моратории на возбуждение дел о банкротстве регулируются ст. 9.1. Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. вступ. в силу с 5 января 2024 г.). В период действия моратория не применяются санкции в виде пеней, штрафов за нарушение сроков погашения обязательств и за возникновение просрочки по уплате налогов, которые возникли до даты введения моратория [5].

Запрет на введение процедур банкротства по инициативе внешних кредиторов в 2022 г. привел к тому, что в сравнении с 2020 г. увеличилось число банкротств по инициативе самих компаний-должников. Таким образом, *мораторий* только приводит к отсрочке процедуры банкротства, а значит, *фактически не помогает решить проблемы должника*.

Заключение

Подводя итог краткого анализа банкротств компаний в Российской Федерации в 2017–2023 гг., включающий допандемийный, пандемийный и постпандемийный этапы, можно сделать следующие выводы.

Первый. Количество банкротств компаний в России имеет циклический характер и зависит от таких внешних и внутренних факторов, как экономические кризисы, санкции, пандемия, инфляция, валютный курс, ключевая ставка, платежеспособность населения и т.д.

Второй. Наибольшее количество банкротств приходится на Центральный федеральный округ, в особенности на Москву и Московскую область, где сконцентрировано большинство компаний различных отраслей. В то же время в некоторых регионах, таких как Крым, Севастополь, Ингушетия, Чечня и Чукотка, наблюдается положительная динамика создания новых компаний.

Третий. Среди отраслей, наиболее подверженных банкротству, выделяются торговля, строительство, транспорт и хранение. Они сильнее всего пострадали от пандемии и санкций, которые затруднили доступ к рынкам сбыта, поставщикам и финансовым ресурсам. При этом некоторые отрасли (фармацевтика, цифровые технологии и доставка еды) получили стимул к развитию в условиях кризиса.

Четвертый. Мораторий на банкротство, введенный в 2020 и 2022 гг., который был временной мерой поддержки наиболее уязвимых компаний, не решал их финансовых проблем. Мораторий на банкротство, введенный в 2020 г. и продленный до 7 января 2021 г., помог сдерживать рост числа банкротств во время пандемии. Однако в 2023 г. количество банкротств увеличилось на 9,2% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. Больше всего от банкротств пострадали розничная и оптовая торговля, строительство, транспорт и складирование. Мораторий на банкротство, введенный в 2022 г., помог предотвратить значительный рост числа банкротств в этот период. Однако ожидается, что число банкротств увеличится, поскольку по истечении моратория многие компании сталкивались с риском банкротства по инициативе кредиторов или самих должников.

Список литературы

1. Статистический релиз Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news?classifier=7> (дата обращения: 15.01.2024).

2. Лопатина П.А. Фармацевтическая промышленность в условиях нестабильности экономики и перспективы ее развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 9 (103). С. 130–134.

3. Демографические показатели предприятий по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации (с 2017 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fdemb_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 28.01.2024).

4. Показатели предпринимательской активности предприятий по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации (с 2017 г.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fdemb-act_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 25.01.2024).

5. Львова О.А. Система управления банкротством: экономические аспекты. М.: РУСАЙНС, 2022. 184 с.

References

1. Statisticheskii reliz Fedresursa [Statistical Release of Fedresurs]. (In Russ.). Available at: <https://fedresurs.ru/news?classifier=7> (accessed 15 January 2024).
2. Lopatina P.A. Farmatsevticheskaiia promyshlennost' v usloviakh nestabil'nosti ekonomiki i perspektivy ee razvitiia [Pharmaceutical Industry in Conditions of Economic Instability and Prospects for Its Development], *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2023, No. 9 (103), pp. 130–134. (In Russ.).
3. Demograficheskie pokazateli predpriatii po vidam ekonomicheskoi deiatel'nosti i sub"ektam Rossiiskoi Federatsii (s 2017 g.) [Demographic Indicators of Enterprises by Type of Economic Activity and Constituent Entities of the Russian Federation (Since 2017)], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fdemb_2023.xlsx&wdOrigin=BROUSELINK (accessed 28 January 2024).
4. Pokazateli predprinimatel'skoi aktivnosti predpriatii po vidam ekonomicheskoi deiatel'nosti i sub"ektam Rossiiskoi Federatsii (s 2017 g.) [Indicators of Entrepreneurial Activity of Enterprises by Type of Economic Activity and Constituent Entities of the Russian Federation (Since 2017)], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. (In Russ.). Available at: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fdemb_act_2023.xlsx&wdOrigin=BROUSELINK (accessed 25 January 2024).
5. L'vova O.A. Sistema upravleniia bankrotstvom: ekonomicheskie aspekty [Bankruptcy Management System: Economic Aspects]. Moscow, RUSAINS, 2022, 184 p. (In Russ.).

BANKRUPTCY OF COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE COVID AND POST-COVID PERIODS

The market economy is subject to cyclical changes, which significantly affects the financial condition of companies. Periods of growth are followed by periods of economic crises and stagnation. These periods are accompanied by both an increase in the number of companies and their financial stability, and their sharp decline, including the loss of financial solvency. In order to analyze the dynamics and industry specifics of the number of bankruptcies, the article examines the statistics of company bankruptcies in the Russian Federation from 2017 to 2023. This time period includes the pre-pandemic, pandemic (COVID-19) and post-pandemic periods, in each of which factors characteristic of each period affecting economic turbulence have been identified. The author analyzes not only the quantitative dynamics of company bankruptcies, but also the regional and industry specifics of company bankruptcies in the analyzed period.

Keywords: bankruptcy of Russian companies, causes of bankruptcy, economic situation, industry, government support, legal entity, region.

JEL: G33, H11, L10, R10

Дата поступления — 05.02.2024 г.

ЛОПАТИНА Полина Антоновна

аспирантка кафедры финансов устойчивого развития;
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский экономический университет име-
ни Г.В. Плеханова» / Стремянный пер., д. 36, г. Москва, 109992.
e-mail: p.lopatina2016@yandex.ru

LOPATINA Polina A.

Postgraduate Student of Department of Finance for Sustainable Development;
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Plekhanov Russian University of Economics” / 36, Stremyanny Lane,
Moscow, 109992.
e-mail: p.lopatina2016@yandex.ru

Для цитирования:

Лопатина П.А. Банкротства компаний в Российской Федерации в ко-
видный и постковидный периоды // Федерализм. 2024. Т. 29. № 1 (113).
С. 171–183. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2024-1-171-183>

Требования к оформлению рукописей для авторов журнала «Федерализм»

По структуре. Статья должна быть структурирована, иметь подзаголовки и сноски. Объем рукописи для кандидатов и докторов наук должен составлять — от 40 000 до 50 000 печатных знаков, включая пробелы, для аспирантов — от 20 000 до 25 000 печатных знаков (раздел «Молодые ученые»). Оригинальность текста должна быть не менее 80%.

В сопровождении к статье должны быть **обязательно представлены** (отдельным файлом):

- фамилия, имя, отчество автора (авторов) на русском и английском языках;
- ученая степень, звание, должность, место работы на русском и английском языках, для аспирантов — название вуза;
- e-mail (публикуется в журнале как контактная информация автора);
- аннотация объемом 6–8 строк (100–250 слов) на русском языке; по своей структуре аннотация должна отражать содержание статьи, то есть кратко обосновывать актуальность выбранной темы, раскрывать основное содержание исследования и полученные автором результаты;
- ключевые слова к статье (5–7 слов на русском и английском языках);
- тематический классификатор Journal of Economic Literature (JEL);
- контактный **телефон** с кодом города, почтовый адрес с указанием индекса.

Требования к оформлению статьи. Текст статьи предоставляется в формате WORD (*.doc, *.docx). Основной текст печатается шрифтом Times New Roman 14 обычный, межстрочный интервал — 1,5, выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 1,25 см. Название раздела, пунктов и подпунктов печатается шрифтом Times New Roman 14 полужирный, наклонный, выравнивание по центру. Разделы отделяются от предыдущего раздела одной пустой строкой и от последующего текста также одной пустой строкой.

Ссылки на литературу — затекстовые. Печатаются шрифтом Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал — 1,0. Отступ — 1,25 см. Все ссылки указываются списком в конце статьи, нумерация в списке литературы — по мере упоминания источника в тексте. В тексте, в квадратных скобках, указывается порядковый номер ссылки и страница.

Ссылки на законодательные акты даются постранично. Примечания подстрочные (сквозная нумерация); размер шрифта примечаний — 12 при интервале 1. Нумерация таблиц, рисунков и формул (сквозная). Параметры страницы: верхнее поле — 2,0; нижнее поле — 2,5; левое поле — 2,0; правое поле — 1,5.

Принятые сокращения: год — г. годы — гг.; в том числе — в т.ч.; то есть — т.е.; так как — т.к.; тому подобное — т.п.; тысячи — тыс.; миллионы — млн; миллиарды — млрд; рубли — руб.; доллары — долл.; век — в.

Иностранные слова в тексте статьи выделяются курсивом.

Таблицы должны быть выполнены табличными ячейками Word. Шрифт Times New Roman 12 обычный, межстрочный интервал 1,0. Стремитесь к тому, чтобы каждому пункту таблицы соответствовала своя ячейка (не пользуйтесь символами абзаца для смысловой разбивки строк). Выравнивание текста и цифр внутри ячеек необходимо выполнять только стандартными способами, а не с помощью пробелов, абзацев или дополнительных пустых строк. Не используйте в таблице выделение цветом, он «потеряется» при верстке.

Графики оформляются в черно-белом варианте, предпочтительно делать в Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные, связанные с рисунком) или CorelDraw (не переводите текст в кривые, так как он всегда редактируется. Не импортируйте файлы в графических форматах в файл *.cdg и не экспортируйте файлы *.cdg в другие форматы). По возможности избегайте построения графиков в Word, так как их подготовка к верстке требует большой дополнительной работы. Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word. Качество таких материалов в большинстве случаев непригодно для полиграфии.

После текста статьи приводятся два тождественных пронумерованных *списка литературы*. Один список (для русскоговорящих читателей) оформляется в соответствии с действующим ГОСТ Р 7.0.5–2008. Второй список (*References*) для иностранных читателей оформляется в соответствии с требованиями журналов, включенных в базу данных Scopus. Нумерация в двух списках должна полностью совпадать. Они должны быть идентичными по содержанию, но разными по оформлению. Транслитерировать можно автоматически с помощью translit.ru, режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Требования к оформлению References см. на сайте журнала <https://federalizm.rea.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>

За достоверность представляемых библиографических данных авторы несут ответственность вплоть до отказа в праве на публикацию.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)

Основан в 1996 г.
Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77-74878 от 11 февраля 2019 г.

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора
и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного
цитирования

Подписка по каталогу
Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 72005

При перепечатке материалов ссылка на
журнал «Федерализм» обязательна.
Рукописи, не принятые к публикации, не
возвращаются.
Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.

Редактор **Б.Ю. Соколова**
Технический редактор **Е.И. Аникеева**

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (495) 800-12-00, доб. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Подписано в печать 25.03.2024.
Формат 70x108 1/16
Печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 16,45.
Уч.-изд. л. 14,51.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Цена свободная.

Отпечатано в ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г.В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

© ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
2024

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Founded in 1996
The edition is registered
in the Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI No. FS 77-74878 dated 11 February 2019

The journal was included in the List of leading
scientific journals and publications
of the Higher Attestation Board, publication
in which is mandatory for defending
PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index
of scientific citing

Subscription by “Ural-Press” catalogue.
Index 72005

In case materials from “Federalism” are repro-
duced, the reference to the source is manda-
tory. Materials not accepted for publication are
not returned.
Opinions of editorial council and editorial
board may not coincide with those of the au-
thors of publications.

Editor **B.Iu. Sokolova**
Technical editor **E.I. Anikeeva**

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.
Tel.: **8 (495) 800-12-00, ext. 16-52**
E-mail: **federalizm@rea.ru**

Signed for print 25.03.2024.
Format 70x108 1/16
Printed sheets 11.75. Conv. sheets 16.45.
Publ. sheets 14.51.
Circulation 1,000. Order № .
Free price.

Printed in Plekhanov Russian University
of Economics,
36 Stremyanny Lane, 109992, Moscow.

© Russian University of Economics,
2024